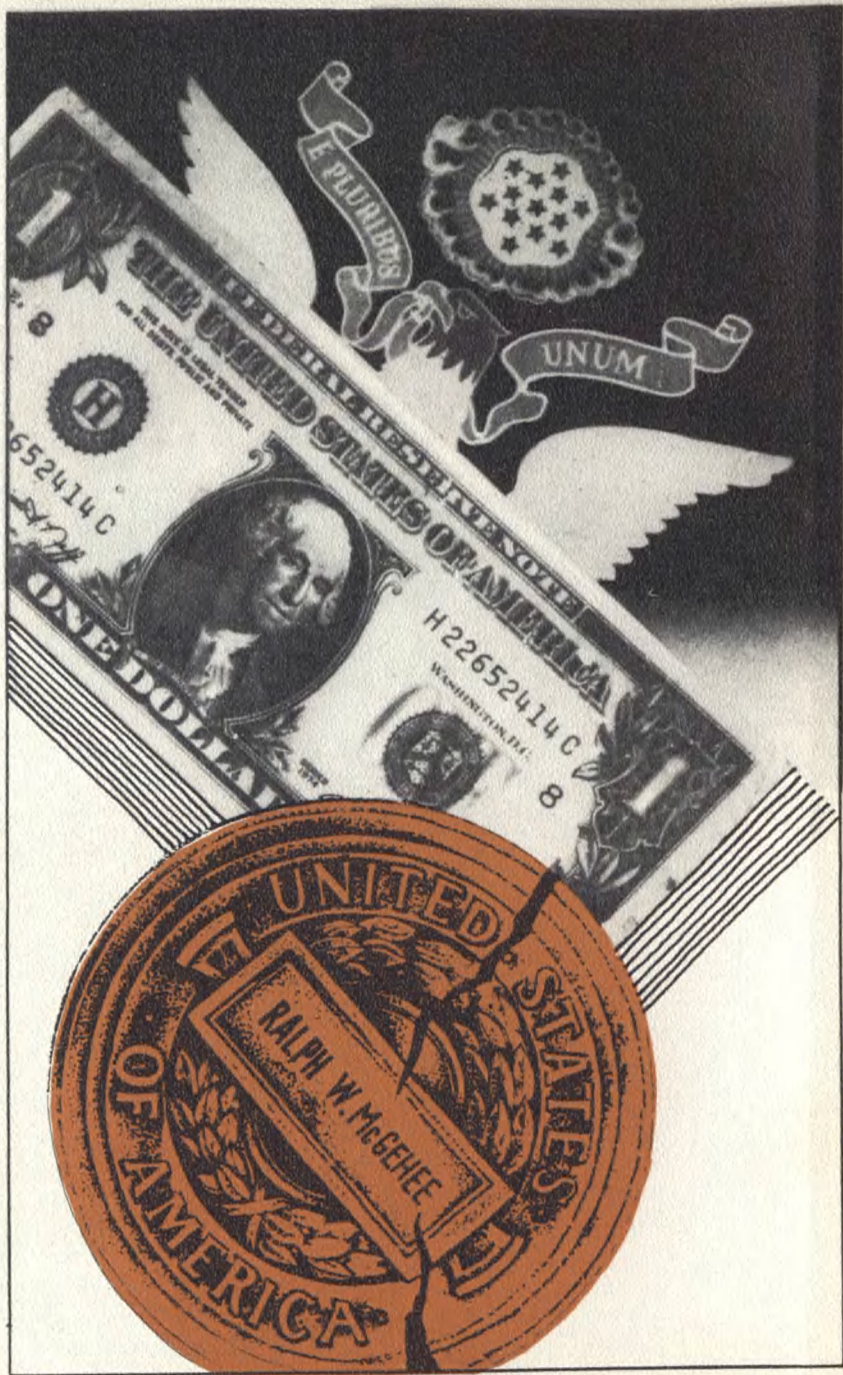

Ральф Макгихи

СМЕРТЬ И ЛОЖЬ

25 лет
в ЦРУ

Ральф Макгинн

СМЕРТЬ И ЛОЖЬ

25 лет в ЦРУ

ОЧЕРК

*Перевод с английского
А. В. ДЕНИСОВА*

**МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985**

ББК 66.4 (08)
M15

DEADLY DECEITS

My 25 Years in the CIA

By

RALPH W. MCGEHEE

Sheridan Square Publications, Inc.
New York

M 0804000000-220 11-85
068(02)-85

Copyright © 1983
Ralph W. McGehee

© Перевод на русский язык
Воениздат, 1985

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда американский разведчик заканчивает службу в ЦРУ, это далеко не всегда означает, что он полностью порывает с ним или забывает обо всем, с чем ему приходилось сталкиваться за годы работы в этом зловещем ведомстве. Известно немало случаев, когда бывшие сотрудники ЦРУ продолжают свою секретную деятельность в интересах частных компаний и фирм, используя знания, опыт и связи, приобретенные в Лэнгли.

Но есть и другие примеры — когда бывшие сотрудники ЦРУ, «прокляв все, что было в прошлом», становятся на путь разоблачений преступной деятельности американской разведки. За минувшее десятилетие таких людей появилось немало. Достаточно вспомнить, например, идейно порвавшего с ЦРУ Ф. Эйджи, автора шумевших в свое время книг «За кулисами ЦРУ», «Грязная работа ЦРУ в Европе» и «Грязная работа ЦРУ в Африке», или Дж. Стокуэлла, выпустившего яркую обличительную книгу «В поисках врагов» — о тайных операциях ЦРУ в Анголе, или бывшего американского разведчика Ф. Снеппа, разоблачившего в книге «Приличный интервал» зверства американского ЦРУ во Вьетнаме.

И, наконец, третья категория «бывших», которые, анализируя прошлое, подмечая ошибки, недоработки, провалы и неудачи ЦРУ, ищут пути создания такой организации американской разведки, которая бы навечно запрятала в сундуки истории все убийства, заговоры, необъявленные войны и массовые расправы над мирными гражданами. А затем, родившись на свет как бы заново, американская разведка предстала бы перед удивленным миром в виде чуть ли не научно-исследовательской организации, которую интересуют чисто информационные шпионские сведения обо всех и вся.

Но чем бы ни занимались бывшие американские разведчики, после ухода из ЦРУ они сразу же становятся объектами наблюдения американской охраны. Правительство и законодательные органы разработали даже целый ряд мер, чтобы ограничить «бывшим» выбор занятий «на заслуженном отдыхе». Главная цель всех этих мер — препятствовать разглашению тайных операций ЦРУ и имен их участников. Уже объявлено, что разглашение указанных сведений уголовно наказуемо и по тяжести вины приравнивается к шпионажу. ЦРУ со своей стороны подготовило и ввело в практику более строгие формулировки обязательств, которые подписывает каждый новый сотрудник при поступлении на работу в шпионское ведомство. Одно из обязательств, например, запрещает тем, кто уходит из ЦРУ, «предаваться различным воспоминаниям», которые могут быть использованы средствами массовой информации для раскрытия тех или иных тайных операций ЦРУ.

Пожалуй, к разряду последних и принадлежит автор книги «Смерть и ложь» Ральф Макгихи — убежденный антикоммунист, человек, чья критика в адрес ЦРУ вызвана во многом личными амбициями и мотивами, поскольку руководство ведомства «плаща и кинжала» не всегда приходило в восторг от его «успехов в работе» и не следовало рекомендациям и советам маленького винтика огромной и безжалостной разведывательной машины.

Однако и позднее раскаяние — это все же раскаяние. И причины угрызений совести, которые мучают бывшего американского разведчика Макгихи, понять нетрудно, когда читаешь такие строки: «Я ненавижу себя за то, что мне приходилось участвовать во всех этих ужасных убийствах. Фактически все, что я делал, помогало убивать невинных людей. Фотографии заживо сожженных напалмом вьетнамских детей повергали меня в отчаяние. Мне хотелось только одного: быть подальше от этой проклятой бойни».

Макгихи не поднял меч против ЦРУ, не восстал против царящих там принципов и порядков, не встал в один ряд с Эйджи, Снеппом, Стокуэллом и другими бывшими сотрудниками американской разведки, посвятившими себя «очищению от скверны» и разоблачению тайных операций американского шпионского ведомства. Напротив, он прошел нога в ногу со своими коллегами из ЦРУ долгий, двадцатипятилетний путь, иногда забегая вне-

ред, иногда чуть отставая в зависимости от характера даваемых ему поручений. Макгихи был награжден медалью «За безупречную работу в ЦРУ» и нашел для себя «веские» аргументы, чтобы принять эту награду от заместителя директора ЦРУ, кстати, руководившего теми самыми операциями по уничтожению мирных вьетнамских граждан, о которых упоминает автор предлагаемой читателю книги. Словом, Ральф Макгихи — типичный образчик «совестливого» либерала, которому неудобно смотреть на зверства своих коллег, противно выслушивать большую ложь, распространяемую Центральным разведывательным управлением во имя новых авантур. В то же время он остается антикоммунистом, человеком правых убеждений и взглядов. Потому столь извилист путь умозаключений бывшего американского разведчика. Недаром на протяжении всей книги он то и дело сокрушается: «Настоящей разведки мы не имеем», «Такое положение нетерпимо», «Чтобы создать высокоэффективную разведывательную службу, надо прежде всего распустить Центральное разведывательное управление», «Президент и Совет национальной безопасности все время стремятся использовать управление не для сбора разведывательной информации, а в качестве орудия тайных операций».

Кстати, идея двух ЦРУ — для тайных подрывных операций и для анализа разведывательной информации — отнюдь не оригинальное изобретение автора книги «Смерть и ложь». Задолго до Макгихи эту мысль усердно развивал известный теоретик американской разведки Гарри Розитцке. Все это делалось для того, чтобы создать у американцев и за рубежом иллюзию, будто после разоблачения его грязных дел ЦРУ изменит свой неприглядный облик, образ мыслей и действий. Но этим пропагандистским уловкам платных адвокатов американского «разведывательного сообщества» никто не верит. И прежде всего те, кто хорошо знаком с ведомством «плаща и кинжала». Бывший американский разведчик Ф. Эйджи писал по поводу такого рода предложений: «Сегодня, несмотря на все последние реформы, ЦРУ осталось главным образом организацией действия, именно действия, а не просто сбора информации. Его сфера — это серая зона интервенционистских акций между традиционной дипломатией и вторжением морской пехоты, а его объекты в большинстве стран остаются в основном те же: правительства, политические партии, военные организации,

полиция, секретные службы, профсоюзы, молодежные и студенческие организации, культурные и профессиональные общества, средства массовой информации. Во всех этих объектах ЦРУ продолжает оказывать поддержку своим друзьям и готовить расправу над своими недругами. Но цель у ЦРУ при этом сохраняется старой: укрепление господства США, при котором американские многонациональные компании могут усиливать эксплуатацию природных богатств и трудящихся других стран».

Книга Макгихи «Смерть и ложь» во многом отвечает своему названию. Она рассказывает о том, как с помощью большой лжи Центральное разведывательное управление США втягивало и продолжает втягивать американский народ в опасные для дела мира международные авантюры. Суть этой большой лжи выразил в свое время влиятельный американский журнал «Форин аферс»: «Мы начали вмешиваться во внутренние дела Индокитая и других стран под влиянием идеи о существовании очень опасного коммунистического вызова, брошенного нам Москвой. И эту «идею» нам словно на блюдечке преподнесло ЦРУ!» Именно ЦРУ, как утверждают его постоянные критики из числа бывших работников этого ведомства, привыкло жарить свою яичницу на пожарах мировых конфликтов и кризисов, усиливая влияние на политическую жизнь США, добиваясь крупных ассигнований и расширения штатов.

Приход к власти администрации Рейгана в 1980 году открыл новую эру в истории американского шпионского ведомства, вдохнул в эту организацию «новую жизнь». В декабре 1981 года по совету директора ЦРУ Уильяма Кейси (этот близкий друг Рейгана, несмотря на шумные разоблачения его финансовых махинаций, все еще возглавляет ЦРУ) президент США подписал директиву № 12333, в которой определяются основные направления деятельности Центрального разведывательного управления. Новые директивы позволяют ЦРУ организовывать тайные операции в самих США, тайно проникать в американские организации, усиливать наблюдения за своими соотечественниками как внутри США, так и за границей.

Благосклонность нынешней американской администрации к ЦРУ нашла свое отражение и в финансовых ассигнованиях. Например, в 1983 году шпионскому ведомству было отпущено средств на двадцать пять процентов больше, чем в предыдущем, что, по свидетельству фран-

пуазской газеты «Монд дипломатик», является самым значительным показателем роста бюджета по сравнению с другими государственными учреждениями Соединенных Штатов.

В настоящее время, когда американские войска не ведут самостоятельных крупных боевых операций, наподобие тех, что они вели в 70-е годы во Вьетнаме, ЦРУ и другие члены американского «разведывательного сообщества» предпочитают загребать жар чужими руками, используя для своих тайных операций банды наемных убийц и провокаторов. В Никарагуа миллионы долларов ЦРУ идут на обеспечение всем необходимым десяти с лишним тысяч сомосовских головорезов, на организацию налетов с воздуха, на подготовку и проведение шпионских диверсий против различных гражданских объектов истроек и, конечно, на многочисленные пропагандистские акции в целях дестабилизации законного правительства.

Тайные операции ЦРУ в Афганистане направлены сегодня на подготовку афганских мятежников, на снабжение их оружием и боеприпасами. В то же время сотрудники американского шпионского ведомства, орудующие в Пакистане и некоторых других странах региона, стремятся держать под контролем и одновременно оберегать от нападков со стороны внутренней оппозиции военный режим президента Пакистана Зия-уль-Хака, который, как известно, держится у власти благодаря военной помощи Вашингтона.

Повествуя о своей безупречной службе в шпионском ведомстве, Макгихи не выходит за рамки ставших уже широко известными операций ЦРУ, которые проводились в ходе «грязной войны» во Вьетнаме. Но описание даже этих акций, например операции «Феникс», носит в книге весьма поверхностный характер. А ведь Макгихи, непосредственному участнику многих из них, есть что рассказать читателю. Складывается впечатление, что американская цензура основательно поработала над авторским текстом, выбросив из него материалы и факты, проливающие дополнительный свет на преступления американского империализма во Вьетнаме. Да и сам Макгихи, видимо, не противился «хирургическим операциям», проводившимся над его книгой в Лэнгли, поскольку был далек от мысли стать обличителем ЦРУ. «Должен признаться, — пишет Макгихи, — меня не особенно волновали все эти нарушения прав человека. Я был убеж-

ден, что в борьбе с коммунизмом цель оправдывает средства».

В этой исповеди перед нами предстает типичный сотрудник американского «разведывательного сообщества», со школьной скамьи воспитанный в духе ярого антикоммунизма, в духе лютой ненависти ко всему прогрессивному. И именно такие люди чаще всего рассуждают о демократии и свободе, пытаются навязать миру свои представления о добре и зле. Это на их руках — и рядовых исполнителей, и руководителей — следы крови многих тысяч жертв, понавших сполна все «прелести» американской демократии, демократии штыка и напалма. В книге «Американское досье», вышедшей в США сразу после окончания вьетнамской войны, противники этой грязной бойни свидетельствовали, что директор ЦРУ лично руководил операциями по истреблению ни в чем не повинных людей: «В ходе карательных операций директор ЦРУ лично устанавливал месячные квоты уничтожения гражданского населения. Его распоряжения должны были выполняться в обязательном порядке».

Книга Макгихи не лишена ряда неточностей, сомнительных оценок, а может, и сознательных искажений истины, ведь согласно новому положению ее редактировало само ЦРУ. Обратим внимание читателей на одно из таких искажений. Стремление Соединенных Штатов пойти на развитие контактов с правительством КНР, несомненно, оказало влияние на те главы, в которых рассказывается о неудачах американской разведки в организации тайных операций против Китайской Народной Республики. Но было ли на самом деле все так, как это описывает Макгихи? Факты говорят об обратном.

В действительности ЦРУ не ослабило, а, наоборот, умножило свои усилия для организации шпионско-подрывной деятельности против Китайской Народной Республики. Свидетельством тому является крупномасштабная операция под кодовым названием «Паркер». В ходе этой операции американская разведка добилась при помощи своей агентуры среди некоторых высокопоставленных правительственных чиновников и полиции в ряде стран, в частности в Таиланде, на Тайване и в Индонезии, положительного решения вопроса о строительстве стартовых площадок для американских ядерных ракет, нацеленных на военно-промышленные объекты Китайской Народной Республики. Да и о какой атмосфере «уныния и безысходности» в дальневосточном подразделе-

лении ЦРУ может идти речь, если хорошо известно, что именно это подразделение за минувшее десятилетие практически утроило свой личный состав, сделавшись одним из важнейших в системе оперативного управления Центрального разведывательного управления.

Много внимания уделено в книге анализу и оценке разведывательной информации, получаемой ЦРУ из «надежных источников». Однако Макгихи, хорошо знакомый с этой работой, как говорится, ни в грош не ставит ее практическую ценность с точки зрения объективности и содержания. Он пишет, что зачастую газетная статья и разведывательные сообщения источников ЦРУ оказывались абсолютно идентичными. Как совершенно справедливо отмечает автор, «вся информационная деятельность ЦРУ сводится к тому, чтобы снабжать правительственные органы такими сведениями, которые служили бы оправданием осуществляемых управлением тайных операций». И Макгихи делает вывод, что, «превратившись в правительственное агентство новостей, ЦРУ все меньше внимания уделяло сбору разведывательных данных и их анализу».

Как представляется (и тому есть немало доказательств), автор явно недооценивает той глобальной шпионской роли ЦРУ, которую эта организация играет в получении секретной информации не только в лагере своих потенциальных противников, но и в стане союзников и друзей, не говоря уже о неприсоединившихся и развивающихся странах. За примерами далеко ходить не надо. Недавно член канадского парламента Свенд Робинсон сделал заявление, что Центральное разведывательное управление завербовало нескольких высокопоставленных чиновников в пользующейся покровительством канадского правительства нефтяной компании «Петро-Канада» и получало от них разведывательную информацию для использования в целях, наносящих ущерб национальным интересам Канады. Или, скажем, ставшие общеизвестными факты о сборе агентами ЦРУ информации о планах и намерениях пенджабских сепаратистов в Индии.

Конечно, автор книги «Смерть и ложь» далек от того, чтобы видеть факты и интерпретировать события в привычном для нас историческом ракурсе, во взаимосвязи с другими политическими событиями. Чего стоит, например, его утверждение, будто ЦРУ само подчас было не в состоянии отличить собственные пропагандистские фальшивки от реальных фактов. Именно это, как под-

черкивает Макгихи, и явилось одной из причин катастрофы во Вьетнаме.

«Так ли все просто?» — хочется спросить автора. И, как бы предвидя подобный вопрос, Макгихи спешит оправдаться перед читателями: «За все двадцать лет работы в Центральном разведывательном управлении я ни разу не сделал попытки познакомиться с коммунистической идеологией по первоисточникам. Вместо этого, — признается он, — я полностью полагался на американскую печать, ту информацию о коммунистическом движении, которая содержалась в материалах управления». Отсюда и вывод, к которому невольно, подталкиваемый естественной логикой развития событий, приходит Макгихи: «...Стремление полагаться исключительно на «доверительную» информацию из источников американской разведки, общая атмосфера яростного антикоммунизма — все это способствовало выработке извращенного, предвзятого представления о том, что представляют собой теория и практика коммунизма».

Бесспорно, атмосфера яростного антикоммунизма, царящая в американских коридорах власти, будь то Белый дом или этажи штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли, наложила отпечаток на содержание книги Макгихи. И все же советскому читателю, как представляется, будет любопытно познакомиться с этой книгой, вышедшей из-под пера бывшего американского разведчика, потому что его рассказ о тайных операциях американского ЦРУ, о широкой дезинформации мирового общественного мнения по только не утратил своей актуальности, но и приобрел еще более злобный смысл в условиях обострения международной обстановки и тех безответственных внешнеполитических шагов, которые постоянно предпринимает нынешняя американская администрация.

А. НИКОЛАЕВ

ВВЕДЕНИЕ

Однажды глубокой декабрьской ночью я сидел в полном одиночестве в гостиной своей виллы, расположенной неподалеку от Сайгона. Мебель скудно обставленной комнаты составляли казенного вида столы, сколоченные из пальмовых досок, набитые растительным пухом кресла и диван. Напротив меня стояли пустой кофейный столик и голые книжные полки, как бы подчеркивая, что помещение только что перешло от одного хозяина к другому. Заключенная в раму картина с изображением каких-то неестественных цветов была не в состоянии побороть монотонность выкрашенных в мертвенно-желтый цвет стен. Стереомаягнитофон без конца прокручивал одну и ту же пленку, оставленную моим предшественником. В сотый раз Фрэнк Синатра пел о том, «как прекрасен мир сегодня», после чего следовала мелодия «Конец света». Снаружи доносился шум военного вертолета. Где-то вдалеке Б-52 сбрасывал на южновьетнамских мужчин, женщин и детей очередной груз авиабомб.

Я сидел и мучительно думал о том, что занесло меня в этот крошечный ад: идеализм? патриотизм? амбиции? А может, желание стать хорошим офицером разведки и помочь моей стране в борьбе против бедствия под названием «коммунизм»? Но тогда зачем же мы забрасываем бомбами людей, которых мы, по нашим словам, собираемся спасти? Зачем жжем напалмом маленьких детей? Почему ЦРУ, сотрудником которого я состою вот уже шестнадцать лет, вместо того чтобы говорить людям правду, все время лжет?

Я ненавидел себя за то, что мне приходилось участвовать во всех этих ужасных убийствах. Фактически все, что я делал, помогало убивать невинных людей. Фотографии заживо сожженных напалмом вьетнамских детей

повергали меня в отчаяние. Мне хотелось только одного: быть подальше от этой проклятой бойни.

С чувством гнева вспоминал я, чем год назад закончилось мое пребывание в Таиланде. Работая в сельской местности, я собрал правдивую, хотя зачастую и нелицеприятную для Америки, информацию о характере и природе революций, происходящих в Азии. Неопровержимые факты свидетельствовали о том, что влияние коммунистов на жителей Азии гораздо глубже, чем полагали в Америке, гораздо сильнее и шире, чем об этом сообщали в своих отчетах ее официальные представители. При этом я предлагал свой собственный, как мне казалось, гуманный способ борьбы с коммунистическим влиянием. Вначале мой доклад был воспринят в ЦРУ довольно благожелательно, но в конце концов, хотя многочисленные факты подтверждали его достоверность, был отвергнут. Почему, имея в своем распоряжении жизнеспособную альтернативу, надо продолжать прежний курс, использовать старые методы, которые могут привести только к новым бессмысленным убийствам?

Что же надо сделать, чтобы раз и навсегда прекратить это сумасшествие? Я невольно подумал о заряженной автоматической винтовке, висевшей у меня в спальне, и о маленьком пистолете на прикроватной тумбочке. Проще всего было покончить с собой. Но самоубийство может быть оправдано только тогда, когда с его помощью достигается какая-то цель. Именно ради этого совершают самосожжения буддийские монахи в Сайгоне. Может, повесить на здании гостиницы «Дак», занимаемой службами ЦРУ, плакат с надписью: «ЦРУ лжет!» или «Долой ЦРУ!» — и прыгнуть вниз?..

Я ненавидел себя за нерешительность, хотя и понимал, что самоубийство ничего не даст, только опозорит мою семью. Кроме того, ЦРУ — организация, которая умеет мстить. Мою семью лишат пенсии, полагающейся при потере кормильца, обрекут на нищету. Даже если мне удастся трюк с плакатом и самоубийством, ЦРУ непременно заявит, что я сошел с ума, и постарается скрыть истинные мотивы моего поступка. Казалось, положение безвыходное.

Может, мне просто не хватает духа и я пытаюсь как-то оправдать собственную пассивность? А что, если уйти из ЦРУ? Но тогда на какие средства я буду содержать четверых детей, двое из которых уже учатся в колледже? В моем нынешнем положении невозможно заново

делать карьеру. Ни один здравомыслящий, поговорив со мной, не станет предлагать мне работу, а направит к врачу. Нет, уходить из ЦРУ бессмысленно. Или надо совершить демонстративное самоубийство, или начать против ЦРУ борьбу и вести ее, не считаясь с возможными потерями. Другого выхода нет.

Я долго сидел, уставившись в висящую на потолке голую лампочку и прислушиваясь к затихавшим где-то вдалеке звукам бомбежки. Наконец наступила полная тишина. Дрожащей рукой я опрокинул в себя стакан виски и зарыдал. Бывший футболист прославленной команды «Нотр-Дам», ныне опытный оперативный сотрудник Центрального разведывательного управления рыдал, как малое дитя.

Вот тогда-то, в 1968 году, на этой отвратительной вилле под Сайгоном, в момент полного отчаяния у меня и родилась идея написать книгу. Я решил, что уж если оставаться в ЦРУ, то надо по крайней мере начать борьбу против всех тех ужасных дел, которые оно творит. К этому времени я понял, что ЦРУ, Соединенные Штаты в целом встали на неверный путь. Мое самоубийство ничего не изменит. Я должен жить, чтобы рассказать людям обо всем, что мне стало известно. Это мой долг как перед американским, так и перед вьетнамским народом, а прежде всего — перед самим собой.

Эта книга рассказывает о двадцати пяти годах моей службы в Центральном разведывательном управлении. За период с 1952 по 1977 год я служил во многих местах, включая Японию, Тайвань, Таиланд, Филиппины, Вьетнам и, наконец, штаб-квартиру в Лэнгли, штат Виргиния. Я занимал различные должности как в городах, так и в сельской местности. Работал в качестве специалиста по тайным операциям, был полувоенным сотрудником, представителем ЦРУ при полиции и разведывательных службах иностранных государств, занимался анализом разведывательной информации. Уйдя из ЦРУ, я в течение ряда лет специально изучал деятельность этой организации. Личный опыт и знания, полученные в ходе исследований, заставили меня осознать многие весьма неприятные истины, привели к тягостным выводам. Существовали две основные причины, по которым я решил поделиться своими открытиями с читателем.

Во-первых, из политических соображений. Тем, кто все еще верит в мифы о ЦРУ, я хочу рассказать, что в действительности представляет собой ЦРУ, чем оно за-

нимается. Мой рассказ будет существенно отличаться от той жвачки, которую преподнесут американцам специалисты ЦРУ по связи с общественностью. Двадцатипятилетний опыт работы в ЦРУ убедил меня в том, что оно является не чем иным, как органом тайных операций президента США. В течение вот уже многих лет большая часть ассигнуемых Центральному разведывательному управлению средств, усилия большинства его сотрудников направлены прежде всего на осуществление тайных операций, включая поддержку диктаторов и свержение избранных демократическим путем правительств. ЦРУ отнюдь не является разведывательной организацией в узком смысле этого слова. По существу, его скорее можно назвать контрразведывательным органом, поставляющим только ту информацию, которая нужна политиканам для обоснования их планов. В то же время ЦРУ скрывает факты, идет вразрез с этими планами. Как орган тайных операций, осуществляемых по приказу американского президента, ЦРУ нередко прибегает к дезинформации. Особенно часто дезинформация используется в целях формирования соответствующего общественного мнения в США. Набор технических приемов дезинформации весьма широк: от подделки документов до «обнаружения» тайников оружия, якобы поставляемого коммунистическими странами. Но основной метод дезинформации — это подготовка «разведанных» для политиков. Вместо того чтобы поставлять заинтересованным лицам настоящие разведывательные данные, которые могли бы служить основой для выработки разумных политических решений, ЦРУ зачастую направляет им информацию, искажающую реальную действительность, сочиняет целый набор «фактов», полученных якобы по разведывательным каналам, которые могут оправдать намечаемые политические акции. Затем политики организуют утечку того, что все считают «разведывательной информацией», и публикуют информацию в печати. Обманув таким образом общественность, они добиваются поддержки осуществляемой ими политики.

В наши дни, когда президент Рейган специальным указом от 4 декабря 1981 года предоставил ЦРУ право проводить операции в самих Соединенных Штатах, положение еще более ухудшилось.

Но моя задача не ограничивается тем, чтобы внести свою лепту в общественную дискуссию о том, что собой представляет Центральное разведывательное управление.

Взявшись за перо, я хотел в то же время разобраться в собственной судьбе, увидеть мир таким, каким он является на самом деле, опровергнуть те небылицы, в которые меня заставили поверить. Я отдаю себе отчет в том, что многое из пережитого мною в какой-то степени испытали и те два миллиона американцев, которые воевали во Вьетнаме, а также миллионы других граждан США, которые, как и я, долгое время оставались идеалистами, верили в американскую мечту. Если моя книга поможет понять хотя бы некоторым из них, как их обманывали и почему их мечта, соприкасаясь с реальностью, разбивается вдребезги, поможет увидеть нашу страну такой, какова она на самом деле, я буду считать, что поставленная мною цель достигнута.

Глава 1. ДАВАЙ! ПОШЕЛ! ВПЕРЕД!

Перед тем как поступить на службу в Центральное разведывательное управление, я был, наверное, типичным американцем, если, конечно, такая категория людей вообще существует. Три поколения моих предков шотландско-ирландского происхождения жили в штате Луизиана и похоронены на кладбище баптистской церкви около Кентвуда. Желая разбогатеть, мой отец еще подростком уехал на Север. Позднее он вернулся, чтобы жениться на подруге детства, девушке из города Осика, штат Миссисипи.

Родился я в 1928 году в городке Молайн, штат Иллинойс. Вскоре после моего появления на свет родители вместе со мной и моей старшей сестрой переехали на южную окраину Чикаго, где отцу, чтобы содержать нас, пришлось наняться привратником. Несмотря на начавшуюся депрессию, дела нашей семьи шли неплохо.

Мое детство прошло в квартале, где жили только белые, принадлежавшие к среднему классу. Окончив восемь классов, я поступил в Тильденскую среднюю школу, расположенную в районе, населенном различными национальными меньшинствами и этническими группами. Поскольку я серьезно относился к учебе, меня избрали старостой. Я увлекался американским футболом, неоднократно получал призы за победы в чемпионате города и штата. Хотя я был ревностным баптистом, двое моих друзей по команде уговорили меня пойти учиться в католический колледж в Нотр-Даме.

Я жил с ними в одной комнате, играл в команде, которая трижды, с 1946 по 1949 год, занимала первое место в чемпионате страны. Однажды мне даже присудили звание лучшего блокирующего защитника высшей лиги. В 1950 году я с отличием окончил колледж, готовивший

специалистов по организации управления торгово-промышленной деятельностью.

Воспитанный в духе американских идеалов и протестантской этики, проповедующей добросовестное отношение к труду, веру в справедливость и свободу, вторую мировую войну я воспринимал как борьбу добра и зла, участниками которой с одной стороны были злодеи, с другой — идеальные герои, сражавшиеся за веру, страну и демократию. Как у моего поколения в целом, у меня развилось и стало неотъемлемой чертой характера чувство национального превосходства. Величайшее удовлетворение испытывали мы от победы в войне, от оживления экономики, от плана Маршалла для Европы, от усилий нашего правительства, направленных на то, чтобы ликвидировать военную угрозу для всего человечества. Все это наполняло нас гордостью, патриотизмом, хотя в то же время делало немного самодовольными.

Я хорошо усвоил уроки легендарного тренера потрдамской команды Фрэнка Лихая, неустанно твердившего нам: «Работайте настойчиво, выкладывайтесь до конца — и победа будет за вами как в футболе, так и в жизни». «Послушайте, парни, — часто говаривал он нам. — За все в жизни надо платить, но, раз вы выполняете то, что от вас требуется, вы рано или поздно добьетесь своего».

Помню, как перед началом игры мы выстраивались в центре поля стадиона, трибуны которого заполнялись преданными болельщиками, и с волнением слушали национальный гимн, пожирая глазами развевающийся звездно-полосатый флаг. Это были самые счастливые минуты в моей жизни. Преисполненный чувством гордости за свою страну, я каждый раз давал себе клятву сделать все, на что способен, бороться до конца за себя, свою семью, свой колледж, за Америку.

После окончания учебы я попробовал было силы в другой известной футбольной команде — «Грин Бэй Пэкерз», но неудачно. Потом работал помощником тренера университетской команды «Дейтон Флаерс». Через год я понял, что придется искать себе другое занятие. Переехав в Чикаго, я получил должность стажера по организации производства при муниципалитете одного из районов города. После студенческих лет, озаренных спортивной славой, новая работа казалась невыносимо прозаичной. И вдруг — телеграмма.

«Не заинтересует ли Вас перспектива работать в ответственном государственном учреждении? — говорилось в ней. — По своему характеру предлагаемая Вам работа напоминает ту, которую выполняют сотрудники госдепартамента. Она также связана с поездками за рубеж». Казалось, сбывается американская мечта, о которой говорили родители и тренер Лихай. Сердце мое забилося, в ушах снова зазвучали приветственные возгласы толпы болельщиков.

В середине января 1952 года я был приглашен на беседу с неизвестным мне человеком с неброской внешностью. В тот же день в квартале, где проживала моя семья, появились несколько хорошо одетых молодых людей, собиравших обо мне всевозможные сведения (дело дошло до того, что местный аптекарь спросил моего отца, нет ли у меня неприятностей с правительством). Затем меня вызвали в Вашингтон. Тот же человек, с которым я беседовал в Чикаго, туманно намекнул о необходимости бороться с коммунизмом, но не сказал ничего вразумительного ни о характере предлагаемой работы, ни о том, что за организация собирается мне ее предложить. Как бы то ни было, у меня создалось впечатление, что речь идет о дипломатической службе. Моя будущая жизнь представлялась мне полной интриг, опасных приключений, путешествий по экзотическим странам. Мое воображение рисовало встречи с загадочной Мата Хари. Я представлял себя сидящим за столиком уличного кафе в Париже и обсуждающим с коллегой-дипломатом за бутылкой «перно» важные международные проблемы.

С этими мыслями я выехал поездом в Вашингтон. Чтобы подготовиться к возможной проверке моей осведомленности в мировой политике, я купил журнал «Тайм» и несколько номеров газеты «Нью-Йорк таймс». Как только проводник постелил постель, я, проглотив несколько сандвичей, принялся переваривать последние новости.

Газетные заголовки отражали атмосферу тех беспокойных лет. В те годы, когда я собирался начать карьеру на новом для меня поприще, повсюду шли процессы против американских коммунистов. Сенатский подкомитет по вопросам внутренней безопасности снова и снова заслушивал показания граждан, пытавшихся опровергнуть выдвинутые против них сенатором Маккарти обвинения в том, что они являются членами американской компартии. Уже второй год в стране царил разгул маккартизма, начавшийся с заявления сенатора, что он располагает

списком двухсот пяти сотрудников госдепартамента, являющихся членами Коммунистической партии США. Комиссия палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности продолжала травлю «красных» в Голливуде. Газеты сообщали, что советский министр иностранных дел обвинил Соединенные Штаты в том, что они перебрасывают чанкайшистские войска в Таиланд и Бирму. Переговоры в Панмынчжоне зашли в тупик, и военные действия в Корее возобновились. В своем послании конгрессу президент Трумэн предупредил, что «мир все еще стоит перед угрозой новой мировой войны».

Мои преподаватели в колледже, мои друзья, общественные деятели, средства массовой информации — словом, все вели разговоры о злобности коммунизма, об угрозе с его стороны, о царящем за «железным занавесом» отчаянии. Все это не могло не отложиться в моем сознании и превратилось в часть моих убеждений. Никто в те времена не ставил под сомнение заявления правительства. Им безоговорочно верили. Лично я, Ральф У. Макгихи-младший, прочно уверовал в то, что американскому образу жизни, религии, нашим союзникам за океаном угрожает заговор монолитно сплоченного международного коммунизма, и был бы счастлив помочь своему правительству в его борьбе против этой угрозы.

Было холодное, бодрящее утро, когда я сошел с поезда на вашингтонском вокзале «Юнион стейшн». Яркое солнце освещало недавно выпавший, девственно-белый снег. Выйдя на Конститушн-авеню, я сел в такси. Справа от меня возвышалось здание Национального архива с коринфскими колоннами и огромными бронзовыми дверями. Слева, на вершине холма, красовались знаменитый Капитолий и гордо устремленный ввысь, будто к самому господу богу, мемориал Вашингтона. Я думал о боге, безгранично мудром, щедро одарившем своей любовью мою великую страну, и испытывал небывалый эмоциональный подъем, вспоминая уроки истории, на которых нам рассказывали о Натане Хейле¹, сожалевшем, что он может отдать за свою страну только одну жизнь. Но лучше всего об этом сказал Вальтер Скотт: «Несчастен

¹ Герой войны за независимость в Северной Америке (1775—1783), закончившейся образованием независимого государства — Соединенных Штатов Америки. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

тот, кто не знает, что такое любовь к родине, кто никогда не сказал себе: вот она, моя родная земля!..»

Я вышел из такси около Арлингтонского мемориального моста. Мне было велено явиться в здание под литерой «К» — одно из четырех грязно-серых строений, сооруженных во время второй мировой войны около мемориала Линкольну. Вокруг зданий возвышалась внушительная, высотой более трех метров, изгородь из стальной сетки с воротами. Никакой вывески, по которой можно было бы догадаться, что за организация разместилась за этой изгородью, я не увидел. Войдя в здание, я обратился к охраннику. Он направил меня в приемную, почти пустую и производящую жалкое впечатление. Минут через десять меня принял какой-то довольно неприветливый человек в очках. Он попросил заполнить ряд анкет и прийти на следующий день в отдел кадров, находившийся на Девятой стрит. Весьма полезным оказался его совет остановиться на ночь в меблированных комнатах Христианского союза молодежи¹ на Семнадцатой стрит.

На другой день я явился в отдел кадров, помещавшийся в домике, расположенном между Фордовским театром и зданием штаб-квартиры ФБР. Начальник отдела, назовем его условно господином Мансоном, оказался худощавым человеком средних лет, небольшого роста. Он был так внимателен ко мне, что я сразу почувствовал себя совершенно свободно. Мансон сообщил мне, что за день через отдел проходит в среднем до сорока человек и что для работы с этими людьми выделено четыре специальных помещения. Как и я, все в ожидании результатов проверки на благонадежность должны были выполнить ряд необходимых формальностей. Мансон не имел права говорить мне ни о каких подробностях и предупредил, чтобы я ни с кем не делился впечатлениями о проверке, поскольку это будет расценено как нарушение норм секретности. Встретившись позднее с другими кандидатами, я убедился, что некоторые из них не сумели побороть искушение и начали обсуждать возможный характер нашей будущей деятельности. Один из них прямо заявил, что нам наверняка предложат работать в Центральном разведывательном управлении. Позднее мне уже не приходилось встречаться с этим человеком.

Почему-то я сразу понравился господину Мансону, и он предложил мне поработать в качестве его помощни-

¹ Международная буржуазная организация молодежи.

ка. Разумеется, я согласился. Мои обязанности заключались в том, чтобы ежедневно регистрировать посетителей в книге приема. Иногда мне выпадала приятная обязанность относить черновики бумаг в машбюро, где работали симпатичные девушки.

Раз в неделю нам показывали учебные фильмы. Их содержание несколько озадачило меня, поскольку в них не было и намек на тот образ жизни, который, по моим представлениям, ведут дипломаты и который, как об этом намекала полученная мною телеграмма, ожидает и меня. В одном из фильмов рассказывалось о работе военных моряков — ныряльщиков с аквалангами. Другой фильм оказался учебной кинолентой ФБР. Мы стали называть его между собой «Белые туфли». В нем рассказывалось о начинающем сыщике, которому было поручено незаметно вести слежку за человеком, подозреваемым в том, что он является коммунистическим шпионом. По неопытности сыщик идет на задание в белых туфлях. В третьем фильме детально показывалось, как подобрать ключ к любому замку.

Первое медицинское обследование выявило у меня значительное увеличение щитовидной железы. К счастью, этот дефект оказался поправимым, и после операции я вернулся на учебу. Не для всех проверка закончилась столь удачно. Некоторых после медицинской проверки отсеяли.

Шепотом рассказывали мы друг другу о пугавшем всех нас здании под номером тринадцать, где, по слухам, предстояло пройти проверку на детекторе лжи. Впрочем, мы не особенно делились друг с другом добытыми сведениями, поскольку тем, кто разглашал подробности испытаний, грозило отчисление. Лично я еще и сегодня не имею права раскрывать все детали проверки. Но некоторые любопытные сведения можно почерпнуть из книги Виктора Марчетти и Джона Маркса «ЦРУ и культ разведки»¹. В частности, они пишут, что с помощью детектора лжи Центральное разведывательное управление выясняет почти все, что касается личной жизни проверяемого. Задаваемые ему вопросы относятся не только к его возможным контактам с иностранными агентами. Проверяемого заставляют рассказать о половой жизни, об отношении к наркотикам. Один из моих соседей по

¹ Marchetti V., Marks J. The CIA and the Cult of Intelligence. Alfred A. Knopf, N.Y., 1974, p. 281.

комнате (я к тому времени пересел в небольшую квартиру, которую снял вместе с двумя другими кандидатами) доверительно сообщил мне, что его близкий друг совершил убийство. Он же поклялся другу, что никогда и никому не раскроет этой тайны. Теперь его пугало, что оператор детектора задаст вопрос, отвечая на который ему придется коснуться этой истории. Видимо, для моего соседа все прошло благополучно, потому что позднее я видел его среди зачисленных в группу подготовки. Однако многие кандидаты проверки на детекторе лжи не выдержали.

Однажды во время испытательного периода группа молодых людей устроила вечеринку, на которую в числе других был приглашен и я. В разгар веселья некий молодой человек приятной наружности затащил меня в угол и стал задавать провокационные вопросы: на кого я работаю? зачем приехал в Вашингтон? где находится мое учреждение? Интуиция подсказала мне соблюдать осторожность. На все его вопросы я ответил так, как меня учил во время брифинга Мансон. Согласно его наставлениям в подобной ситуации мы должны были использовать заранее разработанную легенду, то есть давать правдоподобный ответ, не имеющий, однако, ничего общего с истиной. Несколько дней спустя я заметил, что некоторые из кандидатов были отчислены.

Больше всего сведений о каждом из нас должно было дать испытание наших умственных способностей и личных качеств. Такой вид проверки проводился в целях отбора лиц, обладающих определенными психическими свойствами. Прежде всего это должны быть люди, склонные причину внутренней неудовлетворенности всегда видеть во внешних обстоятельствах. Кроме того, они должны обладать способностью контролировать свои поступки и, наконец, уметь легко приспосабливаться к изменениям в окружающей обстановке. Людям с такими чертами характера отдавалось предпочтение. Много лет спустя мне попал в руки текст этого испытания. Изучив его, я понял, что как сильные, так и слабые стороны ЦРУ предопределяются именно таким отбором кадров для работы в управлении.

Предлагаемые кандидатам тесты позволяют выявить прежде всего три основных аспекта личности: тип мышления, свойства психики и социально-психологические характеристики. Что касается типа мышления, то предпочтение отдается тем, кто не склонен копаться в своих пе-

реживаниях, а всегда видит причину неудачи во внешних обстоятельствах, которые можно преодолеть. Данный тип личности более активен, он стремится не столько размышлять, сколько действовать. Ему приходится нелегко, когда требуется выдавать какие-то идеи, принимать решения самостоятельно. Он — практик и либо руководствуется интуицией, либо действует методом исключения. При выявлении психических свойств личности предпочтение отдают людям с «жестко запрограммированной» психикой. По сравнению с теми, у кого гибкая психика, «жесткий» тип личности реагирует только на ограниченное число конкретных, совершенно определенных стимулов. Он воспринимает приказ чисто механически, как указание действовать, и его не интересует существо дела. В психологическом отношении это замкнутый человек. Он эгоцентричен, равнодушен к переживаниям других. Что касается социально-психологических качеств, то предпочтение отдается лицам, способным легко адаптироваться в любой социальной ситуации. Такие люди обычно весьма привлекательны, способны нравиться и даже очаровывать. Они прекрасно знают, когда и какие чувства окажутся уместными, и умеют вовремя их выражать, хотя это не обязательно их подлинные чувства. Это «люди-хамелеоны», умеющие найти подход к любому. Они моментально замечают ваши слабости и тут же используют их в своих целях.

Таким образом, ЦРУ отдает предпочтение людям активным, обаятельным, компанейским, которые в то же время умеют подчиняться, не склонны углубляться в интеллектуальные раздумья и видят мир в черно-белом изображении.

Принятые в ЦРУ правила отбора кадров наряду с определенными достоинствами имеют и свои отрицательные стороны. При таком подходе за бортом оказываются люди, способные видеть перспективу, улавливать тонкости и нюансы, склонные прежде думать, а потом делать, имеющие определенные принципы, которыми они не поступятся, даже если на них будет оказано давление. Анализируя результаты деятельности ЦРУ, невольно приходишь к выводу, что они могли быть гораздо более успешными, если бы в управлении работало больше людей, обладающих теми самыми качествами, с которыми там так упорно борются.

Не думаю, чтобы я соответствовал тому типу личности, который считается наиболее подходящим для работы в

ЦРУ. Как показали тесты, мой коэффициент умственного развития равен 143. Это — прекрасный результат. Зато моя психика оказалась чересчур гибкой. Наверное, в другое время это не оставило бы мне никаких шансов, однако война в Корее потребовала дополнительных рекрутов. Кроме того, в мою пользу говорили мои школьные и спортивные успехи. Все это, вместе взятое, а также поддержка со стороны Мансона помогли мне успешно выдержать испытания. Через несколько дней после проверки мне стало известно, что я зачислен на начальный курс подготовки или, как его называют, курс ориентации.

Кроме меня еще более ста мужчин и женщин, успешно выдержавших испытания, должны были в течение месяца пройти курс ориентации. Цель занятий состояла в том, чтобы познакомиться со структурой той организации, в которой нам предстояло работать, с ее задачами, ролью в борьбе с коммунизмом. Учебные классы находились в здании, расположенном недалеко от мемориального комплекса Линкольна. Аудитории оказались маленькими, так что за каждый стол пришлось сесть по четыре человека.

Перед началом занятий нас приветствовал пожилой, преисполненный достоинства человек, представившийся как руководитель учебного отдела. Потом его сменил мужчина лет тридцати. Он эффектно отбросил занавес, и мы увидели какую-то организационную схему. Вслед за тем он торжественно объявил, что все мы будем работать в ЦРУ. Большинство из нас к этому времени уже поняли это, но почти никто не знал, чем конкретно мы будем заниматься.

Инструктор объяснил, что ЦРУ состоит из трех управлений. Одно из них — управление планирования — занимается сбором информации, а также выполняет некоторые задания президента и Совета национальной безопасности.

— Все присутствующие в этой аудитории, — сказал он, — будут работать в данном управлении¹.

Аудитория моментально оживилась. Послышались вздохи облегчения, радостный шепот. Итак, нам предстоит руководить шпионской сетью, разбросанной по всему

¹ Речь идет о 1952 году. С тех пор структура подразделений ЦРУ и всего управления в целом претерпевала неоднократные изменения.

земному шару. После того как собравшиеся поздравили друг друга и в аудитории снова воцарилась тишина, инструктор продолжал:

— Имеется также информационное управление. Оно анализирует и оценивает разведывательные данные, а также координирует рассылку разведывательной информации. Еще одно — административное управление — обеспечивает эффективность работы первых двух управлений.

Затем он стал подробно объяснять нам организационную структуру каждого из трех управлений, но никто уже не вникал в смысл его слов. Что могли означать в тот момент для нас все эти названия? Только время и личный опыт помогают научиться всему, что тебе действительно необходимо.

В программу курса ориентации входила демонстрация мелодраматических, устрашающих фильмов о коммунизме. Один из них под названием «Я был коммунистом, работая на ФБР» рассказывал о том, как агент ФБР проник в американскую компартию. Другой фильм на ту же тему назывался «Идите на Восток по Бикен-стрит». И наконец, нам снова показали «Белые туфли» — учебный фильм, сделанный по заказу ФБР. Но это были еще цветочки. Самое главное разоблачение коммунизма нам предстояло услышать в последний день занятий.

По мере того как он приближался, мы все яснее чувствовали, что предстоит нечто необычное. И вот он наступил. В нашей аудитории всегда собиралось много народа. На этот раз пришли еще какие-то весьма солидные люди. Лектора нам представил сам начальник курса.

— Господин Смит, — заявил он (все инструкторы фигурировали под вымышленными именами), — только что вернулся из одной европейской страны, где он успешно организовал и осуществил операцию, направленную против попыток Советского Союза использовать местную компартию и другие левые группы для свержения правительства. При этом он неоднократно подвергал свою жизнь опасности, попадая в сложные ситуации. Мы рады, что господин Смит любезно согласился выступить сегодня перед нами.

Наши сердца, глаза и уши приготовились жадно воспринимать все, что скажет этот человек, олицетворявший тот идеал, которому каждый из нас хотел подражать. Господин Смит был среднего роста, с зоркими глазами, коротко остриженными, курчавыми, рыжеватого цвета воло-

сами. Одет скромно. В каждом его движении, каждом жесте чувствовались характер и воля. Он окинул аудиторию оценивающим взглядом. Потом заговорил тихим, спокойным голосом. По мере того как господин Смит приближался к событиям последнего времени, голос его крепчал. Спустившись с кафедры, он начал ходить взад-вперед по сцене. Его взгляд бросал вызов каждому, кто посмел бы усомниться в правдивости его слов.

Я слушал оратора, сдерживая от волнения дыхание. Оглянувшись, я увидел, что и остальные сидят будто за гипнотизированные, боясь проронить хотя бы слово.

— В Соединенных Штатах, — громко выкрикнул господин Смит, — Советский Союз стремится найти одиноких, нерешительных людей, чтобы завербовать их в американскую компартию. У таких людей нет друзей в приличном обществе. Советы устраивают этим несчастным настоящее «промыывание мозгов», с тем чтобы потом при их помощи свергнуть наше правительство.

Я вспомнил один из фильмов, показанный нам во время учебы. В нем рассказывалось, как ничем не выделявшийся в детстве, застенчивый молодой человек однажды ушел из дома. Вернулся он совсем другим. Было очевидно, что он стал жертвой коммунистов, подвергся «промыыванию мозгов». Теперь ему не нравилось решительно все: семья, религия, правительство и вообще любая власть. Он превратился в презренного типа, и не оставалось ничего другого, как избавить общество от его присутствия.

— Советский Союз, — продолжал господин Смит, — угрожает нашей стране, ее независимости. Русские стремятся уничтожить нашу религию, наших союзников, наш образ жизни. — Сделав паузу, лектор, казалось, заглянул в глаза каждому из нас и закончил свое выступление словами: — Вы собрались в этой аудитории именно для того, чтобы этого никогда не произошло.

Все слушатели повскакали с мест и дружно зааплодировали. Меня глубоко тронула эта взволнованная речь. После выступления господина Смита вместе с группой курсантов я пошел в расположенный неподалеку кафетерий. Там мы тихо обсудили, что должен сделать каждый из нас, чтобы предотвратить нависшую над страной беду.

Когда много лет спустя я вспоминал все, что нам говорили на занятиях, мне стало ясно: наши учителя вовсе не ставили перед собой цель дать нам настоящие знания

по теории и практике коммунизма. Они стремились лишь воспитать в нас ненависть к коммунистам, воодушевить на борьбу с ними. Для всех же нас, как, впрочем, и для самой Америки, было бы гораздо лучше, если бы ЦРУ, вместо того чтобы подвергать нас идеологической обработке, организовало серьезное изучение хотя бы основ коммунизма.

После окончания курса ориентации большинство мужчин продолжили учебу, с тем чтобы стать оперативными сотрудниками управления планирования, занимающегося сбором информации, вопросами психологической войны и осуществлением тайных операций. Что касается женщин, то они начали работать в качестве секретарей или помощников по обработке разведывательных данных. Им приходилось выполнять те рутинные обязанности по составлению досье и другую чисто бумажную работу, за которую всегда так неохотно берутся мужчины. Лишь совсем недавно ЦРУ отказалось от ранее строго соблюдавшегося правила, согласно которому женщины могли работать только на второстепенных участках. Считалось, что женщина не сможет успешно действовать за рубежом, находясь во враждебном окружении. Наверное, сыграла роль и известная мужская предубежденность относительно способностей женщины.

Вместе с другими пятьюдесятью слушателями, окончившими курс ориентации, меня направили для прохождения курса основ оперативной работы. Занятия проходили во временном строении, сооруженном в годы второй мировой войны около основного комплекса зданий. Все слушатели были молодые люди. Среди нас не было ни одного цветного.

Нас учили открывать любые замки, незаметно фотографировать, распечатывать и запечатывать письма, не оставляя при этом никаких следов. Больше всего времени уделялось овладению техникой тайной связи с агентурой. Под агентом имелся в виду классический тип шпиона, гражданина другой страны, согласившегося передавать информацию оперативному сотруднику ЦРУ. Диапазон технических приемов, которые нам надлежало усвоить, был довольно широк. Он включал различные способы шифрования радиопередач, устройство тайников в нише стены, закрытой свободно вставляемым и вынимаемым кирпичом, незаметную передачу записки или пакета агенту, регулярно следующему по одному и тому же маршруту, отправку сведений по почте, что позво-

лит избежать прямых контактов между отправителем и получателем, и т. д.

Благодаря нашим преподавателям мы получили представление о том, какие люди, группы и организации являются носителями полезной для ЦРУ информации. Нас обучали распознавать потенциального агента, определять, что он собой представляет, вербовать его, а затем использовать и, наконец, прекращать с ним работу. Мы узнали различные методы выявления человеческих слабостей, которые можно применять в целях вербовки.

Нам объяснили, что при работе с агентурой придется брать на вооружение всевозможные приемы, включая лесть, обхаживание, наказание и давление. При этом всегда существует опасность шантажа со стороны агента. Когда агент становится бесполезным, нужно уметь без лишнего шума порвать с ним всякие контакты.

После интенсивного шестинедельного курса обучения число рекрутов заметно уменьшилось. Тридцать человек продолжили изучение полувоенных дисциплин. Двадцать были зачислены на работу в ЦРУ.

Только много лет спустя мы до конца осознали, насколько отличается положение сотрудников управления различных категорий. Нам стало ясно, что мы, полувоенные, не относимся к элите. Об этом можно было судить хотя бы по тому, что нам давали всевозможные уничижительные прозвища, такие, например, как «одноклеточные», «гориллы» и т. п.

Социальное расслоение личного состава управления планирования началось еще во время второй мировой войны, когда президент Франклин Рузвельт попросил юриста с Уолл-стрит Уильяма Донована создать особую организацию под названием Управление стратегических служб, которая бы занималась проведением специальных операций в других странах, а также сбором и обработкой разведывательной информации. На руководящие должности в это новое правительственное ведомство Донован, или, как его прозвали, Дикий Билл, пригласил своих дружков из старейших университетов Новой Англии, где, как считают, сосредоточена интеллектуальная элита Америки, с Уолл-стрит, из офисов нью-йоркских корпораций. Не руководство, а сплошные «сливки общества»! Когда в 1947 году было создано ЦРУ, многие из этих людей остались работать в разведке, заняв большую часть ключевых постов. Позже эту элиту разведывательного

истабlishмента прозвали «лихими ребятами из восточных штатов».

Другую категорию сотрудников, начавших работать в управлении с момента его образования и постепенно выдвинувшихся на руководящие посты, прозвали «предусмотрительными профессионалами». Правда, были сотрудники, носившие одновременно обе клички, тем более что между этими двумя категориями шел постоянный взаимообмен. В 50-е годы «лихие ребята» занимались главным образом Советским Союзом и странами Восточной Европы. Однако в 60-е годы внимание ЦРУ переключается на операции в странах «третьего мира». Многие из этих операций осуществлялись в рамках крупномасштабных программ, выполняемых под руководством «предусмотрительных профессионалов».

Полувоенные сотрудники ЦРУ находились на социальном дне управления, и фактически никто из них не поднялся сколько-нибудь высоко по служебной лестнице, не занял достаточно влиятельного положения. Это вовсе не означало, что указанная категория людей выполняла второстепенные функции. Все было как раз наоборот, поскольку начиная с 1953 года основным видом деятельности ЦРУ стали полувоенные операции на Дальнем Востоке. Однако руководство этими операциями осуществляли все те же «предусмотрительные профессионалы».

Дальнейшее обучение, носившее полувоенный характер, я проходил в Камп-Пири, учебном центре ЦРУ в городке Тайдуотер, штат Виргиния, расположенном в нескольких милях от Уильямсбурга. Во время второй мировой войны Камп-Пири был учебной базой военно-морских сил. После окончания войны его передали ЦРУ. У входа в центр висела вывеска: «Экспериментальная учебная база вооруженных сил США». Но в ЦРУ все называли учебный центр просто «фермой». Он разместился на десяти тысячах гектаров соснового леса, окруженного двенадцатифутовым забором, поверх которого была пущена колючая проволока. С севера естественной границей центра служила река Йорк.

Из тридцати слушателей примерно половина когда-то играли в колледжах в футбол, а некоторые, в том числе и я, или делали попытку стать профессиональными спортсменами, или какое-то время действительно ими были. По-видимому, ЦРУ специально вербовало спортсменов для выполнения ими в будущем полувоенных операций, поскольку тем нравился активный образ жизни и они были

не слишком обременены интеллектом. Остальные слушатели либо в прошлом служили в армии, либо обладали особыми талантами, необходимыми для полувоенной деятельности.

У большинства слушателей горели глаза от избытка энтузиазма по поводу предстоящей работы. Мы были молодыми, здоровыми ребятами, рвущимися в бой, заинтригованными тем, что нам предстояло. И хотя мы не совсем отчетливо представляли себе, что именно нас ждет, все полностью отдавались учебе. Среди нас был один слушатель, который, казалось, воплощал в себе идеал специалиста по полувоенным операциям. Назовем его Джимми Мо. Шумный, с броской внешностью, исключительно здоровый физически парень, для которого не существовало никаких тонкостей или нюансов. Он был эмигрантом из Венгрии, дослужился в рядах морской пехоты до сержанта. Я познакомился с ним, будучи слушателем курса ориентации, где его постоянно видели в обществе самой старшей в нашем классе женщины. На все шутки он отвечал: «Немолодые жепщины — моя слабость. Они всегда опасаются, что это их последний шанс». По-видимому, он никогда не ограничивал себя в любовных похождениях и обожал отпускать похабные шутки на этот счет.

В те годы основная задача управления планирования состояла в проведении полувоенных операций в Корее и Китае, а также в странах Восточной Европы. Нашу группу обучали тому, как надо проникать в ряды антиправительственных элементов и сотрудничать с ними. Учили обращению с парашютом, с подпольными радиостанциями, чтению карт, организации взрывов, умению скрываться, а также действиям мелкими группами и деликатным способам бесшумного убийства. Чтобы настроить нас на боевой лад, нам выдали военную форму. На занятия мы направлялись строевым шагом, ели в столовых, спали в казармах. Поскольку программа занятий была крайне насыщена, мало кто из нас уезжал на воскресенье домой, к семьям. В целях сохранения тайны всякие отлучки в близлежащий Уильямсбург были запрещены.

В течение трех месяцев каждое утро у нас проходили занятия по физической подготовке, помимо всего прочего включавшие адски тяжелые упражнения по преодолению препятствий. Наш инструктор (назовем его Боб Карсон) обучил нас также тонкостям грязных методов борьбы. Он демонстрировал нам, как убивать противника, как выводить его из строя или обезоруживать с помощью

ножа, бесшумного пистолета, проволоки или других подручных средств.

Однажды ночью Боб дал нам задание проникнуть к охраняемому объекту и быстро обезоружить часового, вместо которого использовалось чучело. Джимми Мо настолько вошел в роль и с такой яростью распотрошил чучело, что некоторых из нас стало подташнивать.

На занятиях по парашютному делу мы обучались покидать самолет, управлять парашютом во время падения, приземляться. Для этого использовалась 34-футовая вышка, на вершине которой была установлена дверца самолета С-47. Надев на себя сбрую из парашютных ремней, мы с помощью крюка по специальному тросу должны были спуститься на землю. Я, как и многие другие слушатели, опасался этих прыжков. Пугало то, что, с одной стороны, земля была рядом, отчетливо видна, с другой — надо было бросаться вниз с высоты четырехэтажного дома. Было очень трудно заставить себя прыгнуть, и я так и не преодолел до конца страх перед этим дьявольским упражнением. Несколько человек были отчислены за отказ выполнить прыжки. Только Джимми Мо прыгал охотно, с удовольствием. Радостные возгласы, которые он издавал при этом, были слышны в кафетерии, находившемся за милю от вышки.

Каждый вечер вся наша группа собиралась в комнате отдыха или в баре выпить пива, поиграть на бильярде и в пинг-понг или просто посидеть и поболтать о разной чепухе. Джимми приходил на наши сборища в какой-то особой униформе. Как правило, он надевал черную армейскую шляпу, небрежно сдвигая ее на затылок, и маскировочную форму темного цвета. На плетеном военном поясе он носил два огромных охотничьих ножа. После нескольких кружек пива Джимми обычно вскакивал и начинал, сокрушая стулья, практиковаться в прыжках через «дверцу» самолета, наподобие тех, какие он совершал с вышки. Потом он демонстрировал те же прыжки, но уже из окна комнаты отдыха. Слабым местом Джимми была его нелюбовь к закрытым помещениям, точнее, боязнь замкнутого пространства. После нескольких часов занятий в классе он возбуждался, нервничал и при первой же возможности старался убежать. Впрочем, для будущего специалиста по полувоенным операциям этот недостаток оборачивался достоинством.

Кульминацией наших занятий по парашютному спорту были прыжки с самолета С-43. Многие курсанты, в

прошлом футболисты, были такими верзилами, что парашюты времен второй мировой войны оказались не в состоянии удержать в воздухе их тяжелые тела и они скорее врезались в пашню, чем плавно опускались на нее. Нас предупредили, что во время прыжков не исключены неполадки: свернутый сигарообразно парашют может открыться не так, как положено; случаются приземления на деревья, перехлест тесемок надувной спасательной куртки летчика, в результате чего вместо одного большого купола образуются два поменьше. Все это с некоторыми из нас действительно произошло, но, к счастью, серьезных травм никто не получил.

Курс обучения включал передвижение и действие мелкими группами при переходе воображаемой границы «железного занавеса». Нас учили собирать и разбирать самые различные виды американских и зарубежных пистолетов, винтовок, автоматов, а также стрелять из всех этих видов оружия. Кроме того, мы овладели техникой стрельбы из более крупного оружия — базуки, миномета, гранатомета.

После прыжков с парашютом самыми опасными и волнующими были занятия по взрывному делу. Мы изучили свойства и способы применения тола, взрывных устройств, снаряженных динамитом и другими взрывчатыми веществами, а также различных типов детонаторов, таких, как взрыватель замедленного действия, двухтактный взрыватель и другие. Нас учили, как сделать взрывное устройство и где размещать его, чтобы подорвать мост, электростанцию и другие объекты. Немного больше мастерства требовало изготовление взрывных устройств из подручных материалов, но мы успешно овладели и этой техникой.

Когда занятия по взрывному делу подходили к концу, в лагерь прибыла группа новичков, и мы решили устроить им шуточное посвящение в члены нашего братства. В жилых бараках, где разместились вновь прибывшие, были установлены мины-сюрпризы в виде двухтактных взрывных устройств, начиненных мощными пиротехническими зарядами для фейерверка. Натяжную проволоку прикрепили к дверным ручкам и пружинам кроватей. Шутка носила совершенно невинный характер, было много смеха. Правда, один слушатель додумался установить мину-сюрприз в туалете, спрятав работающий от нажимного действия детонатор с пиротехническим зарядом под туалетным сиденьем. Взрыв едва не кастрировал того, кто

имел несчастье опуститься на этот стульчак. Что же касается унитаза, то его разнесло вдребезги.

Из этой истории инструкторы сделали вывод, что подстроивший «шутку» слушатель не способен все правильно рассчитать. В их глазах он допустил весьма серьезный просчет, непростительный для будущего агента.

Кульминационным моментом нашей учебы было участие в операции, в которой нам предстояло применить весь арсенал изученных нами средств. После «побега» из тюрьмы и выполнения задания на выживание в кишевшем комарами болоте мы должны были разведать систему охраны расположения «врага». Лично я был совершенно не в силах это сделать. К счастью, в состав нашей группы входил Джимми Мо, который и вызвался пойти на задание. Пока мы отдыхали, он преодолел расстояние в несколько миль, выяснил все, что требовалось, и вернулся назад. После этого он был еще в состоянии вместе с нами «атаковать» указанный объект. Выносливость этого парня была поистине невероятна.

Некоторые из нас считали Джимми немного странным, но он, безусловно, обладал всеми качествами, необходимыми для того, чтобы стать образцовым оперативником. Он был агрессивен, прекрасно развит физически, вынослив и энергичен. Его послужной список морского пехотинца свидетельствовал о мужественном поведении под огнем. Он в совершенстве владел оружием, умел обращаться с взрывными устройствами, незаметно пробираться по занятой «противником» территории. Ему нужен был простор, и вряд ли он мог долго вынести прозаическое существование в качестве работающего под крышей посольства оперативного сотрудника ЦРУ. Однако самое главное его качество, которое требовалось от всех сотрудников управления планирования, — это способность не терзаться сомнениями, видеть все в черно-белом изображении. Он не обращал внимания ни на какие нюансы. Что ему приказывали, то он и выполнял, не задавая при этом лишних вопросов.

Остальные слушатели по тем или иным показателям уступали Джимми Мо, но большинство все же соответствовали требованиям, предъявляемым к сотрудникам ЦРУ. Лично мне также было предоставлено право стать сотрудником управления. Я все еще мечтал о роли галантного суперагента, но в то же время мне совсем не хотелось всю жизнь прыгать с парашютом. Распрощавшись с Камп-Пири, мы пожелали друг другу удачи и на-

правились каждый к месту своего первого назначения. Тогда мы не знали, что несколько лет спустя многие из нас встретятся при совершенно других, порой трагических обстоятельствах.

Глава 2. ЯПОНИЯ И ФИЛИППИНЫ, ИЛИ НАИВНЫЕ АМЕРИКАНЦЫ ЗА РУБЕЖОМ

Первого мая 1953 года я стоял на углу одной из токийских улиц, расположенной на окраине города, и, раскинув в обе стороны руки, добросовестно изображал самолет. Вокруг меня собралась толпа любопытных. Они с удивлением рассматривали иностранца, который зачем-то старался походить на авиалайнер. Казалось, никто из местных жителей не понимал единственную известную мне японскую фразу: «Ханеда доко деска?» («Где находится Ханеда?»), которую я повторял в паузах между ревом изображаемого мной двигателя. Я никак не мог объяснить, что мне нужно попасть в аэропорт Ханеда, чтобы встретить там свою жену и дочерей, и что я заблудился.

Прочитав на лицах окружавших меня японцев полное непонимание, я снова вскочил в многоместный легковой автомобиль и помчался в ту сторону, куда полетел последний пронесшийся надо мной самолет. Во-первых, я боялся, что опоздаю встретить Норму с детьми и они, оказавшись в аэропорту чужой страны, не будут знать, что им делать. Во-вторых, следовало опасаться возможных инцидентов на улицах. ЦРУ предупреждало, что в день Первого мая японские коммунисты, возможно, постараются организовать антиамериканские выступления. Несколько дней назад американское военное командование приказало всем военнослужащим в этот день оставаться на своих базах.

Сворачивая то вправо, то влево, я мчался по узким улочкам токийской окраины вслед за улетевшим самолетом. Проехав через прилегающий к городу промышленный комплекс, я в конце концов выскочил на автостраду. Щиты с надписями на английском и японском языках указывали направление движения к аэропорту. Вскоре я был в Ханеда. К счастью, самолет «Пап-Американ транс пасифик» запаздывал.

Присев на скамью рядом с выходом, через который должна была проследовать моя семья, я задумался о своей семейной жизни. Мы встретились с Нормой летом

1946 года на вечеринке, устроенной пресвитерианской приходской церковью. Норма пришла туда с друзьями. Мне бросились в глаза ее красиво уложенные, роскошные светлые волосы. Она показалась мне похожей на Лану Тернер¹. После вечеринки я набрался храбрости и, пробившись сквозь кортеж ее приятелей, спросил, не хочет ли она полакомиться мороженым. К моей огромной радости, она согласилась. По такому случаю я пригласил ее в самое лучшее в тех местах кафе-мороженое на Шестьдесят третьей стрит. На протяжении двух лет мы встречались во время летних каникул и по воскресеньям, когда мне удавалось приехать из Нотр-Дама, где я учился. Потом мы поженились. Наша первая дочь родилась в Чикаго. Год спустя в Дейтоне, штат Огайо, где я работал помощником тренера университетской команды «Дейтон Флаерс», появилась вторая дочь.

Теперь, ожидая Норму в аэропорту, я понял, что за все пять лет, что мы были женаты, нам так и не удалось наладить оседлую семейную жизнь. Когда мы жили в Чикаго, я был вынужден оставить Норму с детьми и уехать в тренировочный лагерь футбольной команды «Грин Бэй Пэкерз». Позже, когда я уже работал в Чикаго стажером по вопросам организации производства при муниципалитете, мне пришлось, все бросив, мчаться в Вашингтон, куда меня позвала та роковая телеграмма. Там я провел без семьи три месяца. Мне не хотелось срывать их с места, пока я не пройду проверку полностью. Потом потребовалось еще шесть недель, чтобы подыскать удобную недорогую квартиру. В двух милях от Арлингтона, штат Виргиния, мне удалось снять ветхий каркасный домик. Бюджет наш был очень скудным, и нам едва удавалось сводить концы с концами. Иногда мы просто бедствовали, особенно когда выходил из строя мой старенький, 1941 года выпуска, двухместный «фордик».

В один из таких трудных моментов мы вдруг нашли десять центов. Норма давно хотела купить себе заколки для волос. Все остальные мечтали о свежем салате. Салат победил. Это было накануне рождества 1952 года. Конечно, у нас не было денег, чтобы пойти куда-нибудь отпраздновать этот вечер, но мы возлагали большие надежды на рождественский подарок, полученный от родителей Нормы. Судя по форме одного из пакетов, в

¹ Американская кинозвезда 40—50-х годов.

нем должна была лежать бутылка вина или виски. В другом находилось что-то длинное и тонкое. Мы решили, что это приспособление для сбивания коктейлей. Вечером, уложив детей спать, мы открыли оба пакета. Каково же было наше разочарование, когда в одном из пакетов мы обнаружили машинку для заточки карандашей, а в другом — несколько карандашей.

Когда я закончил курс ориентации, мы с Нормой снова расстались на три месяца, поскольку я уехал учиться, на этот раз в Кэмп-Пири. Правда, уже перед отъездом в Японию мне удалось месяц провести с семьей. Потом снова целых три месяца я жил один, пока ответственный за размещение персонала сотрудник не подыскал подходящую для нас квартиру. Бесконечные разъезды заставляли задуматься. Жизнь быстротечна. Не означает ли карьера в ЦРУ постоянную разлуку с семьей? Как все это скажется на наших отношениях с Нормой, на детях, на мне самом?

Работа в ЦРУ с первого же дня создала для меня и другую проблему, вызванную необходимостью соблюдать секретность. Поступая на работу, я подписал обязательство, в котором, в частности, были такие слова: «Торжественно клянусь никогда не публиковать в письменном виде, не разглашать устно, своим поведением или каким-либо другим способом секретную информацию, а также любые другие сведения закрытого характера, за исключением тех случаев, когда это вызвано необходимостью в связи с выполнением служебных обязанностей при соблюдении в этом случае законов Соединенных Штатов. Любое отступление от этого правила допускается только с письменного разрешения директора ЦРУ».

Я считал, что не имею права обсуждать с женой мои служебные дела, так как это было бы нарушением взятых обязательств и могло причинить ущерб национальной безопасности. Что касается моих родителей, то я не только не говорил им, чем конкретно занимаюсь, но даже не сообщил место своей новой работы. Необходимость соблюдать секретность нервировала и меня, и Норму. Нас огорчало также то, что приходилось постоянно лгать соседям и друзьям. После первого знакомства обычно следовал вопрос: «Чем вы занимаетесь?» Еще живя в Арлингтоне, мы поняли, что легче просто не сходитьсь близко с соседями, чем сообщать название организации, которая служила мне прикрытием. В результате круг наших знакомых постепенно ограничился сотрудниками

управления. Это было нечто вроде добровольной самоизоляции, вследствие которой работники ЦРУ теряют контакт со всеми слоями населения и не знают взглядов и мнений тех, чьи интересы они должны представлять.

Вскоре я обнаружил, что у Нормы свои собственные твердые убеждения относительно того, что правильно, а что нет. Например, она не хотела лгать нашим друзьям и родственникам. Она была также убеждена, что ни при каких условиях нельзя обманывать детей. Из-за моей работы ей пришлось поступиться этим убеждением. Конечно, сама Норма знала, что я работаю в ЦРУ, но никаких подробностей о том, чему меня учили, я ей так и не сообщил. Она чувствовала себя очень одинокой, у нас не было достаточно близких друзей, которые могли бы скрасить ее одиночество. Я поселил ее в глухом местечке в Виргинии, отказался обсуждать с ней все, что связано с моей работой, обязал ее никому не говорить, что работаю в ЦРУ. Затем я исчез на три месяца, уехав на учебу в какое-то загадочное место, оставив ее одну с двумя маленькими дочерьми. Машина то и дело ломалась, а денег у Нормы было очень мало. Потом стало еще хуже. Вернувшись с учебы, я сразу же объявил, что мы уезжаем в Японию, так и не сказав, чем я буду там заниматься. Все это порождало долгие ожесточенные споры между нами. Норма считала, что не только я, но и она должна знать, что с нами происходит. Мое поведение она расценивала как недоверие к ней. Внутренне я был с нею согласен, но не мог заставить себя нарушить обязательство о неразглашении тайны.

Я надеялся, что теперь, после неоднократных разлук, у нас начнется наконец нормальная семейная жизнь. Я подыскивал чудный дом в нескольких кварталах от летней резиденции императора с видом на тихоокеанский залив Сагами. Наши финансовые трудности остались позади. Стоимость аренды дома со всем его оборудованием оплачивало ЦРУ. В полное мое распоряжение был передан джип. Я получил повышение в должности и двадцатипроцентную надбавку к зарплате, которая должна была компенсировать предполагаемую разницу в расходах на жизнь в США и Японии. Нам предоставлялось бесплатное медицинское обслуживание. Питание, одежду, предметы первой необходимости мы могли покупать в гарнизонном универсаме и военном продовольственном магазине, где цены были очень умеренными. Избавление от вечной нехватки денег, дом на берегу океана, обще-

ство товарищей по работе — все это, казалось, гарантировало новую, более счастливую жизнь. Теперь можно было подумать и о том, чтобы завести еще одного ребенка. Мне очень хотелось сына.

— Самолет «Пан-Америкен», рейс номер один, прибывает на четырнадцатую стоянку, — объявил диктор.

Моя старшая дочь, четырехлетняя Пегги, вырвалась из рук матери и пустилась ко мне. За ней семенила трехлетняя Джин.

— Папочка! Папочка! — кричали обе.

Схватив их на руки, я сжал обеих в объятиях и бросился к Норме, на лице которой светилась радость. Не отпуская девочек, я неуклюже поцеловал жену.

Получив чемоданы и погрузив их в машину, мы тронулись к своему новому дому, к новой жизни. Когда дочери впервые увидели садик в японском стиле с крошечными соснами и продуманно посаженным кустарником, у них от удовольствия загорелись глаза. Ханайо и Сэмми, нанятые мной служанка и садовник, поспешили к машине. Расплываясь в улыбке, Сэмми понес чемоданы в дом. Ханайо была очень застенчива, но моей жене и дочерям она сразу очень понравилась, как и они ей. Я показал Норме и девочкам весь дом: переднюю, где японцы оставляют обувь, висящий на стене телефон старого образца, раздвижные решетчатые двери, обклеенные рисовой бумагой, двор длиной с футбольное поле. С балкона открывался вид на Фудзи — великолепную, покрытую снежной шапкой гору. Девочки пришли в волнение от многочисленных укромных местечек, где было так хорошо прятаться. Особенно заинтриговал их подвал под лестницей, оборудованный под бомбоубежище. Норма не могла поверить, что все это огромное помещение — ее дом. В особый восторг привели ее облицованная кафелем ванная комната и просторная кухня.

Пока мы осматривали дом, Ханайо приготовила обед из японских блюд, но на американский лад, и мы впервые за последние три месяца все вместе сели за стол. В этот момент я не сомневался в том, что решение пойти работать в ЦРУ было правильным. Норма и я, мы оба, были детьми эпохи великой депрессии конца 20-х годов, выходцами из небогатого южного района Чикаго. У нас была нелегкая жизнь, зато теперь мы жили в Японии, в роскошном доме с захватывающим видом на залив. Беспокойство по поводу постоянных разлук осталось позади, и благодаря ЦРУ мы могли жить припеваючи.

Находясь в Японии, я работал в так называемой группе операций против Китая. В функции группы входил контроль за деятельностью ряда резидентур ЦРУ: крупной резидентуры в Сеуле, созданной в связи с войной в Корее; большой группы на Тайване, занимавшейся разного рода агентурными, партизанскими и пропагандистскими операциями против материкового Китая, а также организацией полетов над КНР; отделения в Гонконге, где совместно с англичанами проводились допросы беженцев; крупной базы на Окинаве, осуществлявшей материально-техническое снабжение подразделений ЦРУ в этом отдаленном районе мира.

Вначале меня направили работать в учебный центр, расположенный в горах неподалеку от Токио. Вход в центр охраняли вооруженные часовые, и никто, кроме личного состава центра, туда не допускался. Наша задача состояла в том, чтобы обучить слушателей (все они без исключения были иностранцами) технике сбора разведывательных данных. Мы успели обучить только одну небольшую группу, как лагерь был закрыт, а вернее, переведен в другое, как кому-то показалось, более удобное место. Меня, молодого и неопытного сотрудника, к моему огорчению, направили в архивно-учетный отдел, где мне предстояло работать с различного рода досье. Это было такое же малоинтересное занятие, как и моя прежняя работа в качестве стажера по вопросам организации производства в Чикаго.

Я, конечно, понимал, что выполняемая мной работа не ахти как важна, но утешал себя тем, что она помогает кому-то выполнять более серьезные задачи. Я был всего лишь мелкой сошкой, однако чувствовал себя причастным к большому, благородному делу — спасению мира от международного коммунистического заговора, попытке приподнять «железный занавес». Я не собирался вечно сидеть в архивно-учетном отделе и старался не прозевать возможности стать непосредственным участником борьбы с коммунизмом. Я мечтал о более престижной и сложной работе где-нибудь на передней линии этой борьбы, а пока удовлетворялся выполнением скромных, но необходимых обязанностей по составлению с помощью досье ответов на поступающие в отдел запросы. Именно в этом состоял в те годы мой вклад в ту важнейшую, как мне казалось, деятельность, которую осуществляло ЦРУ во всех концах света.

Правда, в то время я имел самое общее представление

об операциях ЦРУ. Существовал порядок, в соответствии с которым каждый знал только то, что ему надо было знать для выполнения его непосредственных обязанностей. Поэтому было очень трудно разобраться до конца, чем же все-таки занимается управление. Только много лет спустя я узнал, что в 50-е годы ЦРУ, объявив об угрозе Соединенным Штатам со стороны монолитного международного коммунизма, начало осуществление сотен тайных операций во многих странах мира.

В тот период происходило как наращивание масштабов такого рода операций, так и дальнейшее развитие инфраструктуры ЦРУ, необходимое для их проведения. Для финансирования всей этой деятельности, а также для организации прикрытия создавался особый механизм, состоявший из собственных авиалиний, органов печати, промышленных компаний и т. д. Отдел международных организаций управления координировал выполнение широкомасштабной программы по разработке антикоммунистической идеологии.

Согласно расследованию, проведенному в 1976 году сенатским комитетом под руководством Черча, этот отдел ЦРУ содействовал созданию международных организаций молодежи, студентов, учителей, рабочих, ветеранов войны, журналистов и юристов. Цель этой деятельности состояла в том, чтобы попытаться заложить интеллектуальный фундамент антикоммунизма во всем мире. В конечном счете все эти организации могли превратиться в политическую силу, способную обеспечить приход к власти так называемых демократических правительств и оказать им необходимую поддержку.

После избрания Эйзенхауэра президентом влияние и власть ЦРУ заметно возросли. Давая предвыборные обязательства, генерал обещал раздвинуть «железный занавес». Он назначил директором управления Аллена Даллеса. Его брат Джон Фостер Даллес стал государственным секретарем. Благодаря образованию триумvirата в лице Эйзенхауэра и братьев Даллес не только в огромной степени расширились права и возможности ЦРУ по проведению различного рода операций, но и увеличилось его влияние на формирование внешней политики. Аллен Даллес по природе своей был человеком активным. Он целиком отдался работе по организации тайных операций. Зато другим видам деятельности — сбору разведывательных данных, его координации — директор ЦРУ не уделял должного внимания.

В отчете комитета Черча далее говорится, что своим главным противником Центральное разведывательное управление считало Советский Союз и коммунистические партии всего мира. Оно стремилось оказать поддержку любым политическим группировкам антикоммунистического толка. Для этого управление финансировало избрание отдельных кандидатов, субсидировало публикации в газетах и журналах, поддерживало соответствующих деятелей местного и общенационального профсоюзного движения. Все эти операции составляли основу программы, которая была не чем иным, как программой политической деятельности. Главным, разумеется, было вмешательство в избирательные кампании в различных странах. Действуя совершенно самостоятельно, управление постоянно осуществляло свою собственную избирательную политику.

Приоритет отдавался Западной Европе, Дальнему Востоку и Латинской Америке. Поскольку в Восточной Европе находился Советский Союз, а во Франции и Италии активно действовали компартии, Европа являлась наиболее уязвимым регионом для коммунистического вторжения. Резидентура ЦРУ в Западном Берлине стала центром операций против восточноевропейских стран, а отделение европейского отдела в ФРГ — крупнейшим подразделением ЦРУ за рубежом.

Коротко расскажу об основных операциях, осуществленных ЦРУ в 50-е годы в отдельных регионах. О большинстве из них в те годы я ничего не знал.

Восточная Европа. Управление направляло в страны этого региона агентуру для сбора разведывательных данных и оказывало помощь силам внутренней контрреволюции. Для ведения пропаганды на страны региона была создана радиостанция «Свободная Европа». Вещание на Советский Союз вела радиостанция «Свобода». Общий ежегодный бюджет обеих станций равнялся 30—35 миллионам долларов. Начиная с 1950 года ЦРУ финансировало так называемый конгресс культурной свободы, частную культурную организацию, получившую более одного миллиона долларов. ЦРУ имело контакты с контрреволюционными элементами на территории Советской Украины. В начале 50-х годов оно направляло своих людей, а также золото, оружие и средства радиосвязи силам польского реакционного подполья. Эта поддержка прекратилась только после того, как органы безопасности Польши заявили, что силы контрреволюции полно-

стью подавлены. Начиная с 1950 года ЦРУ совместно с английской разведкой предпринимало попытки свергнуть в Албании правительство Энвера Ходжи.

Все эти акции не принесли управлению желаемых успехов, и оно на время сократило масштабы своей деятельности за «железным занавесом». Однако в конце 1956 года ЦРУ возобновило свои операции, разработав планы восстаний в Венгрии, Чехословакии и Румынии. Радиостанция «Свободная Европа» заверяла слушателей в восточноевропейских странах в том, что США поддерживают их стремление к свободе. Одновременно группы ЦРУ, именовавшиеся «Ред сокс/ред КЭП», проникали в столицы этих стран для выработки совместно с «борцами за свободу» планов свержения «ига коммунизма». На деле же ни внешней, ни внутренней поддержки венгерские контрреволюционеры так и не получили.

После этого заместителю директора ЦРУ генералу Люциану Траскотту, ответственному за деятельность управления в социалистических странах, было поручено проанализировать причины провала восстания в Венгрии и внести необходимые поправки в планы подготовки еще одного путча — на этот раз в Чехословакии. Траскотт пришел тогда к выводу, что, если ЦРУ будет позволено полностью реализовать намеченные планы, это поставит Европу на грань войны.

Западная Европа. В этом регионе в 50-е годы ЦРУ финансировало политические партии, отдельных лидеров, профсоюзы и другие группировки... Миллионы долларов тайно предоставлялись социалистическим, а также антикоммунистическим партиям, в частности в Португалии, во Франции, в Западной Германии и других странах. В Италии ЦРУ тайно финансировало христианско-демократическую партию, выплачивая ей ежегодно до трех миллионов долларов.

Дальний Восток. Здесь ЦРУ осуществило множество операций. Согласно данным комитета Черча, в связи с начавшейся в 1950 году войной в Корее деятельность отдела координации политики ЦРУ, предшественника управления планирования, значительно активизировалась, его численность и возможности значительно возросли. В 1951 финансовом году по сравнению с 1950 годом число сотрудников отдела увеличилось с 584 до 1531. Большинство из них принимали участие в полувоенных операциях на Дальнем Востоке... Пользуясь войной в Корее, отдел координации политики и ЦРУ в целом по-

лучили возможность создать к 1953 году в регионе собственные, укомплектованные опытными специалистами полувоенные подразделения, которые имели свою авиацию, в том числе самолеты-амфибии. В течение последующих двадцати пяти лет полувоенные акции оставались главным видом тайных операций ЦРУ на Дальнем Востоке.

Что касается самой Кореи, то там ЦРУ готовило и направляло в тыл противника сотни полувоенных групп, укомплектованных южнокорейцами. Однако деятельность ЦРУ на Дальнем Востоке не ограничивалась Кореей. В 1950 году оно создало на Тайване хорошо конспирированную агентурную сеть, известную под названием «Вестерн эвтерпрайзес». Эта сеть вместе с одной из принадлежавших ЦРУ авиакомпаний, а именно «Сивил эр транспорт», использовалась управлением для подготовки и заброски китайских националистов на территорию материкового Китая. В КНР направлялись диверсионно-разведывательные отряды и отряды по организации антиправительственной деятельности. Последние должны были устанавливать контакты с недовольными и исподволь организовывать жизнеспособное движение сопротивления правительству Мао Цзэдуна. Что же касается диверсионно-разведывательных отрядов, то их обычно отправляли на материк на маленьких лодках с острова Куэмой. Позднее деятельность ЦРУ, проводимая с этого острова, стала предметом телевизионных дебатов между Кеннеди и Никсоном.

В задачу диверсионно-разведывательных отрядов входило уничтожение на территории КНР важнейших объектов. Информация об этих операциях впервые просочилась в печать после того, как два американских летчика — Томас Дауни и Ричард Фекто были сбиты над материковым Китаем во время выполнения ими особого задания.

Впоследствии мне стало известно, что в эти годы ЦРУ поддержало также попытку осуществить вторжение в коммунистический Китай. В 1949 году китайские коммунисты изгнали чанкайшистов с территории Китая. Часть войск под командованием генерала Ли Ми бежала из провинции Юньнань в Бирму и обосновалась на границе с Таиландом. При поддержке тайландского правительства принадлежавшая ЦРУ авиакомпания «Сивил эр транспорт» предприняла широкомасштабную операцию по снабжению этих войск. Находящаяся в Таиланде

организация ЦРУ «Си сэйлай компани», в которой насчитывалось около двухсот служащих, вместе с родственной ей «Вестерн энтерпрайзес» обеспечила переброску материально-технических средств, необходимых для создания из отрядов генерала Ли Ми боеспособной армии.

В 1951 году войска генерала численностью несколько тысяч человек попытались вторгнуться на территорию провинции Юньнань, но были быстро разгромлены и отброшены назад. Тогда ЦРУ заявило о возможности крестьянского восстания в провинции Юньнань, направленного против правительства Мао Цзэдуна, и начало готовить новое вторжение. Чтобы усилить свою армию, Ли Ми завербовал восемь тысяч бирманцев из местных племен. Управление организовало переброску примерно тысячи чанкайшистов с Тайваня. За этим последовали челночные полеты американских транспортных самолетов с грузами для армии Ли Ми. Для дозаправки использовались аэродромы в Таиланде. В 1952 году эта армия снова вторглась в провинцию Юньнань. Хотя ей и удалось продвинуться на 60 километров в глубь Китая, вопреки предсказанию ЦРУ крестьяне так и не восстали и Ли Ми был изгнан с китайской территории. Отказавшись от дальнейших попыток одержать верх в борьбе с коммунистами, генерал основал в Бирме полунезависимое государство и занялся торговлей опиумом. Помощь в организации этого доходного бизнеса он получил от тайландского генерала Фао Сиянона.

Через «Си сэйлай компани» ЦРУ оказало максимальную поддержку амбициозным планам генерала Фао, помогло ему стать «сильным человеком» Таиланда. За это генерал позволил управлению создать в стране две полувойсковые организации — полицейскую воздушную разведку и полицию пограничного патрулирования.

На Филиппинах в 1950—1953 годах полковник американских ВВС Эдвард Лэнсдейл руководил серией операций ЦРУ в целях разгрома коммунистического повстанческого движения «Хукбалахап». Благодаря поддержке ЦРУ генералу Рамону Магсейсею удалось не только нанести поражение «Хукбалахап», но и стать президентом Филиппин.

После успеха Лэнсдейла на Филиппинах ЦРУ в 1954 году направило его в Южный Вьетнам, для того чтобы оказать содействие в приходе к власти режима Нгу Динь Зьема. Постепенно наращивая свои усилия,

ЦРУ удалось сначала привести Нго Динь Зьема к власти, а затем придать его режиму вид законного правления и распространить его влияние на сельские буддистские районы Южного Вьетнама. Это была одна из самых успешных операций ЦРУ. Ее подробности стали известны только много лет спустя, когда публикация о ней появилась в «Пентагон пейпез». Насаждая режим Нго Динь Зьема на Юге, ЦРУ одновременно осуществляло подрывные и диверсионные операции против Северного Вьетнама. (Подробнее о действиях ЦРУ во Вьетнаме говорится в главе 10.)

В 1958 году в Индонезии, используя принадлежавшие ему бомбардировщики В-26, ЦРУ оказывало поддержку мятежникам, поднявшим на острове Целебес (Сулавеси) восстание против президента Сукарно. То, что не удалось осуществить в то время, было достигнуто в ходе операции, проведенной ЦРУ в 1965 году.

В 1959 году ЦРУ начало подстрекать жителей Тибета к борьбе против китайцев. В штате Колорадо, на секретной базе Кэмп-Дэйл, тибетцев обучали методам партизанской войны, а затем их переправляли на родину. Именно подготовленные ЦРУ люди помогли потом Далай-ламе бежать в Индию.

Авиационное обеспечение многих из этих операций осуществляла принадлежавшая ЦРУ «Сивил эр транспорт». Это была одна из первых авиационных компаний ЦРУ, действовавшая главным образом на Дальнем Востоке.

Как-то ЦРУ попыталось устроить финансовую ревизию своих капиталов, вложенных в авиацию. Работа велась три месяца, но точно так и не удалось установить, сколько же самолетов принадлежит управлению. Зато выяснилось, что только в двух авиакомпаниях ЦРУ — «Эр Америкен» и «Эр эйша» совместно с компанией «Пасифик корпорейшн», которой принадлежали контрольные пакеты акций других авиакомпаний, работает более десяти тысяч человек.

Латинская Америка. Соединенные Штаты всегда рассматривали этот континент как зону своего влияния и доминировали в его политической жизни. Основная задача ЦРУ в 50-е годы в этом регионе состояла в том, чтобы навязывать волю США расположенным там странам. Самой известной операцией ЦРУ был заговор в Гватемале, который привел к свержению 18 июня 1954 года правительства Хакобо Арбенса. Отряды пол-

ковника Карлоса Кастильо Армаса, пришедшего к власти вслед за поражением Арбенса, были подготовлены агентами ЦРУ. От ЦРУ полковник получил истребители-бомбардировщики с американскими экипажами, а также оружие и снаряжение.

Но были и другие операции, предпринятые ЦРУ в 50-е годы в этом регионе. Среди них неудачная попытка свергнуть законное правительство президента Коста-Рики Хосе Фигереса. В 1956 году управление помогло кубинскому диктатору Батисте создать репрессивный аппарат под названием Бюро подавления коммунистической деятельности, которое получило зловещую известность зверскими пытками.

Средний Восток. В 50-е годы ЦРУ осуществило серию операций с целью стабилизировать или дестабилизировать ряд правительств этого региона. В числе этих операций было свержение премьера Ирана Мохаммеда Моссадыка и восстановление на троне шаха Мохаммеда Реза Пехлеви. Подтверждение этому содержится в книге бывшего агента ЦРУ Кермита Рузвельта (внука президента Теодора Рузвельта) «Контрпереворот. Борьба за контроль над Ираном».

В 1956 году ЦРУ спланировало заговор, направленный против правительства Сирии. Причем попытка переворота, оказавшаяся, впрочем, неудачной, была предпринята как раз в тот день, когда израильские войска вторглись в Египет, и, по-видимому, была связана с этим вторжением. В те же годы ЦРУ намечало свержение ряда других ближневосточных правительств.

Африка. В 1957 году ЦРУ совместно с израильской разведкой начало проникновение в независимые страны Черной Африки. Всего на эти цели за прошедшие годы было израсходовано не менее 80 миллионов долларов.

В 50-е годы ЦРУ активизировало также свою пропагандистскую деятельность в странах «третьего мира». Как пишет бывший сотрудник управления Гарри Розитце, подкупались редакторы и обозреватели, финансировались газеты и журналы. Среди завербованных пропагандистов были и платные агенты, и дружески относящиеся к США коллаборационисты, и либералы, и антикоммунистически настроенные социалисты, и просто правые. В страны «третьего мира» направлялись обзоры, очерки, передовицы и другие материалы, которые на месте с учетом специфики данной страны перерабатывались и шли в печать.

ЦРУ занималось также сбором разведывательных данных, но по своим масштабам и широте охвата эта его деятельность не шла ни в какое сравнение с различными тайными операциями, направленными на свержение или, наоборот, на поддержку правительств различных стран. Кроме того, в 1952—1963 годах большая часть разведывательных данных о развивающихся странах поступала от иностранных правительственных органов. Согласно докладу сенатского комитета Черча, тогдашний директор ЦРУ Аллен Даллес старался поддерживать как можно более тесные отношения с руководителями иностранных разведок. Поскольку в послевоенные годы США занимали ведущее положение в капиталистическом мире, многие правительства, особенно западноевропейские, охотно делились имевшимися у них сведениями. Благодаря этому ЦРУ получало выход на такие источники информации о странах «третьего мира», которые иначе были бы для них закрыты. Так, например, именно от зарубежных разведок ЦРУ получало сведения об отдельных деятелях, политических партиях и профсоюзном движении.

Правда, согласно докладу комитета Черча, это имело и свою отрицательную сторону, так как тесные связи с разведкой дружественных стран не способствовали созданию собственной, независимой агентурной сети. Во-первых, было проще получать уже готовые сведения... Гораздо легче поговорить с коллегами, имеющими на местах многочисленную агентуру, чем ждать долгие годы, пока завязанные тобой контакты начнут приносить какую-либо пользу. Во-вторых, такие связи становились чуть ли не самоцелью, поскольку получаемая со стороны информация позволяла точнее оценивать достоинства и недостатки операций по сбору разведывательных данных, выполняемых самим ЦРУ. Если говорить о Западной Европе, то разведки этих стран, вместо того чтобы служить дополнительным источником информации, получаемой управлением, стали для него основным поставщиком сведений. Очень часто руководители западноевропейских резидентур ЦРУ отклоняли предложения о проведении самостоятельных операций на том основании, что в случае разоблачения разведывательная служба данной страны сочла бы себя оскорбленной.

Основной, если не единственный, успех ЦРУ в работе по сбору разведывательных данных в середине 50-х годов связан с появлением самолета У-2, выполнявшего

аэрофотосъемку. Если брать более поздний период, то достижения управления в этой сфере деятельности следует признать в лучшем случае скромными. Недаром в середине 70-х годов сенатский комитет Черча пришел к выводу, что Центральное разведывательное управление не выполняет те основные задачи, ради которых оно было создано, — сбор информации, которая способствовала бы формированию политики.

Теперь уже известно, что в 50-е годы ЦРУ в нарушение законов осуществило множество тайных операций внутри самих Соединенных Штатов. Оно создало сотни фиктивных корпораций для обеспечения прикрытия своим оперативным агентам. Было также продолжено осуществление программы сотрудничества с академическими учреждениями, начатой еще предшественником ЦРУ — управлением стратегических служб. Активизировалась вербовочная деятельность в университетах, где по заданию ЦРУ более пяти тысяч преподавателей вели отбор кадров для ЦРУ. Было подобрано также от двухсот до трехсот будущих агентов из числа обучавшихся в США иностранных студентов. В целом ЦРУ располагало в студенческих городках сотнями преподавателей и аспирантов, которые в глубокой тайне занимались вербовкой учащихся, пропагандистской работой и даже участвовали в тайных операциях.

Бывший глава отдела международных организаций ЦРУ Томас У. Брейден утверждал, что к 1953 году управление активно работало во всех тех международных организациях, в которых инициативу захватили группы, принадлежавшие к коммунистическому фронту, и в некоторых других, к которым коммунисты не имели никакого отношения. Брейден заявил также, что не то в 1951-м, не то в 1952 году он выделил Уолтеру Рейтеру (руководителю профсоюза рабочих автомобильной промышленности) из фондов ЦРУ 50 тысяч долларов на поддержку антикоммунистически настроенных профсоюзов.

По инициативе ЦРУ была создана Национальная студенческая ассоциация, на финансирование операций которой в период с 1952 по 1967 год управление выделило около 3,3 миллиона долларов.

Директор ЦРУ Уильям Колби как-то признался, что начиная с 1953 года управление осуществляло несколько программ по контролю за перепиской между гражданами США и двух коммунистических стран. Согласно данным,

содержащимся в секретном меморандуме сенатского комитета Черча, Колби имел в виду письма, отправляемые из Советского Союза и Китая. Работа эта выполнялась специальными группами в Нью-Йорке и Сан-Франциско.

В те же годы ЦРУ установило тесные связи как с издательствами, так и со средствами массовой информации США. Руководство управления считало, что среди других тайных операций книгоиздание занимает особое место. По словам одного из руководителей ЦРУ, книгоиздание отличается от всех других средств массовой пропаганды главным образом тем, что одна книга может существенно изменить взгляды и поведение читателя, что не в состоянии сделать никакое другое средство массовой информации. Разумеется, это замечание справедливо в отношении далеко не всех книг, не во все времена и по отношению не ко всем читателям. Но в основном дело обстоит именно так, и это позволяет считать книги самым важным оружием стратегической пропаганды.

Всего с 1947 по конец 1967 года ЦРУ издало, субсидировало выпуск и выступило инициатором издания более одной тысячи книг. Около двухсот из них вышло на английском языке. Многие из этих книг были изданы различными культурными организациями, пользующимися поддержкой управления.

Большую работу проводило ЦРУ с газетами, журналами и телекомпаниями, поддерживая тесную связь с пятьюдесятью американскими журналистскими организациями и органами печати. В избежавшей цензуры заключительной части доклада комитета Черча говорится, что эти пятьдесят организаций и учреждений всего лишь часть сети, насчитывающей несколько сот агентов во многих странах мира, которые поставляют управлению разведывательную информацию и временами пытаются с помощью скрытой пропаганды влиять на зарубежное общественное мнение. Благодаря этой агентуре ЦРУ имеет непосредственный доступ к большому числу иностранных газет и периодических изданий, агентств новостей, радио и телевизионных станций, коммерческих книгоиздательских фирм и других зарубежных средств массовой информации.

Одним из результатов целенаправленных операций с зарубежными газетами, журналами, телевидением и издательствами является проникновение в америкапскую печать желательной для ЦРУ информации, поступающей

из иностранных источников. По крайней мере два европейских агентства новостей, поддерживаемые ЦРУ, имеют американских подписчиков. Одно из них предоставляет информацию на коммерческих началах более чем тридцати американским газетам.

В обстоятельной статье Карела Бернстайна, озаглавленной «ЦРУ и средства массовой информации», утверждается, что более четырехсот американских журналистов тайно выполняют поручения управления, собирая различные сведения, выступая в роли связных со шпионами и т. д.

Такова была сфера деятельности ЦРУ в течение 50-х годов. В то время у меня не возникало никаких вопросов относительно целесообразности этой деятельности и я активно ее поддерживал. Думается, что, если бы я был лучше информирован об операциях, проводимых управлением, у меня наверняка возникли бы сомнения относительно правомерности этих действий. А впрочем, разве можно быть в этом уверенным? О том, как бы я поступил в этом случае, можно только гадать. Ясно одно: я не отдавал себе полностью отчета в том, что происходило вокруг меня.

Мы прожили в Японии два года. Моя работа оказалась совсем не такой, как я ожидал. Зато мы наслаждались жизнью. Как и большинство новичков, мы с Нормой были счастливы уже оттого, что находились за рубежом. Нам нравилось путешествовать, мы восхищались экзотикой Японии, с интересом знакомились с ее обычаями, традициями и совершенно новой для нас кухней. Нам нравилось жить в относительной роскоши, иметь прислугу, распивать на пляже дорогие напитки, ходить на вечеринки, чувствовать себя членами сплоченной семьи работников управления, объединенной сознанием важности выполняемой миссии.

24 апреля 1954 года в военно-морском госпитале в Йокосуке Норма родила сына Скотта. 5 мая в соответствии с японской традицией я водрузил длинный бамбуковый шест, привязав на конце его вымпел, по форме и расцветке напоминающий карпа — символ силы, ведь был День мальчиков — национальный японский праздник и я как бы заявлял миру о том, что в семье Макгихи появился сын.

Вскоре после рождения Скотта Норма пошла работать секретарем административного отдела группы по осуще-

ствлению операций против Китая. Для того чтобы поступить на работу в ЦРУ, она должна была представить подробную, невероятно длинную автобиографию и в течение нескольких месяцев ждать результатов проверки. Когда наконец пришел допуск, я на радостях брякнул:

— Теперь я смогу разговаривать с тобой о своей работе.

Мои слова привели Норму в ярость.

— Ты что думаешь, — взорвалась она, — клочок бумаги из ЦРУ означает, что я стала другим человеком? Семейные узы и доверие должны быть сильнее любых бюрократических бумажек!

Я понимал, что в этом споре мои позиции слабее, и молча согласился с Нормой. Но слишком прочно в меня вдолбили убеждение, что необходимо быть сдержанным в разговорах, соблюдать тайну и знать не больше того, что требуется для выполнения твоих непосредственных обязанностей.

В конце моего двухгодичного пребывания в Японии в соответствии с установленными правилами я должен был представить рапорт, в котором следовало указать, чем бы я хотел заниматься в дальнейшем. Мои коллеги по этому поводу шутили, что руководству эти сведения нужны для того, чтобы узнать, куда не следует направлять данного сотрудника. В этой шутке была доля истины, так как очень часто работники управления получали совсем не то назначение, о котором просили.

К этому времени группа по осуществлению операций против Китая была переведена из Японии на Филиппины. Мой непосредственный начальник попросил меня остаться еще на год и поработать на новом месте. Поскольку переезд давал возможность познакомиться с новой страной, Норма и я, обсудив это предложение, решили его принять.

Для размещения персонала группы ЦРУ построило на берегу одного из живописных заливов более ста дорогих современных домов, просторное двухэтажное служебное здание и большой склад. К октябрю 1955 года переезд был завершен.

На Филиппинах я занимался тем же, чем и в Японии. Однажды, когда я замечал ушедшего в отпуск начальника, меня срочно вызвал к себе руководитель группы — высокий, представительный Десмонд Фитцджеральд. Я застал его совершенно взбешенным. Оказалось, что накануне он запросил штаб-квартиру управления о важных

сверхсекретных документах. Ему ответили, что еще два месяца назад они были посланы на Филиппины. По книге регистрации секретарь Фитцджеральда установил, что документы преспокойно лежат в сейфе сотрудника, ответственного за их регистрацию и прохождение. Там же обнаружили кучу других сверхсекретных бумаг. Выяснилось, что по известным только ему одному причинам этот сотрудник, вместо того чтобы передавать документы непосредственным исполнителям, аккуратно складывал их в свой сейф.

Как ни печален был этот инцидент, он имел и положительную сторону, показав всю несостоятельность нашей группы. В самом деле, какой мог быть от нее прок, если важнейшие документы поступили к нам несколько месяцев назад и никто их не хватился. Итак, не прошло и года со дня переезда группы на Филиппины, как она была ликвидирована. Мы покидали прекрасные здания, на сооружение которых была затрачена уйма денег и времени. Возмущаясь происшедшим, я в то же время полагал, что это не более чем досадная случайность, которая конечно же не может поколебать мою веру в ЦРУ.

Глава 3. ВАШИНГТОН. ЖИЗНЬ СРЕДИ ПАПОК С ДОСЬЕ

В середине 1956 года я вернулся в США и поступил в распоряжение Дальневосточного отдела административного управления штаб-квартиры ЦРУ. Меня назначили начальником архивно-учебного контрразведывательного отделения, осуществлявшего операции против Китая. Нельзя сказать, что это назначение привело меня в восторг. Фактически мне предстояло заниматься тем же, чем я занимался в Японии и на Филиппинах.

Архивно-учебное отделение размещалось на втором этаже здания под литерой «Джи» — временного административного комплекса, расположенного вдоль засаженной деревьями аллеи. Служебные помещения производили удручающее впечатление: голые серые стены, украшенные лишь несколькими календарями. К тому же теснота. Каждая комната забита столами, на которых громоздились папки с бумагами.

Оказалось, что в моем отделении кроме меня еще пятнадцать женщин. Некоторые из них, особенно те, кто работали давно, встретили меня, чужака, довольно не-

приветливо. Они считали, и, думаю, не без оснований, что каждая из них лучше подготовлена для выполнения обязанностей начальника отделения, имеет больше опыта и может лучше справиться с этой работой. Наверное, так оно и было, но в те годы в ЦРУ женщин, как правило, не назначали на руководящие должности. Только после нескольких месяцев совместной работы большинство моих сотрудниц примирились со случившимся, удивившись, что я знаю свое дело. Постепенно отношения наши нормализовались.

В обязанности нашего отделения входила подготовка с помощью имевшихся у нас досье ответов на сотни запросов, поступавших в штаб-квартиру от резидентур и баз, осуществлявших операции против Китая в разных странах мира. По своему характеру все запросы подразделялись на два вида. Во-первых, запросы, для ответа на которые мы просто смотрели, есть ли в наших досье какие-либо материалы, компрометирующие данного человека. Обычно такая проверка осуществлялась тогда, когда человека подозревали в том, что он работает на разведку другого государства или дает нам ложные сведения. Во-вторых, запросы, требующие тщательного изучения всех имеющихся в наших архивах материалов о том или ином человеке, которым заинтересовалось ЦРУ и которого собираются использовать в качестве агента. Наша задача заключалась в том, чтобы определить, может ли этот человек быть нам полезен.

Все вопросы, связанные с проверкой, подробно описаны в изданных с разрешения ЦРУ книгах Уильяма Колби «Человек чести»¹ и Джона Маркса и Виктора Марчетти «ЦРУ и культ разведки». Тем не менее ЦРУ сочло данную главу моей рукописи чересчур откровенной и объявило все, что я написал, не подлежащим разглашению. Чтобы читатель мог получить более полное представление о том, что такое проверка, хочу процитировать отрывок из книги бывшего агента ЦРУ Филипа Эйджи «За кулисами ЦРУ».

«Вопрос о том, использовать или не использовать потенциального агента, — пишет Эйджи, — решается контрразведкой в процессе оперативной оценки. Это неотъемлемая часть любых взаимоотношений между ЦРУ и иностранными агентами, независимо от того, какие за-

¹ Colby W. Honorable Men: My Life in the CIA. Simon and Schuster, N.Y., 1978.

дания мог бы выполнять тот или иной из них. Процесс оперативной оценки начинается с момента выявления и первоначальной характеристики потенциального агента и продолжается посредством проверки имеющихся на него материалов в резидентуре и в штаб-квартире, в том числе и материалов о деятельности этого агента в прошлом.

Никто не может быть использован резидентом на оперативной работе без предварительного одобрения со стороны отделения оперативной оценки службы внешней контрразведки оперативного управления. Запросы на такую оценку представляются резидентурами и оперативными группами в виде документа, известного под названием «персональная анкета» и состоящего из двух частей. В первую часть анкеты, примерно на семи страницах, вписываются основные биографические данные: имя и фамилия, дата и место рождения, фамилии и имена родителей и членов семьи, названия школ, в которых учился, хронологический перечень мест работы, сведения о супружеской жизни, военная служба, гражданство — настоящее и прошлое, членство в политических организациях, хобби, особые личные качества, употребление наркотиков или другие пороки. Первая часть анкеты не раскрывает никакого оперативного интереса или планов в отношении потенциального агента. Вторая часть, в которой никогда не упоминаются подлинное имя агента или другие данные о нем, раскрывающие его личность, является документом примерно такого же объема, как и первая часть, и содержит подробное изложение оперативных планов использования агента. Первая часть документа увязывается со второй посредством номерной системы; во второй части агент обычно фигурирует под установленным для него криптонимом. Во второй части излагается предназначаемое для агента задание, перечисляются средства и каналы, с помощью которых были добыты и проверены сведения об агенте, изложенные в первой части, описывается прикрытие, которым пользовался сотрудник, обнаруживший и определивший возможности потенциального агента, излагаются все варианты возможного риска и выгоды в случае привлечения.

Сотрудники в отделении оперативной оценки проводят соответствующую проверку по картотекам и после изучения представленных материалов санкционируют использование потенциального агента или отклоняют просьбу резидента. Если в ходе рассмотрения материалов не

обнаружится серьезных препятствий, то отделение оперативной оценки дает временное разрешение на использование агента, имеющее силу на протяжении шести месяцев, по истечении которых оформляется оперативное разрешение, основанное на данных дополнительных проверок, произведенных резидентурой на месте и персоналом службы внешней контрразведки.

Досье ведутся на всех агентов, и их нумерация всегда начинается с числа «201», за которым следует число от пяти до восьми знаков. Досье под номером «201» содержит все документы, относящиеся к данному агенту, и обычно начинается с персональной анкеты и временного разрешения на использование агента. Однако досье «201» разделено на две части, каждая из которых в целях обеспечения безопасности хранится отдельно. В одной части досье — подлинные имена и названия, в другой, где все имена и наименования заменены криптонимами, содержится оперативная информация. Раскрытие той или другой части досье не приведет к одновременной расшифровке подлинного имени агента и характера его оперативного использования»¹.

Чтобы не раскрывать подлинные имена своих агентов, ЦРУ дает каждому из них псевдонимы, заменяющие как их имена, так и фамилии. В разговоре об этих агентах сотрудники Центрального разведывательного управления используют фразы, состоящие порой исключительно из одних криптонимов и псевдонимов. Порой кажется, что они беседуют на каком-то незнакомом языке. Например, можно услышать следующее: «Бертан Ф. Фипли заявил, что 5BOCK, участвующий в операции RSBOATZOAD (кодовое название операции), ведет себя подозрительно. На прошлой неделе он не оставил для нас в тайнике никакой информации. Придется подвергнуть его проверке на ZCFZUT TER (криптоним, обозначающий детектор лжи)»². Никто, кроме сотрудников управления, не смог бы понять этот специфический язык. Это создавало атмосферу таинственности. Мы чувствовали себя причастными к особому клану людей, которым доверяют важную тайну.

Подготовка с помощью имеющихся у нас досье ответов на запросы оказалась нелегким делом. В ту пору ЦРУ

¹ Эйджи Ф. За кулисами ЦРУ. М., 1979, с. 55—57.

² Входящие в состав криптонима слова никакой смысловой нагрузки не несут, поэтому даются без перевода на русский язык.

было еще молодой, переживавшей процесс становления организацией и ее сотрудникам не хватало опыта. Принятая в управлении система хранения и обработки накопленной информации годилась лишь для какого-нибудь мелкого учреждения. Информационное управление было сравнительно небольшим, и его главная служба референтуры, по-видимому, вполне справлялась со своей задачей. Что же касается управления планирования, то в начале 50-х годов оно стало быстро расширяться и ответственное за эту работу подразделение физически не успевало обрабатывать все поступающие материалы. Даже при совершенной механизированной системе обработки информации нелегко ориентироваться в огромном количестве досье на граждан чуть ли не всех стран мира. Поскольку в моем отделении использовались самые что ни на есть архаические методы работы, оно постепенно начало тонуть во все увеличивающемся потоке бумаг.

Почти каждое имя, американское или иностранное, если оно упоминалось в каком-либо документе, заносилось в особую карточку, где указывалось также досье, в котором хранится данный документ, и его краткое содержание. С помощью этих карточек отыскивались бумаги, содержавшие информацию, необходимую для ответа на запросы резидентур. В основе этого допотопного метода работы лежало абсурдное представление о том, что даже самые малозначительные сведения могут послужить ключом к открытию большой тайны. Таким образом, работавшие с документами сотрудники в соответствии с жесткой инструкцией обязаны были заводить новую карточку на каждое встречающееся им имя или фамилию. В нашей картотеке накопились тысячи карточек с именем «Дуайт» («фамилия неизвестна») и «Трумэн» («имя неизвестно»). Некоторые резидентуры додумались до того, что прислали телефонные книги, и мои сотрудники исправно заносили в картотеку все имевшиеся в них имена. Большая комната была завалена доверху материалами, ожидавшими обработки. Пытаясь справиться с этим потоком, мы работали круглые сутки.

Огромная комната индексных каталогов, которую в обиходе называли «змеиной шахтой», имела фантастический вид. Маломощные кондиционеры не успевали охлаждать тяжелый горячий воздух. Обливаясь потом, люди с трудом пробирались по узким проходам между высоченными деревянными шкапами с досье. Самые невероятные запахи встречали каждого, кто входил в по-

мещение из коридора, где был сравнительно свежий воздух. В комнате все время стоял шум. Раздавались распоряжения, доносились обрывки разговоров, шушуканье. Чтобы найти в картотеке нужное имя, приходилось долго кружиться, словно в каком-то странном танце, вокруг открытых ящиков, в которых хранилось жуткое количество карточек. При этом все толкали друг друга, задевали локтями. Давка в комнате была невообразимая.

Поиск китайских имен, транскрибированных латинскими буквами, представлял собой изощренную пытку. В китайском языке нет алфавита. Он состоит из десяти тысяч наиболее употребляемых идеограмм, то есть условных значков, каждый из которых обозначает слово или символ. Никто из сотрудников, работавших с карточками или досье, не знал китайского, поэтому найти какой-либо материал на китайца было невероятно трудно. Самое распространенное китайское имя — Чен. В то же время более дюжины иероглифов, имеющих самое различное значение, читаются как «чен». Так же обстояло дело и с именем Ченг. Для того чтобы выполнить заявку о проверке Чен Ченга, необходимо было просмотреть сотни тысяч картотек со словами «чен» и «ченг». При этом надо выбрать те «чен» и «ченг», которые обозначают имя, а не какой-нибудь предмет или действие или что-нибудь еще. Задача почти невыполнимая!

Нам пришлось разработать специальную систему цифрового обозначения основных китайских иероглифов и постепенно внедрять ее в нашу работу. В соответствии с ней каждый иероглиф получал четырехзначный номер, который заносился в индексную карточку. Например, Чен Ченг (7115/2638). Теперь сотруднику достаточно было просмотреть лишь те материалы, в которых фигурировали Чен, обозначенный иероглифом № 7115, и Ченг, обозначенный иероглифом № 2638. Это было большое облегчение, но, чтобы использовать систему, нужны были люди, знающие китайский язык.

Масса проблем возникала и в связи с укоренившейся привычкой одалживать другим подразделениям хранившиеся у нас материалы. Например, какому-то сотруднику требовалось собрать все документы, в которых упоминалось имя Чен Ченг. Оно могло встречаться в тысяче самых различных документов, и теоретически сотруднику надо было поработать с каждым из них. Но чаще всего эти документы хранились в различных подразделениях управления, и, чтобы добросовестно выполнить задание,

сотрудник должен обойти не один кабинет. Длина же только главного коридора комплекса служебных помещений составляла почти полмили. А нередко приходилось путешествовать из одного конца коридора в другой и обратно. И вот все эти хождения оказывались бесполезными, так как выяснялось, что сотрудник, за которым числился документ, переведен на другое место работы. Тогда нужные нам материалы пропадали безвозвратно.

Таким образом, многочисленные недостатки в системе учета делали практически невозможной тщательную проверку лиц, участвовавших в тех или иных операциях. Нам приходилось то и дело нарушать установленные правила, потому что иначе вся наша деятельность в Китае должна была бы прекратиться.

Когда я стал во главе отделения, оно было завалено невыполненными запросами на проверку. Усовершенствовав некоторые из наших операций, мы смогли постепенно расчистить образовавшиеся завалы. Поскольку некоторые из запросов пролежали невыполненными уже несколько лет, я запросил резидентуры, нужны ли им интересовавшие их когда-то сведения. Поступившие ответы усилили мое подозрение, что ЦРУ вовсе не такая эффективная организация, какой она должна быть. Оказалось, что во многих случаях резидентуры пошли на вербовку агентов, не дождавшись их проверки.

Сомнения относительно того, насколько ценными являются содержащиеся в архивах ЦРУ сведения, зародились у меня во время инцидента, связанного с нашим агентом в Сайгоне. Согласно утверждениям этого агента, значившегося под псевдонимом ZFBOOKZET, он располагал сетью агентуры в материковом Китае, включая радистов. По его словам, все они, хотя и не считали себя чанкайшистами, как минимум, были антикоммунистами, преданными ему лично людьми. ZFBOOKZET выдавал себя за серьезного политического деятеля и предлагал в обмен на финансовую поддержку сведения о положении в КНР. В те годы Китай был страной, в которую у нас не было никакого доступа и в которой мы не имели никаких источников информации.

Несколько недель сотрудники ЦРУ допрашивали этого человека. В конце концов пришли к выводу, что он не лжет, и завербовали его. Вскоре агент стал сообщать о том, что происходит на материке. В течение последующих двух лет его агентура расширяла и активизировала свою деятельность. Ответственный за эту операцию

сотрудник увеличил ассигнования на агента ZFBOOKZET до одного миллиона долларов в год. Но вскоре стали известны факты, вызвавшие у нас подозрения. Разведка дружественной нам страны обратила наше внимание на некое находящееся в Сайгоне бюро, рассылающее своим подписчикам газетные вырезки по интересующим их проблемам. Оказалось, адрес бюро совпадал с адресом агента ZFBOOKZET. Наша служба радиоперехвата попыталась подслушать передачи, которые он, по его словам, принимал от своей китайской агентуры. Никаких передач обнаружено не было. Стараясь оправдаться, ZFBOOKZET заявил, что ему пришлось перейти на другую частоту волн, так как у китайских коммунистов появилась сеть радиопеленгаторных станций.

Чтобы раз и навсегда покопчить с сомнениями, мы предложили сайгонскому агенту нашу помощь в установлении радиосвязи с его агентурой в коммунистическом Китае. Однако он категорически отказывался переехать хотя бы на несколько недель в другой город, где была расположена радиостанция ЦРУ. Тщательно проанализировав полученную от этого агента информацию, наша контрразведка пришла к выводу, что она сфабрикована. Когда ZFBOOKZET были представлены доказательства его двойной игры, он, по крайней мере частично, признался в том, что обманывал нас. Владея бюро, агент собирал все какими-либо путями попадавшие в Сайгон газеты КНР и вырезал из них заметки о любых, самых второстепенных событиях в различных районах страны. Используя свою фантазию, он составлял сообщения, в которых события обрастали деталями и приобретали значимость. Затем он передавал их нам как информацию, поступившую непосредственно от его агентуры в материковом Китае. Поскольку в каждом таком сообщении содержалась доля правды, они производили впечатление вполне достоверных.

После того как обман был раскрыт, мне было дано задание удалить из архивов все докладные, поступившие от ZFBOOKZET за три года его деятельности, а также те тысячи каталожных карточек, которые были составлены на основе содержавшейся в них информации. К сожалению, ни у кого не было списка идентификационных номеров, под которыми значились сообщения ZFBOOKZET, поэтому у меня оставался только один выход — закрыть на целый месяц наше отделение и засадить всех его сотрудников за поиски этих докладных и

карточек. Однако вскоре мы поняли всю безнадежность нашей затеи и решили просто изымать полученные от ZFBOOKZET докладные по мере того, как они будут нам попадаться, и уничтожать составленные на основе этих докладных каталожные карточки. Я не исключаю, что эта работа продолжается по сегодняшний день.

В конце концов служба оперативной оценки запуталась в собственных бумагах. Требовалось по меньшей мере три месяца, чтобы ответить на запрос правительственного учреждения о каком-либо лице, проверив для этого имеющиеся у нас на него данные. А горы бумаг все росли и росли. Была предпринята попытка использовать счетно-вычислительную технику, но, поскольку она была еще очень несовершенной, это только усугубило путаницу. Стало ясно, что, если не будут приняты срочные меры, вся работа пойдет в тупик. Тогда Аллен Даллес назначил бывшего стипендиата Родса из Оксфордского университета (назовем его условно Чарльзом Томпсоном), работавшего как на управление планирования, так и на управление информации, руководителем специальной оперативной группы, которой было поручено разобраться в нашей проблеме и найти приемлемое решение.

Томпсон идеально подходил для выполнения этого задания. Обладая типичной внешностью ирландца, он был находчивым и в то же время практичным человеком, блестящим специалистом, прекрасно знающим, что нужно для обеспечения нормального хода работы. Крайне энергичный, он сразу же зарылся в наши архивы и ходил с черными от пыли руками.

Томпсон провел серию совещаний с нашими сотрудниками, расспросил о трудностях в работе, выслушал их рекомендации. Дальневосточный отдел представлял на этих совещаниях я. Систематизировав проблемы, Томпсон предложил полностью пересмотреть принципы работы службы оперативной оценки. Он рекомендовал резко сократить число критериев, на основании которых новые имена вносились в указатель, а также найти для этой работы высококвалифицированных специалистов, предоставив им большую свободу при определении того, что надо и что не надо заносить в карточки. Например, если в каком-то документе упоминался десять раз Иосиф Сталин, это не значило что следовало делать десять карточек с его именем. Достаточно было изготовить лишь одну карточку, и то если автор документа специально огова-

ривал такую необходимость. Кроме того, Томпсон предложил не заводить карточки на лиц, чье имя или фамилия неизвестны, а также уничтожить все имеющиеся карточки подобного типа. Он рекомендовал провести ревизию всех накопленных в архивах разведывательных сообщений и изъять те из них, которые не представляли особой ценности. Изъятые документы нужно было направлять в картотеку, чтобы найти и уничтожить все составленные на их основе карточки. Теперь, после проверки всех имеющихся на каждое лицо данных, мы должны были заполнять специальную форму, с тем чтобы, если поступит повторный запрос, не выполнять эту работу заново. Томпсон предложил также установить мощную копировальную машину и выдавать из архива вместо подлинников запрашиваемых документов копии.

Многие предложения Томпсона были реализованы. Горы документов начали понемногу уменьшаться, стопки карточек становились тоньше, а мучительные поиски выданных на сторону материалов почти прекратились. Моему отделению было поручено просмотреть все накопившиеся документы, касающиеся китайских дел, и отобрать наименее ценные из них для последующего уничтожения. Все были вне себя от радости. Представьте восторг людей, которым дано право избавиться от мучивших их в течение долгих лет бумаг. Такое счастье выпадает только раз в жизни, и мы не собирались его упускать. Хотя я дал своим подчиненным ряд указаний, правда не очень жестких, о том, что надо и что не надо уничтожать, на них мало кто обращал внимание. Архивы с материалами о нашей деятельности в Китае сократились больше, чем какие-либо другие.

4 октября 1957 года в Советском Союзе был произведен запуск первого в истории искусственного спутника Земли, и это привело «свободный мир» в шоковое состояние. Всем было ясно, что спутники станут в конечном счете шпионами в небе, что они создадут потенциальную возможность изобретения нового, еще более опасного оружия. Печать рисовала конец света и призывала не жалеть усилий на то, чтобы догнать СССР в освоении космоса.

Мой друг Аллен, с которым я работал в Японии, а теперь в штаб-квартире ЦРУ, совсем потерял голову. Запуск советского спутника настолько его огорчил, что он утратил свою обычную самоуверенность, напористость, готовность выполнить любое задание. Однажды, когда

мы прогуливались с ним вокруг бассейна, в котором отражался мемориал Линкольна, он сказал мне удрученно:

— Как же нам бороться с этими проклятыми коммунистами? Ведь у них какой порядок: если кому-то сказано, сделай то-то и то-то, он безоговорочно выполнит это указание. Сейчас, например, всем студентам приказано учить математику и другие точные науки. Как при таком положении дел мы их одолеем?

— Вспомни, как было во время второй мировой войны, — ответил я. — Наш флот уничтожили в Пёрл-Харборе. Немцы везде побеждали, и казалось, что война в Европе проиграна. Но как только американцы осознали грозящую им опасность, они в кратчайший срок превратили страну в арсенал. То же самое будет и сейчас. Мы сделаем наш собственный спутник.

— Но на этот раз угроза не так очевидна, — не согласился со мной Аллен. — Многие ли в Америке отдают себе в ней отчет? Маленький шарик, вращающийся вокруг Земли, не кажется людям таким опасным, как война.

— И все же я думаю, наше демократическое общество сможет ответить на брошенный ему вызов, — пытался я убедить моего собеседника. Однако это мне так и не удалось. Мой коллега, казалось, впал в апатию.

— Международный коммунизм — опасность совершенно особого рода, — уныло твердил Аллен. — Это как рак: развивается медленно и незаметно, пока тебя не уничтожит. У них все подчиняется приказам. Они могут заставить своих граждан заниматься определенными проблемами, сконцентрировать свои усилия на разработке новых видов вооружения. Американцы же сами решают, что и как им делать. У нас свобода выбора, поэтому я не вижу, каким образом мы можем преодолеть наметившееся отставание.

Аллен был не единственным пессимистом. Казалось, все мои коллеги испытывают такие же чувства. Мы стали бояться, что нашему образу жизни, нашей свободе и религии грозит страшная опасность. Но в конечном счете все это привело к тому, что мы удвоили свое рабочее рвение. Лидеры США предприняли необходимые усилия, и в небе появился американский спутник. Конечно, не обошлось без неудач, но, несмотря на презрительные замечания прессы о «грейпфруте», мы знали, что Америка стоит на правильном пути, что в сражении за влияние

в мире мы снова в значительной степени овладели положением.

И Аллен, и я надеялись сыграть в этом сражении важную роль. Мы чувствовали, что не в полную силу используем свои возможности, занимаясь перетасовкой бумаг, а нам хотелось принимать непосредственное участие в операциях, направленных против коммунистической угрозы. После многочисленных просьб летом 1958 года нас вызвал к себе наш сварливый начальник и сердито объявил, что нам предоставляется возможность пройти специальный курс повышения квалификации для оперативных сотрудников.

Ошеломленный этой новостью, я вернулся в свой кабинет, открыл нижний ящик сейфа и заглянул туда, где в течение нескольких лет хранились невыполненные задания о проверке, запросы об имеющейся на то или иное лицо информации, при одной мысли о которых я внутренне содрогался. Я не поверил собственным глазам: ящик был почти пуст. Время скучной бумажной работы для меня миновало. Наконец-то я стану оперативным работником, буду принадлежать к числу тех, кого считают «сливками» управления. Наконец-то я буду сражаться с коммунизмом на передовой линии фронта, собирая разведывательную информацию и осуществляя тайные подрывные операции.

После трехмесячной подготовки на «ферме» Аллен и я получили назначение в столицу Тайваня — город Тайбэй.

Глава 4. ЧЕЛОВЕК ЦРУ В КИТАЕ

В начале февраля 1959 года мы с женой и детьми приземлились в тайбэйском аэропорту. В холодную погоду, под проливным дождем нас встретил жизнерадостный, общительный Том, работавший ранее со мной и Алленом в штаб-квартире ЦРУ. Доставив нас в расположенный на окраине дом, где предстояло жить моей семье, он объявил, что сегодня вечером нас ожидают на приеме, который наш новый босс устраивает в честь коллег из китайской разведки. В семь часов за нами должна заехать машина, на которой приедет няня для наших детей. Норма принялась было возражать против того, чтобы оставлять детей с незнакомым человеком, в чужом доме и чужой стране. Однако оказалось, что это не столько приглашение, сколько приказ.

Когда Том уехал, мы бегло осмотрели дом и окрестности. Вокруг виднелись небольшие участки земли, засеянные рисом, и жалкие лачуги, построенные из сплюснутых жестяных коробок. Вряд ли здесь будет где разгуляться нашим детям. В этих кварталах, скорее всего, американцы не жили, и наши дети, по-видимому, были обречены на одиночество. Не лучше оказался и дом. По углам с потолка капала вода, большинство бытовых приборов было неисправно, окружавшая дом бетонная стена затеняла окна.

Вдруг восьмилетняя Джин воскликнула:

— Папа, а эта корова будет наша?

Мы выглянули в окно и увидели в крошечном дворике огромного буйвола. Дети пришли в неистовый восторг. Однако Норма не разделяла их ликования. Взяв метлу, я после некоторого колебания решился спугнуть животное.

Вскоре пришла машина с няней. Беспокоясь за детей, мы тем не менее послушно направились на прием, который должен был способствовать установлению дружеских контактов между сотрудниками американской и китайской разведок. Мои коллеги оказались людьми приятными. Мой начальник, которого я назову Элом Бартоном, выглядел бывалым воякой. Он сам вызвался рассказать Норме о характере моей будущей работы.

— Ральфу предстоит очень много и напряженно трудиться, — заявил он. — Вам придется часто скучать, даже по воскресеньям. Иногда ваш муж будет исчезать на несколько дней, а то и недель. Он будет заниматься весьма ответственным делом, но, каким именно, я вам сказать не могу.⁵ Вы никогда не должны его спрашивать о том, куда он пошел и что будет там делать. Вы должны понять специфику его профессии и смириться. Его работа связана с определенным риском, но мы знали, на что идем.

Эл Бартон не очень удачно выбрал время для таких разговоров. Норма и без того была не в восторге от моего нового назначения. До этого мы прожили три года на Черри-стрит в Виене, штат Виргиния. У нас было много друзей, таких же, как мы, молодых пар с маленькими детьми. Мы часто бывали друг у друга, наши дети вместе играли и ходили в одну школу, так что со временем все мы очень сдружились. Для детей и Нормы это было счастливое время, и они никак не хотели уезжать. Но, как это не раз случалось и в прошлом, Норма, от-

бросив все сомнения, решила приспособиться к моим планам, связанным со служебной карьерой. И вот теперь ей заявляли, что все это было ради того, чтобы жить в доме с дырявой крышей и даже не интересоваться, где в данный момент находится ее муж. Норма ничего не сказала Элу, но, когда мы вернулись домой, взорвалась:

— Какого черта он убеждал меня, что я не должна знать, где мой муж, в то время как он, может, валяется где-нибудь мертвый или таскается по девкам?!

— Таковы порядки, Норма.

— Никто, кроме тебя, их не соблюдает. На любом приеме можно узнать о чем угодно.

Я не смог возразить ей.

— Работа в этом чертовом ЦРУ делает семейную жизнь невыносимой, — бушевала жена. — Сначала она нас разделила. Теперь я не должна знать, где ты и что делаешь. Мы даже не можем откровенно поговорить друг с другом.

Мы уже сотни раз беседовали на эту тему, поэтому я ничего не сказал, решив, что постепенно Норма приспособится к новой жизни и успокоится. Однако сразу же решил подыскать себе другой дом.

Вскоре мы переехали в европейский квартал, расположенный на склонах горы на окраине Тайбэя. Подобрали служанку и няню для детей и стали вести жизнь сибаритов. Мы попали, можно сказать, в светское общество. Наши дети учились в американской школе, где преподавали квалифицированные учителя. У них появилось много друзей. Неподалеку от нашего дома были площадки для игр, теннисные корты, отличные дороги. Иногда в клубе бесплатно показывали кинофильмы.

Через некоторое время после нашего приезда в Тайбэй Норма забеременела. Позднее выяснилось: она не единственная из жен работников резидентуры, оказавшаяся в таком положении. Разразился настоящий бум деторождения. В сентябре 1959 года Норма родила здорового рыжеволосого мальчика, которого мы назвали Дэном. В октябре жена Тома тоже родила сына. Его, как и отца, назвали Томом. А вслед за этим и другие американские семьи отметили прибавление.

С невольным трепетом приступал я к обязанностям оперативного сотрудника. Чаще всего мне приходилось действовать совместно с различными разведывательными службами националистического Китая. Моя задача со-

стояла в том, чтобы организовывать заброску в коммунистический Китай агентуры для сбора информации о положении в стране. Мои коллеги совместно с китайскими националистами готовили группы для заброски в коммунистический Китай в целях организации подрывной работы.

Как младшему по должности, мне поручались самые неинтересные, второстепенные по важности задания. И все равно участие совместно с китайскими националистами в борьбе против советско-китайского коммунизма было захватывающим занятием. Несколько раз мне пришлось побывать на острове Куэмой и допрашивать рыбаков из коммунистического Китая, подплывших слишком близко к берегам острова и захваченных патрулями китайских националистов. До острова мы добирались самолетом военно-воздушных сил националистического Китая. Чтобы радиолокационные станции коммунистов нас не засекали, самолет летел почти над самой водой и, лишь вплотную приблизившись к острову, резко набирал высоту, переваливал через высокий хребет и сразу же шел на посадку. Однажды коммунисты объявили, что через день будут обстреливать Куэмой. В указанное время обстрел действительно начался, и свою первую ночь на острове я провел в хижине с крышей из белой жести, прислушиваясь к разрывам снарядов. Вначале мне казалось, что я подвергаюсь ужасной опасности. Позднее я понял, что националисты и коммунисты заключили что-то вроде джентльменского соглашения. Обе стороны открывали огонь в определенное время и вели его по пустому месту. Никто не стремился к обострению отношений, и хотя на острове было множество незащищенных целей, по ним не стреляли.

За время моих поездок на остров мне так ни разу и не удалось выудить у задержанных китайцев сколько-нибудь серьезную информацию. Но все же благодаря получаемым от них сведениям какое-то представление о положении в коммунистическом Китае мы имели. После каждого допроса чанкайшистские генералы приглашали нас на обед, во время которого старались произвести на нас благоприятное впечатление. Меню всегда было изысканным, а атмосфера — доброжелательной. Одного я не выносил — тостов между блюдами. Китайцы угощали нас крепчайшей гаоляновой водкой, которая по вкусу и запаху напоминала скипидар. Каждый тост кончался словами «Суй биань!» («Пейте столько, сколько може-

те!») либо «Чань бэнь!» («Пей до дна!»). Первую рюмку я выпил до дна, поскольку не знал, что это такой крепкий напиток. К всеобщему, а прежде всего к моему собственному, сожалению, я поперхнулся и в течение нескольких минут никак не мог откашляться.

Вместе со мной работали двое недавно прибывших из Соединенных Штатов оперативных сотрудников. Одного из них, Джимми Мо, я знал, когда он был еще курсантом. Казалось, что Джимми полностью поглощен кабинетной работой и доволен своей службой. В действительности же он с трудом заставлял себя заниматься неинтересным делом и мечтал только об одном — как бы вырваться на свободу.

Вскоре после его приезда в Тайбэй началась тайная война в Лаосе и его направили в Таиланд вести работу среди жителей горного племени хмонг. Впрочем, в управлении их обычно пазывали на китайский манер — мяо. Джимми был в восторге от нового задания. Он быстро собрался и выехал к месту назначения.

Где-то в середине моего пребывания на Тайване мне было поручено осуществить серьезную, многообещающую операцию. Одна из разведывательных служб китайских националистов предложила совместно использовать одного из ее лучших агентов. Договорились, что вначале он пройдет необходимую подготовку у них, а потом им займемся мы. После этого его зашлют в коммунистический Китай и он должен будет работать на свою и на американскую разведки. Нам сказали, что агент уже забрасывался в КНР и каждый раз возвращался с важными сведениями. Серьезный агент на материке нам был очень нужен, и мы охотно приняли предложение.

Агент — я буду называть его Z1 — оказался настоящим китайским Джеймсом Бондом. Он умел абсолютно все. Наши сотрудники обучили его тайнописи, радиосвязи, фотографированию, наблюдению, составлению донесений и множеству других вещей. Мы объяснили ему, какие основные требования предъявляются к разведывательным донесениям. По завершении подготовки я вручил ему документы и проинструктировал его относительно легенды. Сотрудники всех специальностей в один голос заявили, что Z1 — лучший агент, которого им когда-либо приходилось готовить. Он одинаково быстро схватывал как общие концепции, так и сложную технику исполнения тех или иных операций. Мы были от него в восторге, хотя некоторым претило его высокомерие.

После заброски на континент Z1 должен был войти в контакт со своим другом и завербовать его, сделав нашим шпионом. Кроме того, предполагалось, что он установит в доме друга тайный передатчик. Z1 получил от нас подробное расписание, в котором указывалось время, когда наши радисты будут работать на прием на волне его передатчика. Договорились также, что после вербовки он в течение нескольких месяцев будет ездить по стране и время от времени посылать нам радиосообщения и зашифрованные письма.

После двухмесячной подготовки Z1 был заброшен на материк. Он оправдал все наши ожидания, кроме одного: он так и не вышел с нами на радиосвязь. А зашифрованные послания мы получали от него регулярно. Через четыре месяца он снова появился на Тайване. Это была первая успешная операция такого рода, осуществленная нашей резидентурой, и мы ходили окрыленные. Я решил выжать из агента все что можно и начал работать с ним ежедневно, утром и днем, подробно расспрашивая о его пребывании в коммунистическом Китае. Ответы Z1 были четкими, краткими и по существу.

Он обстоятельно рассказал о доме своего друга, о жизни в коммуне. Сообщил, что в Китае одежда и продукты питания нормированы, что величина нормы зависит от выполняемой работы и общественного положения. Сказал, что каждый обязан ходить на политические собрания, которые нередко заканчиваются поздно ночью. Утром жители коммуны встают рано и все вместе под музыку, которую передает правительственное радио, выполняют комплекс физических упражнений.

В рассказах агента меня смущало только одно — объяснение, почему он не вышел на связь. По его версии он не мог этого сделать потому, что рано утром, в назначенные для радиосеанса часы, в городе отключали электричество. Но ведь раньше он говорил, что радиовещание каждый день передает утреннюю гимнастику и его друг включал свой приемник, чтобы послушать эту программу. Почему же один радиоприемник мог работать, а другой нет? Я начал подозревать, что Z1 выдумал всю эту историю с отключением электроэнергии, однако решил не указывать на противоречие в его рассказе, пока сам не смогу убедиться, зачем ему нужно было лгать. Мне очень хотелось, чтобы он рассеял мои сомнения, но еще больше хотелось узнать правду.

Одно обстоятельство затрудняло мои попытки распу-

тать эту историю. Нельзя было исключить, что разведка китайских националистов отрегулировала радиопередатчик определенным образом и Z1 мог выходить на связь только с ней. Мне приходилось действовать осторожно, чтобы не разоблачить двуличие наших китайских коллег, потому что сохранить наше сотрудничество было важнее, чем выяснить правду относительно одной операции. В последние две недели моей работы с Z1 я как бы мимоходом задал ему ряд вопросов о радиоприемнике его друга: где он его купил? какой он модели? какие мог принимать радиостанции? и, наконец, какие батареи к нему подходят? В ответ на это агент заявил, что радиоприемнику его друга батареи не нужны, так как он работает от электросети. В этом была его ошибка.

В последний день я спросил Z1, почему он не мог подключаться рано утром к той же электросети вне дома его друга, которой тот пользовался для прослушивания урока гимнастики. Сразу поняв, что попался, агент вскочил и, лукаво посмотрев на меня, выбежал за дверь. Вернулся он с подарками, которые тут же мне и вручил. Среди них была бутылка настоящей гаоляновой водки, блок китайских сигарет и несколько безделушек явно материкового происхождения. На этом наша работа с ним закончилась.

Я так никогда и не смог выяснить, почему Z1 лгал: то ли потому, что скрывал двуличие разведки китайских националистов, то ли потому, что в действительности работал на коммунистов. Этот вопрос отпал сам собой по окончании всей операции.

Мы никогда не были уверены в том, что разведывательные службы националистов не водят нас за нос. Поэтому, китайцы думали то же самое о нас. Вскоре после приезда на Тайвань я узнал, что ZFBOOKZET, агент, заваливший наш архив информацией о положении в коммунистическом Китае, сфабрикованной с помощью газетных вырезок, был офицером разведки китайских националистов. Недаром в его сообщениях обстановка всегда выглядела исключительно благоприятной для Чан Кайши и неблагоприятной для Мао Цзэдуна.

18 июня 1960 года в Тайбэй прибыл президент Эйзенхауэр. Китайские националисты были в восторге от этого визита. Генералиссимус Чан Кайши и его генералы решили устроить главе американского правительства грандиозный прием. Имелось в виду, что на митинге, который должен был состояться на центральной площади города,

выступят с речами Чан Кайши и Эйзенхауэр. Мы с Томом хотели посмотреть на президента и отправились на митинг.

На площади собралось более двухсот тысяч китайцев. Возможно, среди них были и тайваньцы. По мере того как росло возбуждение, все труднее становилось соблюдать порядок, и вскоре собравшиеся превратились в плотно спрессованную, непрерывно толкающуюся и движущуюся массу. Хотя Том и я были намного выше других участников митинга, мы испугались, что можем задохнуться. Что же должны были испытывать низкорослые китайцы! Чан Кайши в своей речи повторил обычный призыв бороться за возвращение на материк. Президент Эйзенхауэр подтвердил неизменность американской поддержки националистическому правительству.

Толпа на площади все больше выходила из-под контроля, и оба оратора, чтобы не попасть в образовавшийся водоворот, были вынуждены уйти с трибуны. Людьями двигал искренний энтузиазм, но я боялся, что их необузданный восторг может привести к жертвам. Мы с Томом пробрались к краю площади и поспешили вернуться на службу. Только там мы почувствовали себя в безопасности.

Во время пребывания Эйзенхауэра на Тайване коммунисты устроили беспрецедентный артиллерийский обстрел острова Куэмой, выразив таким образом свое неодобрение по поводу визита американского президента. Энтузиазм участников митинга и бессмысленный обстрел острова укрепили нас в убеждении, что политика США в отношении двух Китаев совершенно правильная. Нам казалось, что Чан Кайши пользуется всеобщей поддержкой, что артиллерийский обстрел свидетельствует лишь о жестокости международного коммунизма.

Тогда я еще не знал, как генералиссимус стал главой правительства на Тайване. Позднее же мне стало известно, что в 1949 году, после поражения на континенте, войска китайских националистов и их сторонников были эвакуированы на остров американским военно-морским флотом. Хотя на каждого китайца приходилось по семь-восемь тайваньцев, чанкайшисты с помощью американского оружия заставили местных жителей подчиниться. Фактически только репрессивными мерами генералиссимусу удалось захватить власть.

Ни я, ни мои коллеги по работе ничего об этом не знали и не стремился узнать, ведь мы были в достаточ-

ной степени оторваны от жизни рядовых китайцев и тайваньцев. Живя в европейском квартале, мы общались только с коллегами по работе. Все наши контакты с местными жителями сводились к встречам с офицерами связи китайской разведки, хождению по магазинам и ресторанам, проезду к месту работы и обратно. Если бы не наша изолированность, мы, возможно, более верно оценивали бы положение на Тайване и отражали бы это в своих докладах в штаб-квартиру ЦРУ.

Несмотря на предупреждения начальника о том, что мне предстоит много и напряженно работать, мои обязанности, казалось, состояли в основном в том, чтобы получать побольше удовольствий. Ежедневно мы либо давали приемы в честь наших китайских коллег, либо устраивали роскошные банкеты со щедрым угощением. Кроме того, сотрудники резидентуры очень любили всевозможные вечеринки, и каждую неделю кто-нибудь из нас принимал гостей. Все отдавали себе отчет в том, что фактически мы изолированы от жизни тайваньцев, но постоянные приемы и приятное общество не оставляли нам времени для серьезных раздумий.

Резидентом на Тайване в то время был Рэй Клайн, простой, доступный человек, одинаково любезный как со старшими, так и с самыми младшими по должности служащими. У него была необычная манера принимать в члены нашей маленькой колонии жен новых сотрудников. Если он считал, что женщина принята в нашу общую семью, то давал об этом знать довольно своеобразно — щипал ее пониже спины. Это стало традицией, и многие женщины чувствовали себя неуверенно, пока им не оказывали такого знака внимания. Все это воспринималось как хорошая шутка, и, кажется, никто никогда не возражал. С самого начала Рэй установил тесную дружбу с сыном генералиссимуса Цзян Цзунго, которого часто можно было видеть с женой в баре нашего клуба у игровых автоматов.

Прибытие и отъезд сотрудников отмечались в резидентуре ежемесячно приветственными и прощальными вечерами. Один из таких вечеров должен был состояться в марте 1961 года. Нас было восемь пар, проработавших вместе уже больше года и решивших ознаменовать это событие костюмированным балом. Кому-то из нас пришла блестящая идея одеться в костюмы индейского племени. Кто-то подсказал, что местный портной сошьет такой наряд всего за двадцать долларов (примерно месячный

оклад тайваньского рабочего). После нескольких рюмок было решено стать индейцами племени сит. Женщины подобрали себе подходящие к случаю имена — Курочка, Бегущая Лань, Птица. Мужчины предпочли имена более мужественные. Я, например, стал вождем по имени Большой Буйвол.

Потом последовали примерки у портного, и вот наконец все готово. Все, кроме головного убора вождя. Это был предлог еще для одной вечеринки, во время которой мы красили перья и пришивали их к тесьме. Наряд получился исключительно эффектный. Правда, немного тяжеловатый и неудобный, но внешне как раз то, что надо.

Костюмированный бал вылился в настоящую вакханалию с бесплатным угощением, выпивкой и развлечением. Наше племя выиграло приз на лучший костюм. Нас пригласили на сцену, где Рэй Клайн лично вручил нам награды. Несмотря на обилие отведанных им напитков, он рискнул представить каждого члена племени сит, назвав его индейское имя, и ему это почти удалось. Потом Рэй вручил приз за лучший женский костюм. Его получила стройная как статуэтка, красивая жена одного из оперативных сотрудников, появившаяся на балу в откровенном купальном костюме. Получив от Рэя награду, она повернула его спиной к аудитории и, к восторгу собравшихся, наградила традиционным шипком.

Домой мы возвращались все вместе. По улицам города мчался целый караван автомашин. Одетые в маскарадные костюмы, распивая шампанское из дорогих хрустальных бокалов, мы ехали мимо хижин тайваньцев. Я случайно заглянул внутрь одной из таких хибар под крышей из консервной жести, где люди в лохмотьях сидели вокруг очага с древесным углем. Мой взгляд встретился с глазами молодого тайваньца, безразлично взиравшего на нас. Казалось, мы были людьми из разных миров: одни — из мира богатства, комфорта и веселья, другие — из мира суровой нищеты, где люди вели нелегкую борьбу за то, чтобы выжить. Я потом долго вспоминал этот эпизод и думал: как же мы в ЦРУ надеялись понять, что происходит в этой чужой для нас стране, если жили совершенно изолированно от тех людей, которым хотели помочь?

Глава 5. ЖИЗНЬ В ЛЭНГЛИ

В августе 1961 года я вернулся в штаб-квартиру ЦРУ в Вашингтоне. К этому времени мои взгляды на многие

вещи сильно изменились. В управлении царила суматоха, вызванная, с одной стороны, провалом вторжения в залив Кочинос на Кубе и намечавшимся сокращением штатов в правительственных учреждениях, с другой — ожидаемым переездом в новые помещения в Лэнгли, штат Виргиния.

Сразу же после апрельской катастрофы на Кубе Аллен Даллес разослал во все резиденции управления телеграмму, в которой попытался представить происшедшую трагедию в розовом свете. В этой телеграмме, подписанной директором ЦРУ, утверждалось, что если бы события развивались в соответствии с планом, то высадка в заливе увенчалась бы успехом. Лично я знал об этих событиях только то, что передавали по телевидению. У меня сложилось впечатление, что ЦРУ слишком полагалось на ожидаемое восстание на острове.

Планы увольнения правительственных служащих, закодированные как программа № 701, ударили главным образом по ЦРУ. Возможно, это было связано с неудачей в заливе Кочинос, вызвавшей гнев президента Кеннеди. Напряженность в управлении нарастала, атмосфера становилась гнетущей. Мне снова было поручено заниматься Китаем. Вместе со мной в новом кабинете сидели еще пять сотрудников. Нельзя сказать, что у нас было слишком много дел, но каждый старался показать, как он загружен работой. Мы боялись вызова к начальству. Многие из наших коллег уже получили уведомление об увольнении. Все ходили с опущенными головами. Каждый чувствовал себя потенциальным безработным.

Накануне нового, 1962 года начался переезд в Лэнгли. Радость, вызванная возможностью разместиться в гораздо более удобном помещении (обычно не больше двух человек в одном кабинете), омрачалась тем, что осуществление программы № 701 продолжалось. Был уволен каждый пятый. Некоторые не выдерживали напряжения. Так, один из моих соседей по кабинету несколько раз появился на работе сильно подвыпившим и в конце концов попал под сокращение. Когда было объявлено о завершении программы № 701, уцелевшие счастливицы почувствовали огромное облегчение. Все сохранившие свое место считали себя принадлежащими к элите.

Новый комплекс зданий ЦРУ начал строиться еще при Аллене Даллесе, но после неудачи в заливе Кочинос он ушел из управления и ему так и не пришлось насладиться новыми помещениями. Комплекс занимал 213 акров

и был расположен прямо на берегу реки Потомак в девяти милях от Вашингтона. Внешне он напоминал территорию университета. Вскоре, как и предполагал Аллен Даллес, сотрудники управления полюбили прогулки в обеденный перерыв по аллеям, разминки на проложенных повсюду дорожках. Часто они просто отдыхали, греясь на солнышке на многочисленных скамейках парка. Само семиэтажное здание управления было построено из бетона и мрамора. С одной стороны огромного главного вестибюля красовалась цитата из библии: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными», с другой — стоял бюст Аллена Даллеса и висели памятные звезды в честь сотрудников ЦРУ, погибших при исполнении служебных обязанностей.

Пройти в здание управления можно было только по предъявлении пропуска в виде специального значка с фотографией. Миновав охрану, вы оказывались в широком коридоре первого этажа здания, где расположены многие функциональные службы ЦРУ: транспортный отдел, медпункт, кредитный союз¹, библиотека, страховое агентство, кафетерий и комнаты с множительной и записывающей аппаратурой. На одной стене коридора висели портреты бывших директоров ЦРУ, на другой — объявления различных клубов управления: фотоклуба, клуба изобразительного искусства и других. Четыре эскалатора быстро доставляли служащих на верхние этажи к их кабинетам. Стены коридоров были окрашены в цвет «белая ночь», а полы выстланы серовато-зеленым виниловым пластиком. Позднее, чтобы избавиться от одноцветной монотонности, кабинетные двери были покрашены в яркие, сочные тона.

Группа, осуществлявшая операции против Китая, занимала большую часть третьего этажа. Мое рабочее место находилось в комнате № 57, или, по официальной терминологии, 3С57.

Настроение тех, кто уцелел в ходе реализации программы № 701, быстро поднялось. Конечно, в немалой степени этому способствовали улучшение условий работы, возможность отдохнуть во время перерывов на свежем воздухе, смягчение той напряженности, которая была вызвана проходившей чисткой.

Только много лет спустя я узнал о тех многочисленных тайных операциях, которые осуществляло ЦРУ в эти

¹ Вид сберегательного учреждения в США.

годы. Так же как и в предыдущее десятилетие, в 60-е годы тайные операции оставались главным направлением деятельности управления. Для достижения своих целей оно прибегало к самым разнообразным подрывным акциям, включая дезинформацию. Резкое наращивание полувоенных операций, направленных против повстанцев, наблюдалось в Лаосе и во Вьетнаме.

В 60-е годы внешняя политика США по-прежнему формировалась в соответствии с догмами «холодной войны». Как указывается в докладе сенатского комитета Черча, в начале этого десятилетия Соединенные Штаты уверенно и целеустремленно проводили экспансионистскую внешнюю политику, примером которой может служить вторжение в заливе Кочинос. За этой операцией последовала конфронтация с Советским Союзом из-за его попытки установить на Кубе свои ракеты. Затем началась эскалация полувоенных действий США в Юго-Восточной Азии. В обоих случаях ЦРУ оказалось втянутым в разгоревшиеся конфликты.

Одним из структурных звеньев ЦРУ было так называемое оперативное управление — в высшей степени засекреченная организация, где только немногие кадровые сотрудники осведомлены о разработке и выполнении таких операций, как, например, убийство иностранных лидеров.

60-е годы озаменовались зарождением революционного движения в Юго-Восточной Азии и Африке. В этих условиях руководители американской политики прибегли к разработке таких программ борьбы против повстанцев, реализация которых позволила бы избежать крупного военного столкновения с Советским Союзом. Для проведения их в жизнь ЦРУ создало во многих странах мира целую сеть полувоенных формирований, на содержание которых уходила большая часть его бюджета.

Период с 1964 по 1967 год характеризуется наибольшей активностью ЦРУ по выполнению тайных операций, включая различные политические и полувоенные акции, пропаганду, использование международных организаций.

Создав обширную сеть полувоенных инфраструктур, управление приступило к осуществлению тайных операций в Лаосе и на Кубе, расширило свою деятельность во Вьетнаме. За провалом операции в заливе Кочинос последовала серия подрывных акций, направленных против Кубы. Со временем они приняли такой экстенсивный и агрессивный характер, что один из руководителей ЦРУ

открыто заявил: «Мы находимся в состоянии войны с Кубой».

Так же как в 50-е годы, в последующее десятилетие ЦРУ ежегодно осуществляло сотни тайных операций, главным образом в Азии и в Латинской Америке. Все большее внимание уделялось Африке. Продолжалось выполнение программы на Ближнем Востоке. Несколько уменьшилась активность управления в Европе, зато родилась программа незаконных с точки зрения положения о ЦРУ операций в самих Соединенных Штатах.

В Юго-Восточной Азии ЦРУ продолжало широкомасштабное вмешательство в Лаосе и во Вьетнаме. По заключению комитета Черча, управление занималось в Лаосе реализацией программ подготовки полувоенных формирований и их снабжения по воздуху. Эти операции постепенно переросли в настоящую наземную войну. ЦРУ завербовало и обучило армию из представителей хмонг и других лаосских племен общей численностью не менее 30 тысяч человек, получившую название «секретная армия». Нанятые ЦРУ летчики выполняли на принадлежащих управлению самолетах операции по снабжению этой армии, а также наносили бомбовые удары по ее противнику. Общие расходы по этой программе составляли ежегодно не менее 30 миллионов долларов. Ее осуществлением руководили 40—50 должностных лиц ЦРУ. Им помогали 17 тысяч тайландских наемников.

Широкий диапазон операций — политических, полувоенных, психологических — проводило ЦРУ во Вьетнаме.

В Индонезии группа молодых офицеров предприняла попытку разгромить поддерживаемый США военный истеблишмент, убив при этом шесть или семь высших военачальников. ЦРУ воспользовалось их гибелью, чтобы свергнуть Сукарно и разгромить Коммунистическую партию Индонезии, насчитывавшую в те годы до трех миллионов членов. Как я уже отмечал в статье, опубликованной журналом «Нэйшн», в результате этой операции ЦРУ погибло 500 тысяч, а возможно, и более одного миллиона человек.

Вначале военная клика не трогала компартию, так как знала, что коммунисты не имели никакого отношения к заговору. Однако впоследствии индонезийские военные руководители развернули кровавую кампанию по уничтожению коммунистов. В середине ноября 1965 года генерал Сухарто дал официальное распоряжение провести

«чистку» индонезийской компартии и создал специальные группы по осуществлению массовых убийств. Важнейшую роль в нагнетании антикоммунистических настроений в стране сыграли распространяемые средствами массовой информации фальшивки. Во всех газетах были опубликованы фотографии зверски изуродованных трупов индонезийских генералов. Эти фотографии не раз показывали по телевидению. Сообщалось, что якобы женщины-коммунистки кастрировали свои жертвы, выкалывали им глаза. Цель этой циничной кампании состояла в том, чтобы возбудить общественный гнев против коммунистов, инспирировать кровавую резню. Чтобы скрыть свою роль в организации массовых убийств ни в чем не повинных людей, ЦРУ состряпало в 1968 году фальшивый отчет о событиях, произошедших в Индонезии. (Позднее управление издало его в виде отдельной книги «Индонезия — 1965. Заговор, приведший к обратным результатам»). Одновременно был подготовлен отчет о том, что произошло на самом деле. ЦРУ чрезвычайно гордилось успехом в Индонезии и рекомендовало свои действия там в качестве модели для будущих операций подобного рода.

В Таиланде в 60-х годах ЦРУ, как и прежде, участвовало в операциях совместно с подразделениями полицейской воздушной разведки и полиции пограничного патрулирования. Эти противоповстанческие формирования затем составили костяк тех сил, которые вели тайную войну в Лаосе. Вместе с отрядами службы безопасности Таиланда управление осуществило также серию программ по борьбе с повстанцами в этой стране.

В Камбодже ЦРУ сыграло ведущую роль в организации заговора, в результате которого в 1970 году было свергнуто правительство Нородома Сианука, что расчистило путь для вооруженного вторжения США в эту страну, последовавшего весной того же года.

В Латинской Америке многие операции ЦРУ в 60-е годы были направлены против Кубы и преследовали цель свергнуть правительство Фиделя Кастро. Еще до вторжения в заливе Кочинос в апреле 1961 года ЦРУ пыталось физически уничтожить руководителя Кубинской революции. Первая попытка убийства Фиделя Кастро была предпринята в самом начале 1961 года. В течение последующих двух лет на Кубу были заброшены пять групп убийц.

В середине апреля 1961 года подготовленные управлением отряды кубинских эмигрантов совершили неудачную попытку вторжения в залив Кочинос. Во время этой

операции погибли четыре американских летчика, которые пилотировали принадлежащие ЦРУ самолеты, и почти 300 кубинских эмигрантов. Более 1200 человек попали в плен.

Президент Гватемалы Мигель Идигорас Фуэнтес, премьер-министр Кастильо Армас, разрешил ЦРУ создать на территории его страны тренировочную базу для подготовки отрядов кубинских эмигрантов. Поэтому когда в ноябре 1960 года в Гватемале вспыхнуло восстание, управление незамедлительно пришло на помощь президенту, тайно направив против восставших американские бомбардировщики В-26. Восстание было подавлено, и Фуэнтес остался у власти.

В начале 1961 года управление провело ряд операций, направленных на свержение эквадорского президента Веласко Ибарры, отказавшегося разорвать дипломатические отношения с Кубой. В ноябре того же года он был свергнут. Его преемник Карлос Хулио Аросемена тоже оказался не в фаворе у Соединенных Штатов, и снова ЦРУ прибегло к тактике дестабилизации, добившись свержения этого правительства в июле 1963 года.

В 1964 году, действуя совместно с Управлением международного развития и госдепартаментом, ЦРУ тайно переправило 20 миллионов долларов в Чили для оказания помощи Эдуардо Фрею в его попытке нанести поражение Сальвадору Альенде, претендовавшему на пост президента страны. Потерпев провал в попытках блокировать избрание Альенде в 1970 году, ЦРУ взяло на себя руководство той экономической и политической войной, которая привела к военному путчу 1973 года и свержению Альенде.

В Британской Гвиане согласно исследованию Центра по изучению проблем национальной безопасности ЦРУ финансировало забастовки и мятежи, которые нанесли стране огромный ущерб в 1962—1963 годах и привели к свержению правительства Народной прогрессивной партии, возглавлявшегося Чедди Джаганом. Через американское профобъединение АФТ — КПП и Американскую федерацию служащих штатов, округов и муниципалитетов управление тайно субсидировало приход к власти Форбса Бернхэма.

В Бразилии ЦРУ оказывало финансовую поддержку политическим противникам президента Жоао Гуларта, который экспроприировал филиалы американской корпо-

рации «Интернешнл телефон энд телеграф» и отказывался разорвать отношения с Кубой. Управление организовало антиправительственные выступления профсоюзов и военных, в том числе деятельность так называемых «курсов по трудовым отношениям» в Вашингтоне. Результат — путч 1964 года, поставивший у власти военную диктатуру.

В середине 60-х годов ЦРУ тайно оказывало помощь правительству Перу в его борьбе с партизанами, поставляя оружие и другое снаряжение. Перуанские войска обучали специалисты из отдела специальных операций ЦРУ, а также инструкторы из числа «зеленых беретов». Средства на указанные цели были выделены из бюджета армии США.

В Боливии ЦРУ помогло правительственным войскам выследить и схватить кубинского революционера Эрнесто Че Гевару, который затем был убит.

В Уругвае управление активно вмешивалось в политическую жизнь страны. Оно оказывало давление на правительство, требуя от него согласия на открытие американского центра подготовки полицейских сил, который мог служить прикрытием для тайной деятельности сотрудников управления, в задачу которых входило финансирование и обучение уругвайской полиции и разведывательных служб.

В Африке процесс деколонизации, развернувшийся в начале 60-х годов, вызвал резкое расширение масштабов тайных операций ЦРУ на этом континенте. Повышенная активность управления в «третьем мире» отражала тот растущий интерес, который проявляли к этим странам госдепартамент и администрация Кеннеди.

До 1960 года Африкой занимались специалисты, работавшие в Европейском и Ближневосточном отделах. В 1960 году в управлении был создан самостоятельный Африканский отдел. По всему континенту стали создаваться резидентуры. С 1959 по 1963 год их число увеличилось на 55,5 процента.

В 1960 году ЦРУ завербовало Холдена Роберто, лидера одной из ангольских группировок. В 1975 году управление израсходовало миллионы долларов на боеприпасы, снабжение по воздуху и оплату наемников, оказывая поддержку двум фракциям, которые в ходе гражданской войны вели борьбу против Народного фронта освобождения Анголы (МПЛА).

В начале 60-х годов ЦРУ вмешалось в ход политической борьбы в Конго. Планируя физическое устранение Патриса Лумумбы, оно фактически наладило сотрудничество с его противниками, которые в конце концов в 1961 году убили конголезского лидера. Управление выплачивало крупные денежные суммы ряду конголезских политиканов за оказываемые ими услуги и предоставило оружие сторонникам Мобуту и Адулы. Затем оно направило в страну наемников и экспертов по полувоенным формированиям для оказания помощи новому правительству. В 1964 году в Конго один за другим посылались самолеты ЦРУ В-26, пилотируемые работавшими в управлении по контракту летчиками из числа кубинских эмигрантов. Там им поручали бомбардировку занимаемых повстанцами районов.

В Южной Африке ЦРУ осуществляло тесное взаимодействие с Бюро государственной полиции (БОСС) — южноафриканской тайной полицией. Уже к 1975 году управление тайно сотрудничало с правительством Южно-Африканской Республики по вопросам, связанным с гражданской войной в Анголе.

В Соединенных Штатах в 60-е годы ЦРУ продолжало свою незаконную деятельность. При этом использовался тот механизм финансирования и пропаганды, который был создан еще в предшествующее десятилетие. По-прежнему функционировали предприятия, обеспечивающие управлению прикрытие для его тайных операций. Однако некоторые из акций ЦРУ внутри страны стали известны американской общественности. Одним из первых с разоблачениями выступил журнал «Рэмпартс», опубликовавший в 1967 году статью, в которой говорилось, что начиная с 50-х годов управление финансирует деятельность ряда частных добровольных организаций. Как указывалось в докладе сенатского комитета Черча, эти разоблачения заставили президента Джонсона назначить комиссию в составе трех человек, которой было поручено расследовать действия ЦРУ. Председателем комиссии был назначен заместитель государственного секретаря Ричард Николас Катценбах. Двумя другими ее членами стали директор ЦРУ Ричард Хелмс и министр здравоохранения, образования и социального обеспечения Джон Гарднер. Комиссия рекомендовала запретить правительственным учреждениям оказывать тайную финансовую помощь американским образовательным и добровольным организациям. Согласившись на словах о

этими рекомендациями, ЦРУ на деле по-прежнему поддерживало контакты с этими организациями, продолжая их финансирование, так что масштабы их зарубежной деятельности почти не изменились.

Наряду с осуществлением операций внутри самих Соединенных Штатов управление в 60-е годы предприняло ряд новых инициатив. Так, сразу же после провала вторжения в залив Кочинос агенты ЦРУ стали оплачивать и направлять деятельность кубинских эмигрантов, собиравших секретные досье на некоторых кубинцев и тех американцев, которые поддерживали связь с находившимися под наблюдением личностями. К концу 60-х годов ЦРУ поощряло такого рода деятельность в ряде крупнейших американских городов, включая Лос-Анджелес, Нью-Йорк и Сан-Хуан. В период ее наибольшего расцвета на содержании кубинского отдела контрразведки во Флориде насчитывалось до 150 платных информаторов.

Как утверждал бывший агент ЦРУ Говард Хант, в 1969 году по указанию отдела внутренних операций он организовал регулярный сбор любой доступной информации о деятельности штаб-квартир президентской избирательной кампании сенатора Барри Голдуотера. По заявлению Ханта, вся получаемая документация передавалась Честеру Л. Куперу, помощнику президента в Белом доме, связанному с ЦРУ.

В 1966, 1969 и 1971 годах агенты ЦРУ трижды тайпо проникали в квартиры, принадлежавшие сотрудникам ЦРУ или людям, ранее служившим в управлении. Во всех трех случаях ЦРУ пыталось оправдать свои незаконные действия тем, что оно действовало в интересах безопасности страны.

В 1967 году достоянием гласности стал факт субсидирования ЦРУ Национальной студенческой ассоциации (НСА). Вслед за этим выяснилось, что по своим каналам управление финансирует также ряд рабочих, предпринимательских, религиозных, университетских и культурных организаций. По приблизительным оценкам, на эти цели было израсходовано не менее 12,4 миллиона долларов.

15 августа 1967 года Ричард Хелмс отдал приказ о создании при отделе контрразведки специального подразделения, поручив ему осуществление операций под кодовым названием «Хаос». На него была возложена задача выявлять возможные зарубежные связи американских

диссидентов. Подразделение регулярно докладывало об антивоенном, молодежном и других подобных движениях в различных странах мира и в самих Соединенных Штатах.

В начале 1979 года в ходе возбужденного против ЦРУ судебного процесса стали известны документы, согласно которым вопреки всем заверениям, содержавшимся в ранее опубликованных докладах правительственных комитетов, проникновение агентуры управления в политические организации США преследовало цель собирать информацию о событиях внутри страны. Выяснились и некоторые другие аспекты деятельности, связанные с выполнением программы «Хаос» и ей подобных, которые остались неизвестны комитету Черча. Оказалось, что «еще за пять лет до создания вышеназванного специального подразделения ЦРУ занималось слежкой за различными политическими группировками в самих Соединенных Штатах, что в ходе осуществления программы «Хаос» собирались сведения о ряде выдающихся американцев, в том числе о Роберте Кеннеди, Мартине Лютере Кинге, Белле Абзуг и Роналде Делламсе¹, что и после того, как в 1974 г. было ликвидировано подразделение, выполнявшее программу «Хаос», собранная им информация не только не была уничтожена, но и продолжала использоваться, что в течение ряда лет этой программе придавалось такое же значение, как и операциям по сбору сведений о СССР и Китае»².

Согласно заявлению Уильяма Колби, в 1967 году ЦРУ «внедрило в диссидентские организации, действовавшие в Вашингтоне и округе Колумбия, десять агентов, поручив им собирать сведения о планах проведения демонстраций, пикетирования, маршей протеста или других акций, представляющих угрозу сотрудникам управления, его собственности или принадлежащей ему информации»³.

Склонность ЦРУ к незаконным действиям внутри Соединенных Штатов сохранялась и в 70-е годы.

¹ Абзуг Белла, Делламс Роналд — американские конгрессмены, выступавшие в те годы с критикой внутренней и внешней политики администрации США.

² Цит. по: Center for National Security Studies, "CIA Domestic Spying More Extensive", Sept. 10, 1979.

³ Colby W. Statement before the Senate Armed Services Committee, January 15, 1975. Цит. по: The Washington Post, January 16, 1975.

В 1970 году директор ЦРУ Ричард Хелмс вместе с некоторыми другими деятелями рекомендовал президенту Никсону использовать так называемый «интегрированный подход к расследованию беспорядков в США», который известен как «план Хастона». Сразу же после того как этот план был аннулирован, ЦРУ завербовало или внедрило в среду американских диссидентов около десятка агентов, с тем чтобы получить доступ к зарубежным кругам, связанным с диссидентами в США. Считалось, что благодаря своим связям с американскими инкомыслящими этим агентам легче будет войти в доверие к соответствующим лицам в других странах. Однако некоторые из них не ограничивались разведывательной деятельностью за рубежом и снабжали ЦРУ информацией о тех американских диссидентах, с которыми они поддерживали контакт. На основании этой информации ЦРУ составляло специальные досье, передавая полученные сведения в распоряжение ФБР.

В 1971 и 1972 годах, по сообщению газеты «Вашингтон пост», ЦРУ в пяти случаях устанавливало слежку за лицами, не являвшимися сотрудниками управления. Это было сделано потому, что согласно «достоверным сведениям» эти лица, не имея на то соответствующего допуска, регулярно получали информацию, которая расценивалась как секретная. ЦРУ надеялось с помощью слежки выявить каналы утечки информации. Как указывалось в секретном меморандуме сената, среди этой пятерки были известный обозреватель Джек Андерсон, репортер «Вашингтон пост» Мишель Гетлер и литератор Виктор Марчетти.

В 1971—1972 годах управление тайно обучало полицию двенадцати графств и городов США методам обнаружения подслушивающих устройств, составлению секретных досье и обращению со взрывчаткой. Среди прошедших полный курс пятидесяти полицейских были представители полиции Нью-Йорка, Чикаго и Бостона, графств Фэйрфэкс (штат Виргиния) и Монтгомери (штат Мэриленд).

Прошло девять месяцев после моего возвращения в штаб-квартиру ЦРУ, и мне сообщили, что есть возможность снова отправиться работать за рубеж, на этот раз в Таиланд. Я слышал много хорошего об этой стране и сразу же заявил о своем согласии. На следующий день меня пригласил к себе на беседу заместитель начальника резидентуры в Таиланде, приехавший в Лэнгли для набо-

ра новых сотрудников. Назовем его Дэйв Эббот. Меня провели в кабинет и усадили на небольшой жесткий стул. Эббот, сидя за столом, молча просматривал какие-то бумаги. Скорее всего это было мое личное дело. Он не взглянул на меня и вообще ничем не показал, что замечает мое присутствие. Мне ничего не оставалось, как сидеть и изучать моего будущего начальника. Это был очень молодо выглядевший человек, средней комплекции, с прямыми светлыми волосами. Трудно было поверить, что ему уже за сорок. Он носил очки в роговой оправе. Некоторое время Эббот продолжал читать свои бумаги, потом внезапно взглянул мне в глаза и недовольным голосом сказал:

— Мне говорили, что вы хотели бы работать в Таиланде.

Несколько озадаченный холодным приемом, я ответил:

— Да, это так, но, прежде чем принять окончательное решение, мне хотелось бы иметь представление о моей будущей работе.

Глядя на меня в упор, ровным, безразличным тоном Эббот обрисовал характер моей предполагаемой деятельности. По его словам, резидентура решила наладить более четкую связь с тайландской службой безопасности и ищет сотрудников, которым можно было бы поручить выполнение этой задачи. Эббот обратил внимание на мой послужной список, прежде всего на мою работу в Тайбэе, где я отвечал за контакты с разведывательными службами китайских националистов.

— Опыт работы, — заявил он, — дает вам основание претендовать на назначение в Таиланд.

Дополнительный набор сотрудников для работы в Таиланде был связан с событиями в соседнем Лаосе. В 1961—1962 годах была повторно созвана Женевская конференция по Лаосу, на которой было достигнуто соглашение о прекращении огня. Соединенные Штаты были серьезно обеспокоены тем, что в Лаосе к власти могло прийти нейтралистское правительство. Прозападно настроенный генерал Фуоми Носаван, получавший постоянную поддержку со стороны ЦРУ, по рекомендации управления нарушил соглашение о прекращении огня, направив свои войска в Нам Та. Этот район, расположенный всего в 15 милях от границы с Китаем, традиционно считался зоной, находящейся под контролем коммунистических сил Патет-Лао. Встретив отпор, отряды Но-

савана были вынуждены отступить и, перейдя реку Меконг, искать убежища в соседнем Таиланде.

США тут же обвинили Патет-Лао в нарушении соглашения. Воспользовавшись этими событиями, Совет национальной безопасности США заявил о кризисе в Лаосе, который на самом деле существовал только в воображении Вашингтона. Для защиты Таиланда от так называемой угрозы со стороны Патет-Лао Соединенные Штаты послали туда пять тысяч американских солдат. Составной частью мер, направленных на наращивание военного присутствия США в Таиланде, стало расширение резидентуры ЦРУ в этой стране. Ее сотрудники выполняли функции советников лаосской службы безопасности и лаосских сил, перед которыми стояла задача бороться с повстанцами. Мое назначение в Таиланд как раз было вызвано расширением операций управления в регионе. В 1962 году министр обороны Роберт Макнамара объявил о создании группы по оказанию военной помощи Таиланду. Так, присутствие в Таиланде американских войск из временного превратилось в постоянное.

На следующий день после беседы с Дэйвом Эбботом я поговорил с Нормой о предполагаемой поездке в Индокитай, познакомил ее с официальным правительственным документом, в котором излагались условия службы за рубежом. Затем я показал туристские справочники с фотографиями буддистских храмов и колоритных клонгов (каналов), по которым плавают огромное количество лодок. Несмотря на мой энтузиазм и рекламу, перспектива поездки в Таиланд сильно огорчила Норму, вызвала ее недовольство.

Через несколько дней мне сообщили, что мое назначение состоялось. Мы решили, что вначале я отправлюсь на новое место один, все устрою и лишь потом ко мне присоединится Норма с детьми. Хотя выдуманная мною история о том, почему я бросаю хорошее, надежное место в правительственном учреждении и уезжаю на неопределенный срок в экзотические заморские края, была довольно неуклюжей, наши соседи, кажется, в нее поверили.

Глава 6. СЕВЕРНЫЙ ТАИЛАНД. КАК МЫ СПАСАЛИ ГОРНЫЕ ПЛЕМЕНА

— Папа, кем ты работаешь? — спросила меня тринадцатилетняя дочь Пегги полгода спустя после того,

как мы обосновались в Северном Таиланде. Ей часто приходилось наблюдать мои внезапные отъезды и возвращения. Ее удивляло то, что мой кабинет с сейфом, картой и фотокамерами расположен прямо на квартире, что ко мне то и дело приходят для переговоров какие-то люди. И Пегги хотела знать, что все это означает.

Я невольно напрягся. Конечно, я понимал, что девочка рано или поздно задаст подобные вопросы, и боялся их. Раньше дети были слишком малы, чтобы о чем-либо догадываться, да и характер моей работы не носил такого секретного характера, поэтому мне удавалось отделываться шутками: «О, я просто перекладываю с места на место всякие бумажки». Однако теперь Пегги была гораздо настойчивее в своей любознательности, и я понял, что на этот раз подобный ответ ее не удовлетворит.

Норма же всегда считала, что детям надо говорить только правду, что взаимное доверие в семье гораздо важнее данной мною клятвы сохранять секреты ЦРУ. А первые дни пребывания в Таиланде еще больше укрепили ее в убеждении, что в жизни нет ничего важнее семейного благополучия.

Как мы решили, вначале я приехал в Таиланд один, чтобы подготовить на месте все необходимое для переезда семьи. Подыскав подходящее жилье, я написал Норме, чтобы она с детьми вылетала в Бангкок, где я ее встречу. Однако с арендой понравившегося мне дома ничего не вышло, и на следующий день я отправил жене другое письмо с просьбой задержаться. К сожалению, мое второе письмо не дошло. В свою очередь я не получил телеграмму Нормы, в которой она извещала меня о дате своего прибытия и номере рейса.

Совершив изнурительный шестнадцатичасовой перелет с четырьмя всю дорогу капризничавшими детьми, Норма обнаружила, что ее никто не встречает. Поскольку сотрудники ЦРУ не имеют служебных заграничных паспортов, таиландские власти не были предупреждены о ее прибытии. С трудом ей удалось уговорить таможенных служащих выдать вид на жительство, разрешающий двухнедельное пребывание в стране. Не зная ни слова по-тайски, она на такси кое-как добралась до гостиницы, плата за номер в которой оказалась такой высокой, что имевшихся у Нормы денег хватило лишь на один день проживания.

Тогда Норма направилась в американское посольство и попросила известить меня о ее приезде. Однако там никто ничего не знал о моем существовании и лишь после длительной перебранки удалось найти человека, который сообщил, что я выехал на север страны. Этот человек не мог объяснить ей, почему я не знаю о приезде семьи, но обещал немедленно известить меня об этом. Норме пришлось растолковать, что у нее кончились деньги, и, поскольку ей необходимо кормить четверых детей, она попросила выдать ей аванс в счет моего жалования. Оказалось, что бухгалтерия посольства не может выплатить ей никаких денег, так как все необходимые для этого документы находятся в ее северном отделе.

Ничто не может сравниться с решительностью и гневом Нормы, в который она впадает каждый раз, когда что-то угрожает ее потомству. Чтобы успокоить ее, знавший меня сотрудник посольства предложил ей дать денег взаймы, но Норма категорически отвергла такое решение вопроса. Она в ярости заявила, что сядет с четырьмя детьми перед входом в посольство и начнет просить милостыню. К счастью, до этого не дошло, поскольку в тот день я совершенно случайно приехал в Бангкок по делам и все прояснилось. Как нарочно, на следующий же день мне пришлось отправить Норму одну на север поездом, а самому на несколько дней задержаться в столице. Когда наконец я смог присоединиться к семье, меня ждал далеко не теплый прием. Норма пребывала в бешенстве, и мы никогда еще не были так близки к разводу.

— Если ты хочешь от нас избавиться, — заявила она, — лучше сразу отправь нас обратно в Штаты.

Норма рассказала мне, в каком положении оказалась по прибытии в Бангкок. В гостинице, где ей пришлось провести три дня, отсутствовал душ, в комнатах было полно moskitov, по стенам и потолкам ползали ящерицы, а по полу сновали огромные крысы. Кроме того, детям совершенно нечем было заняться.

Все это она расценила как проявление полнейшего безразличия управления к ее благополучию и благополучию ее детей. Я пытался петушиться, стараясь убедить ее в том, что интересы ЦРУ выше наших личных интересов, но к тому времени Норма окончательно разочаровалась в моей работе и все мои объяснения только приводили ее в страшный гнев. Она понимала, что моя вера

в ЦРУ еще не поколеблена и что ей не удастся убедить меня уйти в отставку, а потому требовала как минимум одного — не лгать детям. Норма не раз заявляла мне, что она сама и дети достаточно потерпелись от тех нелепых правил соблюдения секретности, которые были приняты в управлении, и что она не допустит, чтобы из-за этих правил в семье возникло взаимное недоверие.

И вот теперь наивные вопросы Пегги снова обострили ситуацию. Однако я верил во все, что мне внушали инструкторы, и был фанатично предан своей работе. Я не мог согласиться с требованием жены и считал, что не должен никому, даже своей дочери, рассказывать, чем занимаюсь.

— Папа, — сказала как-то Пегги, глядя на меня своими невинными глазами, — мне неловко перед друзьями. Все, кроме меня, знают, кем работают их папы.

Я чувствовал на себе вопросительный взгляд дочери. Что же мне делать? Если скажу ей правду, то нарушу данную мною клятву. Но фактически многие мои коллеги нарушали ее постоянно. На устраиваемых в управлении вечеринках сотрудники обычно так же свободно обсуждали секретные служебные дела, как если бы речь шла о погоде. Иногда мне начинало казаться, что я единственный, кто пунктуально следует установленным в ЦРУ правилам секретности. И тогда я спрашивал себя: неужели тем, что расскажу моим детям, где работаю, я нанесу вред ЦРУ или Соединенным Штатам? Посмотрев друг на друга, мы с Нормой, не сговариваясь, единодушно решили: настало время сказать правду.

Тяжело вздохнув, я сел рядом с дочерьми (сыновья были еще слишком малы, чтобы что-нибудь понять) и серьезным тоном, каким учат детей правильно переходить улицу, не ходить с незнакомыми людьми и не брать чужих вещей, начал объяснять им ситуацию:

— Девочки, я работаю в Центральном разведывательном управлении, которое обязано защищать нашу страну от тех, кто захочет нанести ей вред. Я не мог сказать вам этого раньше, потому что вы были маленькими и не смогли бы сохранить этот секрет от своих друзей. Вы должны обещать, что никогда и ни с кем не будете говорить о моей работе, кроме меня и мамы.

Обе дочери восприняли услышанную ими новость довольно спокойно. Они только посмотрели на меня и воскликнули: «Ах вот как!» Честно говоря, я ожидал совсем другой реакции. Возможно, они, как когда-то я

сам, плохо представляли себе, что такое ЦРУ и чем оно занимается. Много лет спустя, уже работая над этой книгой, я спросил дочерей, о чем они подумали, когда узнали, где я работаю. Джин заявила, что эта новость произвела на нее сильное впечатление. Наблюдая мои постоянные разъезды, она решила, что у меня трудная, но интересная работа. Ее друзья, которые тоже знали, что я никогда не сижу на месте, всячески пытались выяснить, кто такой ее отец. Джин угнетало то, что она не могла раскрыть им свой секрет.

Пегги тоже, оказывается, огорчалась, что не может открыть своим приятелям правду. Кроме того, ей было любопытно, чем же конкретно я занимаюсь во время своих бесконечных полетов в Северный Таиланд. Я обещал сказать ей это после того, как уйду в отставку, однако так и не сдержал своего обещания. К тому времени, как я ушел из ЦРУ, я уже полностью разочаровался в своей работе и мне не хотелось, чтобы дети каким-то образом разделяли со мной те отрицательные эмоции, которые выпали на мою долю.

Несколько лет спустя я поведал обо всем старшему сыну Скотту. Позднее Скотт признался, что на уроках, когда дети рассказывали о профессии своих отцов, он чувствовал себя в чем-то ущемленным. Ему приходилось говорить, что он не знает, чем я занимаюсь. После того как я объяснил сыну смысл своей работы, он, по его словам, стал с большим уважением относиться к моему странному, с его точки зрения, образу жизни. Но и тогда он не мог никому открыто сказать, что делает его отец, или хотя бы поделиться этой тайной с друзьями.

Младшему сыну Дэну о моей профессии сообщила Норма, когда ему исполнилось одиннадцать лет. Мы так тщательно избегали любых разговоров о моей работе, что эта новость не слишком его удивила. Он только поинтересовался, ношу ли я оружие.

«Полиция пограничного патрулирования (ППП) — таиландская полувоенная организация, ответственная за безопасность внешних границ Таиланда... Она состояла из хорошо вооруженных, мобильных отрядов, специально обученных вести борьбу с партизанами, собирать разведывательную информацию в пограничных районах, совершать боевые и разведывательные операции по ту сторону границы... При помощи сотрудников Центрального

разведывательного управления, выполнявших функции советников при ППП и полицейской воздушной разведке, Соединенные Штаты осуществляли почти полный контроль над подготовкой и боевыми операциями обеих этих организаций, которые фактически были не чем иным, как собственно американскими воинскими подразделениями»¹.

«Начиная с 60-х годов ППП выработала специальную программу развития для северных районов страны, населенных горными племенами. Очень скоро ППП стала единственной правительственной организацией, поддерживающей какие-либо контакты с жителями этого региона. Было построено и укомплектовано персоналом много школ, а также медпункты, образцово-показательные сельскохозяйственные станции и тому подобные объекты... Наряду с этой программой, известной под названием «Программа обеспечения безопасности в отдаленных районах», проводился набор добровольцев из числа представителей горных племен для службы во вспомогательных полицейских формированиях, так называемых «добровольческих отрядах по обеспечению безопасности в пограничной зоне». Как видно из официальных документов, вся та поддержка, которая оказывалась деятельности ППП со стороны Соединенных Штатов, осуществлялась через ЦРУ»².

Спустя некоторое время после приезда в Таиланд я решил превратить небольшую комнату в своем доме, предназначенную для прислуги, в рабочее помещение. Начал я с того, что прикрепил к деревянной стене крупномасштабную карту Северного Таиланда. Затем на дверку стенового шкафа повесил огромный плакат, на котором Мао Цзэдун и Хо Ши Мин были изображены в виде хищных, клыкастых злодеев с горящими глазами. По замыслу его авторов плакат должен был в наглядной, эмоциональной форме иллюстрировать так называемую

¹ Lobe T. United States National Security Policy and Aid to Thailand Police. University of Denver Graduate School of International Studies. Monograph Series in World Affairs. Vol. 14, 1977, p. 24.

² Blaufarb D. S. The Counterinsurgency Era. The Free Press, N.Y., 1977, p. 195.

теорию домино, в соответствии с которой коммунисты обвинялись в стремлении постепенно, поэтапно захватить всю Юго-Восточную Азию. В те годы я еще верил в эти измышления. Как и другие сотрудники управления, я видел в них обоснование необходимости нашей деятельности в Таиланде. Согласно этой теории мы находились там для того, чтобы защитить таиландцев от угрозы с севера, со стороны коммунистического монстра.

Та небольшая роль, которая отводилась мне в борьбе с этой угрозой, состояла в том, чтобы собирать разведывательные данные о коммунистической подрывной деятельности и в то же время обучать таиландские соединения, боровшиеся с повстанцами, методам ведения разведки. Мне довелось провести несколько занятий для таиландских офицеров, во время которых моим переводчиком был капитан Сонг (имя вымышленное). Он давно сотрудничал с американцами и прекрасно владел английским. Сонг стал моим хорошим другом и постоянным помощником. Впоследствии он и его друзья неоднократно бывали в моем доме.

Поскольку капитан Сонг возглавлял операции по борьбе с повстанцами, нам приходилось ежедневно решать какие-то общие дела. По характеру это был ярко выраженный индивидуалист. Он легко находил общий язык как с равными ему по положению, так и с подчиненными и в то же время терпеть не мог тех, кто пытался говорить с ним начальственным тоном. Ходили слухи, будто он был одним из отпрысков королевской семьи и это помогло ему получить звание капитана. Каждый день мы вместе просматривали разведывательные данные, поступающие из разбросанных повсюду опорных пунктов по борьбе с повстанцами. Поскольку в тот период никаких существенных событий не происходило, мы лишь изредка получали информацию, которая могла бы нас по-настоящему заинтересовать. В основном это были сведения о деятельности различных этнических групп — каренов, Шанской независимой армии, Красных отрядов племени лаху, жившего по обе стороны границы и добивавшегося независимости от Бирмы. Кроме того, мы должны были следить за возможным просачиванием в страну отрядов многочисленных горных племен приграничной зоны — хмонг, яо, лису и других.

Многие из этих племен, в прошлом проживавшие на территории Китая, постоянно мигрировали к югу. Их селения были расположены, как правило, высоко в горах

на высоте более трех тысяч футов. Поскольку они вели сельское хозяйство подсечным методом, вырубая леса, сжигая их остатки и вспахивая затем освобожденные от деревьев и кустарников земли, им приходилось все время перемещаться с места на место. Они сеяли рис, занимались птицеводством и скотоводством, но основной доход им давало выращивание мака, служившего сырьем для производства опиума.

Помимо сбора информации мне и еще одному сотруднику ЦРУ приходилось время от времени сопровождать тайландского начальника противоповстанческого отряда в его поездках на джипе на отдаленные заставы. В сезон дождей некоторые районы становились недоступными для автомобильного транспорта, и тогда мы использовали принадлежащие резидентуре самолеты, чтобы доставить его в желаемую точку. Согласно контракту с авиакомпанией «Эр Америкен» каждый месяц мы должны были эксплуатировать ее самолеты не меньше определенного количества часов.

Однажды нам прислали С-47 с указанием использовать его в служебных целях. Поскольку в это время никому из нас самолет не требовался (совершенно нетипичная для нас ситуация), я предложил его офицерам группы американских военных советников. Им это было очень кстати, и мы тут же вылетели в расположенное на лаосско-тайландской границе местечко Чьенг-Хонг, где находилась небольшая взлетно-посадочная полоса. Наш пилот не знал этого маршрута и никак не мог обнаружить нужный нам населенный пункт. После долгих часов полета мы неожиданно увидели под собой какой-то большой аэродром. Было решено немедленно повернуть назад. Вернувшись домой, мы рассчитали время полета, скорость и направление и поняли, что залетели на китайскую территорию. Об этом инциденте никто из нас своему руководству докладывать не стал.

Свою деятельность мне приходилось координировать с американским консулом Лэри Пикерингом. Это был вдумчивый и дисциплинированный дипломат. Он часто приглашал нас на официальные мероприятия, а я еженедельно консультировал его по вопросам разведки. Довольно долго я испытывал перед ним благоговейный трепет. Однако один случай помог мне понять, насколько ЦРУ более влиятельная организация, чем госдепартамент. Это произошло во время торжественной церемонии закладки нового университета.

В тот день к нам в сопровождении большого эскорта буддистских монахов, дипломатов высокого ранга, включая американского посла, высокопоставленных тайландских чиновников и членов королевской семьи приехал премьер-министр Таиланда Сарат Танарат. Вместе с нами, хотя и не в качестве официального гостя, прибыл резидент ЦРУ в Таиланде, которого я условно буду называть Родом Джонсоном. По долгу службы я встретил его в аэропорту и доставил к месту церемонии. В соответствии с нашим рангом нам полагалось занять места на открытой платформе, довольно далеко от огороженного канатами навеса, под которым расположились главные почетные гости. Был солнечный, невероятно жаркий день. После окончания церемонии высокопоставленные участники выстроились за премьер-министром, чтобы начать последнее песнопение. Когда торжественное шествие приблизилось к нашей платформе, Танарат заметил Рода, подал сигнал, чтобы все остановились, и пригласил резидента присоединиться к нему. В то время как гражданские и духовные сановники, члены королевской семьи обливались потом под безжалостными лучами солнца, премьер-министр долго уговаривал Рода отправиться вместе с ним в Дуа Су Теп — расположенное в горах курортное местечко с приятным прохладным климатом. Премьер-министр сообщил при этом, что американский посол, прознав о намечающейся поездке, выразил желание участвовать в ней. Поскольку премьер не особенно жаловал посла, то заинтересовался у Джонсона, не смог бы тот отговорить его от поездки. Род сказал, что это невозможно. Только когда беседа завершилась, окончательно разомлевшие высокопоставленные лица смогли направиться к ожидавшим их машинам.

Пикеринг намеревался сразу же после церемонии провести для посла в помещении консульства рабочий брифинг, в котором должен был принять участие и я. Час спустя после инцидента на торжественной закладке университета разъяренный, с красным от гнева лицом, посол ворвался в кабинет консула. Он не хотел слышать ни о каком брифинге. В ярости он направился в один из кабинетов и тут же сел писать донесение в Вашингтон. Судя по всему, часа через полтора после начала приема на горном курорте Сарат попросил посла оставить его наедине для приватной беседы с близким другом Родом Джонсоном.

Вся эта история наглядно показала характер отноше-

ций между резидентом и главой государства. Думаю, это объясняется прежде всего тем, что ЦРУ имеет возможность оказать реальную поддержку политическому деятелю, чья кандидатура на пост лидера страны получила одобрение управления. В данном случае Род Джонсон не только представлял могущественное Центральное разведывательное управление, но и по своей натуре как нельзя лучше подходил на эту роль. Этот высоченный, рыжеволосый, очень общительный человек умел непринужденно, по-товарищески похлопывать по спине всех, с кем бы ни встречался. Словом, это был настоящий экстраверт. Он умел избегать осложнений во взаимоотношениях с людьми и обладал настоящим талантом устанавливать близкие отношения с любым лидером. После смерти Сарата Танарата между ЦРУ и новым правительством Танома Киттикачона и Прапата Чарусатьена на какое-то время сложились несколько напряженные отношения. Хотя Прапат официально был только вторым человеком в правительстве, фактически вся реальная власть была сосредоточена именно в его руках. Роду Джонсону удалось быстро преодолеть временное недоразумение и наладить такие тесные отношения с Прапатам, что тайландский министр иностранных дел как-то пожаловался: ему трудно попасть на прием к Чарусатьену, поскольку тот все время занят с Джонсоном.

Джонсон любил рассказывать, как однажды ранним воскресным утром по заданию штаб-квартиры он приехал к Прапату. Поскольку его визит был неожиданным, тот вышел к нему в нижнем белье. Решив какие-то вопросы и немного выпив, оба почувствовали себя свободнее, и постепенно дружеское похлопывание перешло в настоящую борцовскую схватку. Очень скоро почти двухметровый Род стал побеждать маленького толстого Прапата, который своим аппетитом, поведением и даже внешним видом очень напоминал поросенка. Недаром тайландцы так его и прозвали. Это сильно рассердило тайландского лидера, и тогда резидент позволил положить себя на лопатки, решив, что дипломатия важнее, чем спортивный результат.

Боб Карсон, как и я, был направлен на север страны. Он отвечал за оснащение и физическую подготовку противоповстанческих сил. В то время когда я проходил на «ферме» подготовительный курс, Боб работал там инструктором, обучал нас методам выживания и борьбы, а также занимался с нами общефизической подготовкой.

Несмотря на то что ему было под пятьдесят, он находился в прекрасной спортивной форме.

Мы одновременно начали изучать тайский язык, и, хотя я не замечал за собой никаких особых лингвистических способностей, уже через несколько месяцев мог заказать себе в ресторане обед и обменяться любезностями с тайландцами. У Боба дело шло гораздо хуже. Каждый раз его попытка объяснить в ресторане, что он хочет, превращалась в мучение. Вместо того чтобы просто назвать понравившееся блюдо, он почему-то начинал повторять одну и ту же фразу, старательно произнося каждое слово: «Пом дтонг кханг» («Я хочу»), в то время как официант с нетерпением ожидал, когда же наконец он скажет, что ему угодно.

В целом же Боб был довольно приятным малым, и мы с ним прекрасно ладили. Наш коллектив был очень небольшим, и, если бы мы не научились терпимо относиться к мелким недостаткам друг друга, совместное проживание стало бы просто невыносимым.

Примерно месяцев шесть спустя после начала моей работы на севере страны я получил от заместителя начальника резидентуры Дэйва Эббота приглашение приехать к нему. В Бангкоке, прежде чем направиться к Эбботу, я побывал в своем «родном» отделе. Я сразу же почувствовал, насколько не любят Дэйва подчиненные за его постоянные придирки и критиканство. Каждый сотрудник торопился выдать мне порцию анекдотов о своем начальнике.

Один из моих друзей по имени Сэм пригласил меня в кафетерий позавтракать. Он рассказал мне, что большинство сотрудников отдела, где я работал (двое из них были моими непосредственными начальниками), в прошлом служили в инструкторском отделе штаб-квартиры ЦРУ. Эббот же почему-то имел зуб на инструкторов. Он постоянно придирался к моему начальнику Джону и в конце концов довел его до сердечного приступа. Наш доктор одно время даже хотел направить в Лэнгли рапорт о том, что Эббот не умеет обращаться с людьми, но Эббот и начальник резидентуры уговорили доктора не делать этого, ведь такой рапорт испортил бы карьеру Эбботу.

— Дэйв и Род — типичный для управления тандем начальника и его зама, — сказал мне Сэм. — То, в чем слаб один, компенсируется сильными сторонами другого. Дэйв занимается главным образом деталями работы. Это тип сержанта-держиморды, который следит за тем, чтобы

все было сделано вовремя. Джонсон играет роль хорошего парня. Он умеет улаживать тайландских лидеров. Каждого, с кем ему приходится встречаться, он приветствует словами: «Как поживаешь, старик?» Джонсон никогда никому не скажет резкого слова. Во всяком случае, в лицо.

Сэм предупредил меня, что Дэйв во время беседы, вероятно, будет придерживаться принятого им ритуала.

— Прежде чем пригласить тебя в кабинет, — сказал мой приятель, — он заставит тебя прождать полчаса в приемной. Затем сделает вид, будто читает важные бумаги, а ты будешь стоять, обливаясь от волнения потом, пока тебя не заметят. Наконец Дэйв поднимет глаза и спросит: «Что вы хотите?»

По словам Сэма, Эббот устраивал такой спектакль с каждым подчиненным, чтобы тот почувствовал себя не в своей тарелке.

После завтрака я отправился к заместителю главы резидентуры. К моему удивлению, тот сразу же меня принял. Приветствие его было довольно сердечным, при этом он вышел из-за стола мне навстречу. Вернувшись в свое кресло, он предложил мне сесть. Потом Дэйв стал расспрашивать, как идут дела на севере. Я воспользовался случаем и пожаловался на то, что мой старый джип все время выходит из строя и его ремонт обходится безумно дорого.

— Я немедленно займусь этим, — пообещал Эббот. — Если мне удастся заставить этих идиотов из инструкторского отдела как следует выполнять свои обязанности, у вас будет новая машина.

После этого заместитель начальника резидентуры заговорил о том, ради чего он, собственно, меня вызвал.

— Знаете, всех этих людей нам навязала наша штаб-квартира. Там они были инструкторами и потому понятия не имеют о настоящей оперативной работе. На их примере наглядно видно, что тот, кто учит чему-то других, сам ни на что не способен. Я должен иметь представление о том, что происходит на местах, иначе эти работнички валом ают дров. Расскажите мне доверительно о положении в отделе, где вы работаете.

Этот вопрос застал меня врасплох. Собравшись с мыслями, я, как мог, обозначил основные направления деятельности отдела. При этом я не стал упоминать об атмосфере недовольства и растерянности, которые, как мне показалось, там царили.

— Послушайте, Ральф, — прервал меня Дэйв. — Мне необходимо точно знать, что там происходит: кто что говорит, кто что делает. Я хочу, чтобы вы стали моими глазами и ушами.

К моему удивлению, Эббот начал высказывать нелестные вещи в адрес моих непосредственных начальников и требовать, чтобы я шпионил за ними. Меня охватил гнев. Я почувствовал растерянность. Что ему сказать? Как реагировать? Я постарался сделать вид, будто не понял, что от меня требуется. В течение некоторого времени мы обменивались ничего не значащими словами, после чего Дэйв в резком тоне закончил нашу беседу.

Позднее мне пришлось наблюдать, как поддавшиеся на вербовку сотрудники быстро занимали важные посты в резидентуре и неоднократно совершали внезапные поездки в оперативные группы на местах в целях ревизии их деятельности. Однако все это имело для них и отрицательную сторону. Запятнав себя такого рода «сотрудничеством» с начальством, они становились как бы мечеными людьми. Ни одно подразделение не хотело потом брать их на работу. Что касается лично меня, то, хотя я и сохранил свою репутацию, позднее мне это дорого обошлось. Через некоторое время я убедился, что Эббот никогда ничего не забывает и никогда не прощает тех, кто имел смелость отвергнуть его предложение.

Ранним ноябрьским утром 1963 года к нам зашла одна из подруг Нормы, чтобы сообщить печальную новость. Только что она услышала по радио, что президент Кеннеди убит. Все были ошеломлены. В наших глазах он был благородным идеалистом, призывавшим «не спрашивать, что ваша страна может сделать для вас, а спрашивать себя, что вы можете сделать для своей страны».

Таиландцы относились с обожанием к молодому президенту и его красавице жене. Во всех газетах появились их фотографии. Чету Кеннеди сравнивали с молодым королем и королевой Таиланда. В этот день я чувствовал, что все равно не смогу работать, и поэтому остался с семьей. Мы были расстроены, растеряны, испытывали гнев к убийцам. Чтобы чем-то занять себя, я решил починить дырявую шину велосипеда Скотта. Зайдя в ближайший магазин, я снял с полки насос и спросил, сколько он стоит. «Пять центов», — ответил продавец. Посмотрев на него с недоверием, я прочел в его глазах выраже-

ние сочувствия. Я был искренне благодарен ему за стремление смягчить мое горе.

Через год после моего приезда в Таиланд мне поручили наблюдать за выполнением программы, осуществляемой среди горных племен таиландской организацией, ответственной за борьбу с повстанческим движением. Цель программы состояла в том, чтобы установить более тесные отношения с этими племенами и попытаться сделать их менее восприимчивыми к коммунистической пропаганде. В программу входило также обучение молодых людей основам медицины и обеспечение их лекарствами. Предусматривалось ознакомление крестьян с современными методами ведения сельского хозяйства, оказание им помощи в выращивании в качестве товарной продукции не только опиумного мака, но и других культур. Предполагалось предоставить жителям деревень породистых кабанов и петухов, чтобы улучшить продуктивность свиноводства и птицеводства. В качестве первого шага к выполнению программы необходимо было убедить крестьян помочь нам построить в горах небольшие взлетные полосы, чтобы обеспечить доставку всего необходимого в труднодоступные деревни. Разумеется, это одновременно облегчало и быструю переброску туда войск.

С американской стороны за осуществление этой программы отвечал Боб Карсон. Что касается меня, то забота о реализации программы не входила в мои прямые обязанности и я продолжал заниматься в основном сбором разведывательных данных. В то же время меня попросили сопровождать противоповстанческие отряды во время их рейдов по горным районам. Вот тут-то я и обнаружил, что ЦРУ готово пожертвовать сбором разведывательных данных во имя достижения конкретных политических целей. Таким образом, я впервые воочию убедился, что для управления политика важнее, чем разведка.

Готовясь к первой поездке, я прежде всего обзавелся сапогами, рабочим обмундированием и рюкзаком. Чтобы проверить свою экипировку, я решил вместе со Скоттом совершить восхождение на ближайшую гору Дуа Су Теп. После того как мы с трудом преодолели многомильный маршрут, включая более ста крутых ступеней к находившемуся на вершине горы храму, я почувствовал, что натер себе ноги, однако упорно продолжал путь. Когда мы вернулись домой, я обнаружил, что мои ноги превратились в кровавое месиво. Поскольку через две недели мне пред-

стояли длительные походы в горах, я постарался приучить себя ходить в резиновых шлепанцах. Любая другая обувь моментально стирала ноги в кровь.

В назначенный день я вылетел в маленькую тайскую деревушку на границе с Лаосом, где меня уже поджидали группа в десять человек из противоповстанческого отряда и караван пони. Почти все тайцы взвалили свои рюкзаки на животных, только я, супермен, заявил, что понесу рюкзак сам.

Так и полез я в горы — обутый в предназначенные для душа шлепанцы с пятидесятифунтовым рюкзаком за плечами. Был самый разгар муссонных дождей. Вскоре мы вышли к реке, превратившейся после непрерывных дождей в бурный поток. Перебросив на другую сторону канат, мы начали осторожно переправлять пони и все наше снаряжение. Держась за канат, я осторожно вошел в реку. С ревом несущаяся вода, которая доходила мне до груди, ударила по тяжелому рюкзаку и сбила меня с ног. Беспрерывно спотыкаясь и падая, я медленно продвигался вперед. Наконец мне удалось ухватиться за свисавшие к самой воде ветки деревьев и выбраться на противоположный берег. Решив, что с меня довольно, я отжал намокшую одежду, надел запасную пару шлепанцев и с облегчением взвалил рюкзак на пони.

Дорога поднималась все круче вверх. Казалось, мы никогда не дойдем до места. Когда наша группа переходила мелкий, медленно текущий ручей, мне в ноги впелись пиявки. По неопытности я начал быстро отрывать их от кожи. А надо было, как выяснилось, просто прижечь их сигаретой, и тогда бы они тут же отвалились. Если же их отрывать, проклятые гадины выпускают какую-то сыворотку, которая разжижает кровь, и еще крепче впиваются в свою жертву. В результате в коже образуются маленькие дырочки, которые долго не заживают и кровоточат. Крови было так много, что в конце концов мои шлепанцы стали скользкими и не держались на ногах. Остаток пути я проделал босиком.

Мы шли через непроходимые джунгли. По пути нам все время попадались самые различные их обитатели, в том числе и большие полупрозрачные змеи с ярко-красными глазами. Во второй половине дня какие-то неуловимые признаки подсказали мне, что деревня где-то рядом. Руководитель группы предложил остановиться на ночлег, однако, поскольку на следующее утро нам должны были сбросить с самолета запас продуктов и снаряжения, я на-

чал уговаривать всех продолжить путь. Мне как-то не хотелось радировать на базу о том, что мы не сумели выдержать график и дойти до места назначения. На своем примитивном тайском языке я старался убедить руководителя, старшего сержанта по званию, не останавливаться. И без того недовольный тем, что в группе присутствует американец, сержант сердито возражал, но в конце концов мне удалось настоять на своем.

Мы медленно продвигались по тропе, которая, извиваясь серпантинном, поднималась все выше в горы. Внезапно группа вышла на хотя и крутую, но совершенно прямую дорогу, и я решил, что деревня совсем близко. Оказалось, я ошибался. Теперь мы уже не столько шли, сколько карабкались вверх, с трудом продираясь сквозь заросли по самому краю пропасти. Было уже почти темно, когда наша группа наконец вышла к деревне. Все были измучены и втихомолку проклинали меня за упрямство. Отдав распоряжения относительно ожидавшегося утром самолета, я вынул спальный мешок, разложил его на полу какой-то хижины и залез внутрь.

Самолет компании «Эр Америкен» прилетел точно в назначенное время и сбросил груз в окружавший селение лес. Чтобы добраться до него, нам пришлось срубить пару здоровенных деревьев. На завтрак нас ждали яйца, перец и молодые побеги бамбука. Не знаю, кто учил нашего повара искусству кулинарии, но чем дальше, тем хуже он нас кормил. В конце концов еда стала совершенно неприемлемой. Обычно она состояла из побегов бамбука, которые повар собирал по пути, и маленьких, невыносимо острых стручков зеленого перца, которые тайцы добавляют в любое блюдо. За три недели я умудрился потерять двадцать фунтов и по завершении нашей экспедиции весил столько, сколько весил во время учебы в средней школе.

Позавтракав и отдохнув, я начал знакомиться с деревней племени яо. Впервые мне пришлось наблюдать жизнь почти первобытного общества. На сравнительно ровных участках горы на различном расстоянии друг от друга стояли несколько десятков бамбуковых хижин с тростниковыми крышами. Повсюду совершенно свободно ходил скот, копошились куры. Свиньи больше походили на диких кабанов, чем на домашних животных. От одной хижины к другой вели узкие тропинки, протоптанные людьми и животными. Вода подавалась в дома по системе подвешенных к деревьям бамбуковых труб. Окружав-

шне селению поля были ярко расцвечены красноватыми бутонами опиумного мака — основной сельскохозяйственной культурой для этой и большинства других деревень. Чтобы не создавать для себя лишних проблем, мы делали вид, что не замечаем опиумных посевов. Нам необходимо было завоевать расположение местных жителей. Другая причина нашей «слепоты» состояла в том, что, как нам говорили, противоповстанческие отряды получают определенную мзду от выращивания опиумного сырья.

По своему внешнему виду жители деревни напоминали китайцев, хотя были поменьше ростом. Мужчины носили одежду как западного, так и национального покроя. Главным предметом их туалета были черные пижамы. На женщинах были надеты похожие на жакеты блузы, сшитые из толстой шерстяной ткани красного цвета, и широкие темные брюки с вышитым фантастическим орнаментом. Их головы украшали необыкновенно яркие, красочные тюрбаны. По праздникам они надевали на шею тяжелые серебряные ошейники, в уши вставляли серьги, а спереди и сбоку блузы пришивали серебряные монеты и пуговицы.

Пообедав все теми же побегими бамбука, перцем и колбасным фаршем, я решил отдохнуть, чтобы окончательно оправиться от долгого пути. Мне выделили место в главном строении деревни на бамбуковой платформе, возвышавшейся над полом. Это была довольно длинная прямоугольная площадка, огороженная бамбуковой занавеской, позволявшей хоть как-то уединиться. Как только я улегся, воздух наполнился тяжелым сладковатым запахом дыма — перед послеобеденным отдыхом мужчины закурили свои опиумные трубки.

Вечером деревенский староста дал в нашу честь «банкет». Староста был мягким, интеллигентного вида человеком лет сорока пяти. По местным понятиям он считался пожилым. Все расселись на полу перед низким квадратным столиком, сделанным из бамбуковых трубок. Руководитель нашей группы, воспользовавшись случаем, объяснил старосте цель нашей экспедиции и представил каждого из нас. Поскольку из-за вчерашней перепалки по поводу того, надо или не надо продолжать путь, мы с руководителем почти не разговаривали, меня он назвал последним и как бы между прочим. Староста выразил согласие со всеми нашими планами и обещал направить несколько молодых людей в Мае-Рим, где размещалась штаб-квартира противоповстанческих сил, для прохождения воен-

ной подготовки. Мы договорились также на следующее утро подобрать подходящее для взлетно-посадочной полосы место. Было решено, как только станет возможно, начать с помощью доставленных самолетом орудий труда строительство ВПП.

Нас угощали китайскими блюдами. Каждому была предложена чашка риса. Посередине стола стояло огромное блюдо с мясом и овощами. Участники трапезы специальными палочками для еды вылавливали оттуда кусочки и отправляли себе в рот. Облюбовав один из них, я уже собирался поддеть его своей палочкой, как вдруг мой сосед, таиландец, толкнув меня локтем, шепотом сообщил, что этот с виду такой привлекательный кусочек состоит из червей. Моя палочка, сделав зигзаг, тут же уткнулась в более знакомое мне кушанье из перца и бамбуковых побегов.

В течение нескольких последующих дней мы были заняты тем, что расчищали и выравнивали участок, предназначенный для взлетно-посадочной полосы. Наш врач взялся лечить одного ребенка, предложив его матери необходимые антибиотики. Та рассудила, что если ему стало лучше от одной таблетки, то целый пузырек вылечит больного еще быстрее. Всю ночь мы молили бога, чтобы ребенок не отправился на тот свет. К счастью, к утру ему стало легче и он пошел на поправку.

В деревне мы прожили четыре дня. За это время группа успела сделать все необходимое для подготовки будущей взлетно-посадочной полосы, а также для выполнения других пунктов программы и двинулась дальше, к следующему населенному пункту, лежавшему на нашем пути. Три недели спустя группа вышла из района гор, но уже на расстоянии многих миль от того места, где начался маршрут. Ни одна из последующих групп не смогла добиться таких блестящих результатов, как наша. Мы построили сами или подготовили все необходимое для строительства взлетно-посадочных полос в ряде деревень, выбрали требуемое число кандидатов для прохождения военной подготовки, подружились с жителями деревень — одним словом, сделали все, что от нас требовалось. Я с полным правом гордился проделанной работой, хотя с радостью возвращался к прежней, пусть даже более прозаичной, деятельности.

Мне очень хотелось остаться еще на год в этой прекрасной стране, но другим сотрудникам управления тоже не терпелось попробовать свои силы на оперативной ра-

боте. Дэйв Эббот, не простивший моего отказа сделаться его осведомителем, категорически отверг просьбу руководства противоповстанческих сил не присылать мне замену.

В день отъезда в мою честь был устроен настоящий военный парад. Мне страшно не хотелось уезжать. Я по-настоящему полюбил тайцев, особенно тех, с кем мне пришлось работать. В то время я и не подозревал, что вся моя деятельность в конечном счете направлена на осуществление плана Совета национальной безопасности, в соответствии с которым по всему свету создавались военнизированные соединения ЦРУ. Я все еще был настолько наивен, что верил, будто главной задачей управления является сбор разведывательной информации. Я покидал Северный Таиланд одновременно с чувством грусти и гордости, огромной гордости за себя, за ЦРУ, за ту большую и важную работу, которую оно ведет.

Позднее эта гордость переплавилась в горечь и гнев. Много лет спустя мне довелось узнать о судьбе тех горных племен, у которых побывала группа и которым мы пытались помочь. Оказалось, что, поскольку влияние коммунистов в пограничных районах продолжало нарастать, тайландские воинские части подвергли эти деревни артиллерийскому обстрелу, бомбежке, использовали против мирных жителей напалм. По-видимому, все, что проделала наша экспедиция, в какой-то степени способствовало трагическому уничтожению горных племен.

Глава 7. ШТАБ-КВАРТИРА ЦРУ. КАК ОДУРАЧИВАЮТ КОНГРЕСС США

В середине 1964 года я вместе с семьей вернулся в тот дом, который три года назад приобрел в местечке Херндон, штат Виргиния. Снова я работал в Лэнгли, в штаб-квартире управления. На этот раз меня направили в тайландский сектор, где я должен был следить за ходом выполнения тех самых программ, которыми еще недавно сам занимался в Таиланде. Моя новая работа была чисто бумажной, и очень скоро я затосковал по живому делу. Кстати говоря, эту тоску разделяли большинство сотрудников ЦРУ.

Наряду с прочими моими обязанностями я должен был давать оценку поступавшим с мест отчетам, в большинстве из которых сообщалось о деятельности Компартии Таиланда. Хотя мне самому во время работы на севере страны приходилось заниматься этой проблемой, я

фактически ничего не знал о тайских коммунистах. Каждый вновь присланный отчет я сравнивал с прежними, хранившимися в архивах управления, и если не обнаруживал в новом особых отклонений, то давал ему высокую оценку, сопровождая ее такими, например, безобидными замечаниями: «Данное сообщение подтверждает прежние оценки деятельности Коммунистической партии Таиланда. Желательно получение дополнительных данных о размахе этого движения, особенно в ключевом северо-восточном районе».

Начальник сектора сразу же предупредил меня, что если я хочу еще раз поехать в Таиланд, то не должен слишком критично оценивать отчеты местной резидентуры. У начальников резидентур ЦРУ на местах прекрасная память, и они не любят тех, кто усердно критикует деятельность руководимых ими подразделений. Мне было сказано, что, если я не безразличен к карьере, следует давать большинству отчетов хорошую оценку, «если, разумеется, вы не убеждены в обратном». Последняя фраза звучала скорее не как совет, а как угроза.

Раз в неделю начальник Дальневосточного отдела Уильям Колби, будущий директор ЦРУ, вместе с начальниками секторов просматривал все отчеты и знакомился с оценками и заключениями, сделанными сотрудниками, ведущими отдельные страны. Как правило, он соглашался со всеми нашими выводами. Если у него и были какие-то замечания, то они чаще всего носили весьма банальный характер. Вскоре я понял, что не мне, маленькому человеку в управлении, менять принятые правила игры. Раз так надо, пусть так и будет. Кроме того, говорил я себе, ты не видишь на твоём уровне общей картины. Недаром нам так часто твердят: для того чтобы оценить правильность существующих в управлении порядков, необходимо иметь достаточно широкий профессиональный кругозор.

После каждого совещания у начальника отдела мы, сотрудники секторов, должны были готовить заключения для резидентур, в которых говорилось обо всех замечаниях, сделанных в адрес поступивших с мест отчетов. Там эти замечания воспринимались со всей серьезностью, в каждом слове искали скрытый смысл. Поскольку оценки давались не от имени выставлявших их сотрудников, а от имени штаб-квартиры ЦРУ, они производили впечатление весьма авторитетного, выполненного со знанием дела анализа.

Однажды вместе с другими сотрудниками из тайландского и лаосского секторов я был приглашен на совещание в кабинет Колби. Мне страшно льстило, что я приму участие в совещании, проводимом самим начальником отдела. Мы должны были вооружить его информацией, необходимой ему для намечавшегося выступления перед одним из комитетов конгресса. Речь шла о деятельности ЦРУ в Лаосе и о наших планах на будущее в этой стране. Разъясняя нам нашу задачу, Колби подчеркнул важность предстоящего ему выступления. Мне и моим коллегам было дано целых три недели для подготовки необходимых материалов.

Колби — человек неброской внешности, с мягкими манерами. В толпе вы ни за что не обратили бы на него внимания. У него гладкие, прямые, местами седоватые волосы. Обычно он носил очки в толстой оправе. Разговаривая с сотрудником, Колби полностью переключал свое внимание на собеседника, отвечая на каждое его слово понимающим, сочувственным взглядом. Его манеры, отношение к людям вызывали к нему доверие и расположение. По-моему, это была одна из причин его успешной карьеры в управлении. За годы совместной работы мне приходилось не раз видеть его говорящим неправду и ни разу на его лице не возникало даже тени смущения. Он всегда выглядел человеком совершенно честным, человеком, которому можно верить. Замечательный талант!

Инструктируя нас, Колби подчеркнул, как важно найти нужные слова, отобрать подходящие карты, чтобы произвести на конгресс желаемое впечатление. Для него речь была одним из видов искусства, которым он владел, надо признать, мастерски. Колби объяснил, что управление уже в течение нескольких лет ведет работу в Лаосе среди горного племени хмонг (кстати, именно туда был направлен мой старый приятель по курсу полувоенной подготовки Джимми Мо). Теперь необходимо было увеличить число вооруженных отрядов этого племени, ведущих борьбу с коммунистическими силами Патет-Лао.

Чтобы убедить в этом конгресс, надо было произвести на него должное впечатление, заставить его поверить в то, что положение в Лаосе крайне серьезное, но все еще можно спасти, если прилагать больше усилий. От нас требовалось подготовить такую карту военных действий, на которой соотношение сил коммунистов, правительственных войск и отрядов племени хмонг было бы дано в определенном балансе, то есть показывало бы существование

серьезной угрозы со стороны красных, но в то же время свидетельствовало бы о том, что в целом положение вовсе не безнадежное. Фактическая сторона дела Колби мало интересовала. Зато, когда один из недогадливых сотрудников обозначил на карте правительственные войска и отряды хмонг красным цветом, он потребовал ее переделать. Такая вольность была совершенно недопустима. Красным следовало изображать только силы коммунистов.

В эти годы ЦРУ имело в Лаосе около двадцати пяти вооруженных и обученных отрядов хмонг. По своей численности каждый из них не превышал обычного взвода. В то же время управление хотело получить ассигнования, необходимые для содержания ста таких отрядов. Как же Колби собирался убедить конгресс в том, что он контролирует деятельность ста отрядов, когда их на самом деле было не больше двадцати пяти? Проблему решили очень просто. Всех имевшихся бойцов распределили по ста отрядам. Разумеется, на бумаге. Неважно, что в каждом из таких отрядов оказалось всего по несколько человек. Колби не собирался объяснять конгрессменам причину такого мгновенного превращения двадцати пяти боевых единиц в сто, не говоря о том, что многие из солдат этих отрядов не имели никакой военной подготовки, что среди них было немало подростков. Представленный нами материал должен был доказать существование крупных сил, находящихся в состоянии боевой готовности и способных выполнить любое задание, убедить конгресс в том, что необходимо одно — его санкция на выделение соответствующих ассигнований. В Лэнгли рассуждали так: если конгресс одобрит нашу программу, мы немедленно доведем численность наших сил в Лаосе до заявленного нами уровня. Ради этого стоит добавить в наш отчет некоторые, пусть даже несуществующие, детали. Вот так и получилось, что на бумаге отряды хмонг стали выглядеть как небольшая армия.

Среди сотрудников отдела разгорелась целая дискуссия по поводу того, как назвать эту несуществующую армию. Меньше всего мы думали, как отразить в названии ту реальную роль, которую эти отряды исполняют. Главное, чтобы оно вызвало у конгрессменов нужные эмоции. Название «отряды охотников-убийц» было отвергнуто, потому что создавало образ агрессивной организации, занимающейся уничтожением людей. Названия «отряды защиты родного дома» или «отряды самообороны» и им подобные не прошли, потому что в них звучала какая-

то пассивность. В конце концов было решено назвать отряды «мобильными ударными силами». В таком названии превосходно сочетались идеи обороны и наступления, да и выражена эта идея была мастерски. Одобрив предложенное нами название и заставив нас неоднократно переделывать карты и схемы, Колби наконец решил, что готов к встрече с членами комитета конгресса. Его доклад был одобрен, и мы начали осуществление нашей программы. Иллюзия постепенно превращалась в реальность.

Этот случай впервые дал мне возможность убедиться, как ЦРУ определяет американскую политику. Это был наглядный пример того, как наше руководство заранее решает политические вопросы, а уже потом при помощи разведывательных органов организует общественную поддержку принятому решению, то есть поступает не так, как положено, а совсем в другой последовательности. Но дело было даже не в последовательности, а в том, что мы с помощью мистификации обманули конгресс, доверчиво проглотивший и крючок, и леску, и даже грузило.

В те годы я воспринимал все это как совершенно нормальное явление. У меня не возникло ни малейших сомнений относительно правомерности подобных действий. В конце концов, думал я, мы ведем смертельную борьбу с ордами коммунистов и, если не нанесем им поражение в Лаосе, волна агрессии докатится до берегов Америки. Мне казалось, что вовсе не грех немного приукрасить общую картину и тем самым создать желаемое впечатление, что это не такая уж большая цена за сохранение наших свобод. Тогда я еще не понимал, к каким катастрофическим последствиям может привести подобная практика.

Случай с Лаосом был лишь одним из многочисленных примеров того, как ЦРУ обманывало американский конгресс. Другой такого же рода случай описан работавшим в резидентуре ЦРУ во Вьетнаме Фрэнком Снэппом, который он приводит в своей книге «Приличный интервал»¹. По словам автора, большую часть времени он был занят тем, что информировал приезжавших во Вьетнам конгрессменов об обстановке в стране. Все свои брифинги он строил в соответствии с указаниями начальника резидентуры. Главное было произвести на законодателей нужное впечатление, поэтому использовались лишь те факты, которые отвечали поставленной цели.

ЦРУ совершенно не волновала деятельность всевозможных комитетов конгресса, занимавшихся расследова-

¹ Snapp F. Decent Interval. Random House, N.Y., 1977.

нием работы управления. Каждый раз оно предпринимало меры, необходимые для того, чтобы такие расследования давали нужные результаты. Те сотрудники управления, которые не справлялись с этой задачей, дорого платили за свою оплошность. Характерным в этом отношении является случай с одной восходящей звездой оперативного управления. Отчитываясь перед комитетом конгресса о деятельности ЦРУ в Лаосе, он позволил себе выйти за предписанные ему руководством рамки. Не прошло и недели, как ему пришлось «добровольно» раньше срока уйти в отставку.

Усиление политической борьбы во Вьетнаме привело к тому, что эта война постепенно превратилась в острейший международный конфликт. Как и многие мои коллеги, я свято верил в то, что необходимо нанести сокрушительное поражение вьетнамским коммунистам, чтобы раз и навсегда прекратить рост этой раковой опухоли. Я полагал, что достаточно приложить побольше усилий — и Северный Вьетнам откажется от своей подрывной деятельности.

В середине 1964 года было объявлено о том, что Джонсон собирается сделать важное заявление об американской политике во Вьетнаме. 28 июля вместе с группой сотрудников мы собрались в нашем клубе, чтобы посмотреть по телевидению выступление президента. Поглощая сэндвичи с запеченной пастромой и запивая их холодным пивом, мы слушали речь лидера Соединенных Штатов. Помню, как, слушая президента, я буквально молил бога, чтобы глава нашего государства заявил об отправке дополнительных контингентов для борьбы с северовьетнамцами. И действительно, Джонсон сообщил телезрителям о том, что в самое ближайшее время численность американских войск во Вьетнаме увеличится с 75 до 125 тысяч человек. В то же время он подчеркнул, что не видит никакой необходимости призывать на действительную службу резервистов. Цель заявления президента была двойной: объявить миру о новых военных усилиях США и одновременно подчеркнуть желание Америки решить конфликт мирным путем с помощью переговоров. «Мы не хотим расширять военные действия, которые могут привести к непредсказуемым последствиям, — заявил Джонсон. — Мы никому не угрожаем и никого не запугиваем. Мы не собираемся злоупотреблять силой, но мы и не отступим»¹.

¹ The New York Times, July 29, 1965.

С горечью в голосе американский президент объяснил телезрителям, что Соединенные Штаты оказались втянутыми во вьетнамский конфликт лишь потому, что в свое время «мы заплатили страшно высокую цену за урок, который нам преподавал Гитлер. Мы твердо усвоили, что отступление не гарантирует безопасности, что слабый никогда не добьется мира, что успех агрессора только подготавливает его аппетит»¹.

«Мы должны держать данное нами слово, — продолжал Джонсон, — и выполнять взятые на себя обязательства. Если мы оставим в беде тех, кто верит в нас, кто надеется на нас, они станут жертвами террора и угнетения»².

Итак, Соединенные Штаты продолжают борьбу до победы. Мы бросились поздравлять друг друга и наших коллег за соседними столиками. Теперь мы покажем коммунистам, что с Америкой шутки плохи.

Я чувствовал, что не могу спокойно сидеть за письменным столом, когда вокруг происходят такие важные события, тем более что 3 декабря 1964 года подпольная радиостанция «Голос народа Таиланда» объявила о начале революции в стране. Поскольку радиостанция и Таиландское движение за независимость, рупором которого она являлась, существовали благодаря активной поддержке Китая, призыв к революции насторожил как тайландские власти, так и Центральное разведывательное управление. В последовавшие за этим шесть месяцев активность повстанцев резко возросла, увеличилось число столкновений между повстанческими и правительственными войсками. Особенно обострилось положение в ключевом северо-восточном районе, примыкающем к Лаосу.

Я обратился к направлявшемуся в кратковременную командировку в Таиланд начальнику сектора с просьбой уговорить начальника резидентуры, и прежде всего его заместителя Дэйва Эббота, дать согласие на мой перевод в страну. При этом я сослался на свои знания тайского языка, умение ладить с тайландскими официальными лицами, знание всех тех программ, над осуществлением которых работала наша резидентура, а также на мой послужной список в целом и достигнутые мной успехи во время работы на севере страны в частности. Я надеялся, что при возросшей активности повстанцев, а следовательно

¹ The New York Times, July 29, 1965.

² Там же.

но, и при необходимости в дополнительных кадрах Эбботу будет трудно отказать в моей просьбе.

Возвратившись в Лэнгли, шеф сообщил, что мое назначение в Таиланд состоится в ближайшее время. Какая великолепная новость! Я поспешил обрадовать свою семью, но жена и дети почему-то приняли это известие сдержанно.

Глава 8. В ПОИСКАХ КРАСНЫХ

В сентябре 1964 года я приступил к работе в Бангкоке. В те годы Таиланд формально считался конституционной монархией. На деле же это была военная диктатура. Реальная власть находилась в руках премьер-министра Танома Киттикачона и фактического главы правительства заместителя премьер-министра Прапага Чарусатъена, лидера военного истеблишмента. Король Бхумибол и королева Сирикхит являлись своего рода символом нации, однако редко вмешивались в дела военных. В стране существовал парламент, который никак нельзя было считать самостоятельным общественным институтом, поскольку все его функции сводились к тому, чтобы одобрять принятые правительством решения.

Резидентура ЦРУ, возглавляемая энергичным Родом Джонсоном, совместно с различными тайландскими правительственными ведомствами осуществляла многочисленные операции, направленные против коммунистических сил. Поскольку мне не разрешили рассказать об этих операциях, я использую материалы из книги Дугласа Блауфарба «Противоповстанческая эпоха»:

«В Таиланде сбором информации о масштабах повстанческого движения, его течениях, вооружении и тактике действий занимались полиция пограничного патрулирования (ППП), провинциальная полиция и особый отдел. (Последний считается одной из ведущих разведывательных служб тайландской полиции, но его действия ограничиваются главным образом Бангкоком и прилегающими к нему районами. Правда, одно небольшое подразделение отдела отвечало за сбор разведанных на местах.) ...Все эти организации располагали огромным количеством первичной информации. Но чтобы эти сведения могли принести какую-то пользу, их необходимо было профессионально обработать. Эту функцию выполняли специальные центры, подчинявшиеся командованию по подавлению коммунистических операций, в за-

дачу которого входило планирование и проведение акций подавления в общенациональном масштабе... Таиландские власти стремились создать такой механизм, который бы координировал действия гражданских органов, полиции и военных учреждений, служил бы связующим звеном между столицей, провинциями и, наконец, районами непосредственных боевых действий. Повсюду, где отмечалась активность коммунистов, были организованы так называемые центры подавления. В отдельных провинциях были созданы также специальные разведслужбы, которые должны были обобщать все разведывательные данные, поступающие от различных служб.

В официальных публикациях вы не найдете сведений об участии американцев во всей этой работе по активизации и повышению эффективности деятельности тайландских разведывательных органов. Однако ясно, что этим занималось именно ЦРУ»¹.

Вскоре после прибытия в Таиланд я получил указание явиться к заместителю начальника резидентуры Дэйву Эбботу. На этот раз мне пришлось познакомиться со всем набором его кривляний. Хотя я прибыл точно в назначенное время, меня заставили ждать в приемной более получаса. Потом я был вынужден стоять в его кабинете, пока Дэйв не оторвался от своих бумаг и не обратил на меня внимание. Его детское телосложение, совиные глазки, выглядывающие из-под толстых стекол, вся его грушеобразная фигура внешне казались безобидными, но я знал, что надо быть начеку. Эббот долго смотрел на меня и наконец сказал:

— Итак, вы снова заявились сюда.

Собираясь приехать в Таиланд на второй срок, я надеялся, что на этот раз буду заниматься чем-то совершенно новым. Но Дэйв явно не простил мне того, что когда-то я отказался быть его осведомителем. Я постарался сделать вид, будто не замечаю недовольства в красноречивых взглядах, которые он бросал на меня.

— Да, потому что знаю, что могу быть здесь полезным, — ответил я Дэйву. — Я знаю немного тайский язык. Работа в тайландском секторе штаб-квартиры поможет мне правильно ориентироваться в указаниях центра. Думаю, вы не разочаруетесь во мне.

Я действительно чувствовал себя очень уверенно. Так чувствует себя спортсмен, находящийся в пике спортив-

¹ Blaufarb D. S. The Counterinsurgency Era, p. 196, 183, 197.

ной формы. У меня хорошо развились аналитические способности. Я научился ладить с тайцами и рвался принять участие в антикоммунистическом «крестовом походе». Для меня Дэйв и стиль его работы казались отклонением от общепринятых в управлении норм. Приходилось бояться его, но в общем-то он скорее заслуживал жалости. Его злость и все его трюки свидетельствовали о том, что он был не уверен в себе и в своем положении. Я считал, что моя работа будет говорить сама за себя и мне нечего бояться интриг Эббота.

— Вам предстоит работать с Джейсоном (имя вымышленное), — заявил Дэйв. — Я заверил его, что, если вы будете доставлять ему много хлопот, вас переведут в другое место.

Что ни говори, Эббот был моим начальником. Все мое будущее и особенно результаты моей деятельности здесь, в Таиланде, полностью зависели от него. Резко махнув рукой, он дал мне понять, что разговор окончен.

Мое новое назначение меня вполне удовлетворяло, хотя я знал, что Джейсон один из главных осведомителей Дэйва. Мой новый коллега оказался довольно приятным человеком, правда темного замкнутым. В то время он выполнял обязанности главного офицера связи при тайландском правительственном ведомстве, руководившем борьбой с повстанцами. Я назначался его помощником. Само слово «связь» не совсем точно выражает характер взаимоотношений между ЦРУ и этим ведомством. Дело в том, что фактически именно ЦРУ создало противоповстанческие отряды, вооружило и обучило их, помогло легализовать их существование, планировало всю их деятельность. Штаб-квартира ведомства располагалась в Бангкоке, его отделения — во всех провинциях. Функции ведомства в какой-то степени были схожи с функциями американского ФБР, но одной из главных его задач был сбор информации о деятельности коммунистов. Однако, как это часто случалось с созданными ЦРУ службами, ведомство постепенно превратилось в правительственную тайную полицию.

Наши с Джейсоном рабочие места находились в закрытом для посторонних помещении ведомства, которое дальше я буду называть «ФБР». Джейсон контролировал работу его штаб-квартиры и отделений в ключевых северо-восточных провинциях, где компартия была наиболее активной. Я отвечал за менее важные южные и северные провинции. Наши тайландские сотрудники пе-

реводили на английский язык все донесения о деятельности коммунистов, поступавшие от местных отделений «ФБР» и большинства других служб военной разведки. На основании содержащихся в них данных мы с Джейсоном составляли досье по отдельным провинциям, учитывая каждую инспирированную компартией акцию. Если в каком-то из донесений содержалась особо важная информация, я обрабатывал ее по форме, принятой в ЦРУ, и отправлял в резидентуру для возможного использования американской разведкой. Нашу поддержку тайландского «ФБР» мы оправдывали тем, что сотрудничество с этим ведомством позволяло нам получать ценную информацию, которую я оформлял в виде сообщений. Поэтому было важно, чтобы я хорошо справлялся со своими обязанностями.

Примерно полгода спустя я начал более критично оценивать качество донесений, поступавших от различных тайландских разведывательных служб. Хуже всего они справлялись (точнее было бы сказать, не справлялись) с вербовкой агентуры из числа членов Компартии Таиланда. Их многочисленные агенты были, как правило, всего лишь друзья или родственники коммунистов. Подобного рода агентура способна поставлять лишь второстепенную информацию, к тому же не очень надежную. Сотрудник, получавший такие сведения, мог делать любые заключения, какие только ни пожелает. Если, например, ему из карьеристских соображений надо было дать картину существования серьезной коммунистической угрозы — пожалуйста, все, что для этого нужно, он мог извлечь из донесений агентов. Но если его служебные дела требовали, чтобы обстановка выглядела более благоприятной, он легко делал это с помощью тех же самых донесений.

Стал жертвой таких ненадежных сведений и я. Мне хотелось быть в центре событий, получать приглашения на совещания в резидентуре, делать там доклады и получать за них высшую оценку, рассчитывая на повышение по службе. Следуя этим своим устремлениям, я однажды составил обобщенный доклад о численности коммунистических сил на юге страны. На основании содержащихся в нем данных тайландские воинские подразделения были посланы в указанные мною районы, где никаких коммунистов не оказалось. Из этой истории я извлек несколько уроков. Я понял, что качество моих докладов зависит от надежности источников и что нуж-

по более скептически относиться к разведывательным данным тех органов, которые проявляют чисто ведомственную заинтересованность в том или ином решении вопроса. Наконец, я уяснил, что мне могут мешать мои собственные амбиции и предвзятость. Что и говорить, мне было выгодно продемонстрировать, насколько серьезная обстановка складывается на юге. Ведь это была зона «моей» деятельности!

Я решил в дальнейшем не поднимать тревоги, если только у меня не будет полной уверенности, что это действительно необходимо. Кроме того, я начал понимать, что наша система оценки информации серьезно хромает. Я вспомнил, каким невежественным был мой подход к оценке сообщений резидентуры о влиянии тайландской компартии, когда я работал в тайландском секторе штаб-квартиры. Ведь эти сообщения, как и мой собственный анализ положения на юге страны, были основаны на сомнительных данных, а я относился к ним как к достоверным.

Однажды в Южном Таиланде, в провинции Патталунг, полиция и военные власти арестовали и допросили более двухсот человек, подозреваемых в принадлежности к коммунистической партии. Мне и еще одному офицеру было поручено ознакомиться с материалами допросов и выяснить, чего они стоят. И сразу же стало очевидно, что работали неспециалисты и что в представленном ими огромном объеме бумаг очень трудно выловить действительно ценные сведения.

В течение нескольких недель мы по многу часов в день рылись в этих бумагах, чтобы извлечь полезную информацию и составить какую-то общую картину. Читая и перечитывая протоколы, мы все время натывались на сведения, которые уже встречались, но, чтобы найти их снова, нам приходилось возвращаться к просмотренным документам. Мы не составляли никакой картотеки, не вели предметного или географического указателя. Одним словом, мы пытались разобраться во всем этом океане информации, не систематизируя его. И все наши усилия оказались бесплодными. Хаос так и остался хаосом. Но этот урок не прошел для меня даром. Я понял, что без тщательной и профессионально спланированной подготовки анализировать большой объем информации невозможно. Тогда же я столкнулся с тем, как можно использовать разведывательные данные в амбициозных личных целях. Операциями по засылке в ряды компартии аген-

туры занимался сотрудник, которого условно назовем Сэмом. Он уже несколько лет работал в Таиланде, отвечая главным образом за сбор и обработку сведений о тайландской коммунистической партии. Он всячески ограничивал доступ к собранным им материалам. Никто не имел права пользоваться его архивами, хранившимися в сводчатой комнате, которая относилась к числу самых охраняемых помещений в резидентуре.

Большинство операций по внедрению в ряды компартии Сэм осуществлял через своего главного агента — бывшего партийного функционера, в задачу которого входило создание раскольнической группировки внутри компартии, выступающей якобы за революцию мирным путем. С ее помощью ЦРУ надеялось расколоть Коммунистическую партию Таиланда и тем самым подорвать повстанческое движение.

За достигнутые Сэмом успехи управление наградило его медалью. Потом он был переведен в другое место и с главным агентом стал работать другой сотрудник, который очень скоро обнаружил, что этот агент обманывал не столько коммунистов, сколько американских разведчиков. Все его операции существовали лишь в его собственной фантазии. Пришлось отказаться и от операций, и от самого агента.

Но на этом история не закончилась. Несколько лет спустя штаб-квартира ЦРУ снова направила Сэма в Таиланд. Вернувшись на старое место, он предложил немедленно возобновить сотрудничество со своим бывшим агентом. В то время я работал в Лэнгли, в отделении по делам международного коммунизма. Начальник тайландского сектора попросил меня дать оценку предложению Сэма. С чувством мстительного удовлетворения я припомнил всю историю с этой операцией и в заключение сделал вывод о том, что агент, вероятнее всего, работал на коммунистов. Поскольку Компартия Таиланда в полном соответствии с азиатской разновидностью коммунистического учения призывала к вооруженному восстанию, любые попытки провозгласить возможность революции мирными средствами немедленно вызвали бы подозрение относительно мотивировок такого предложения. Я предупредил, что повторное использование этого агента может привести к катастрофическим последствиям. И все-таки он снова был завербован и, прежде чем мы окончательно в нем разочаровались, успел всучить нам несколько сообщений со сфабрикованными им раз-

ведывательными данными. Не успокоившись на этом, он написал еще и книгу, в которой разоблачил деятельность ЦРУ в Таиланде в целом и Сэма в частности. После такого провала можно было ожидать, что ответственный за работу с агентом сотрудник наконец-то получит по заслугам. Не тут-то было! Опередив многих других своих коллег, Сэм был назначен на один из важнейших участков, а позднее стал ответственным за кадры в отделе Восточной Азии. Находясь на этой должности, он, вероятно, подбирал людей с такими же уникальными способностями, какими обладал сам.

Позднее я понял, что данный случай отнюдь не исключителен в кадровой политике ЦРУ. Но в те годы, о которых идет речь, я все еще считал, что Сэм и Эбботт всего лишь отклонения от нормы. Отказаться от таких взглядов означало пересмотреть мотивацию моего собственного поведения, искать ему новое оправдание. Тогда я не был готов к этому. В конечном счете я чувствовал себя вполне счастливым. Я полностью доверял родному управлению и одобрял американскую политику в Юго-Восточной Азии, которую рассматривал как нечто среднее между деятельностью Корпуса мира и миссионеров. К тому же я гордился своей семьей. Все четверо детей — двое были старше десяти лет, одному исполнилось десять, а младшему пять — научились обходиться без своих друзей по Хердону и прекрасно приспособились к американской школе в Таиланде, где учились дети самых различных национальностей, а атмосфера была типична для средней школы в Америке. Моей жене нравилась ее секретарская работа в управлении. Я никак не мог предвидеть, что скоро все пойдет прахом, и не из-за моей профессиональной некомпетентности, а, наоборот, вследствие беспрецедентного успеха.

Полгода спустя Дэйв направил меня в одну из южных провинций, где я должен был помочь создать организацию, которая могла бы оценивать поступающую информацию о Компартии Таиланда. Я прожил в небольшом провинциальном городке два месяца, как однажды ночью внезапно почувствовал мучительную боль в правом подреберье и страшную слабость. Одновременно началось расстройство желудка. Вначале я подумал, что мне дали что-то несъедобное в местном ресторане и что боль вскоре утихнет, но она становилась все нестерпимее. Росла и слабость.

На следующий день я должен был вместе с губер-

натором провинции подписать один строительный контракт. Я готовил его почти два месяца, и мне не хотелось упускать этот случай. Утром я с трудом встал с постели, заставил себя одеться и отправился на встречу с губернатором. Сразу после официальной церемонии меня отвезли в местную больницу и дали знать в Бангкок моему начальству, что я серьезно заболел.

Больница располагалась в маленьком одноэтажном доме, в котором не было почти никаких удобств. Мне отвели комнату, где кроме кровати имелось странное сооружение в виде комбинации тайландского туалета и бачка с душем. На кровати лежали жесткий матрац, набитый растительным пухом, и пыльная дырявая противомоскитная сеть, которая в жуткий полуденный зной не пропускала ни дуновения свежего воздуха. Зато насекомые свободно проникали через ее дыры целыми стаями. Лечивший меня доктор оказался приятным человеком и знающим специалистом, но он совершенно не говорил по-английски. Мои же знания тайского тоже не позволяли обсуждать медицинские вопросы. Я смог понять одно — что внутри у меня завелся какой-то червяк. На дальнейшие подробности ни его английского, ни моего тайского не хватало. Впрочем, мне уже было все равно. Я периодически терял сознание и хотел только, чтобы меня оставили в покое.

Три или четыре дня я находился в забытии. Очнувшись, я увидел, что нахожусь на борту американского военного самолета С-54, обычно доставлявшего грузы в тот район, где я работал. Помню, несмотря на состояние, мне уже тогда показалось странным, что резидентура, в распоряжении которой были собственные самолеты, не пришла мне на помощь и оставила угасать в этом богом забытом месте. Но поскольку я был без сознания, то не смог ничего предпринять, чтобы быстрее попасть в Бангкок.

Увидев меня, Норма ударилась в панику: мое состояние действительно стало угрожающим. В аэропорту меня встретил врач американской колонии, которого почему-то больше всего беспокоило, что за мной приехала «скорая помощь». На этом настоял врач того городка, где я заболел. Наш же доктор считал это неудобным.

Меня доставили в больницу миссии адвентистов седьмого дня. В палате, куда меня поместили, не было ни туалета, ни кондиционера, без которого в условиях ужасающей бангкокской жары просто не выживешь. Туалет

весьма своеобразной, чисто тайландской конструкции был расположен в коридоре, причем довольно далеко от моей палаты. Мне с моим расстройством желудка приходилось ждать в общей очереди пациентов и посетителей. Дождавшись наконец, я с большим трудом опускался на корточки над дырой в полу, причем, чтобы не упасть, мне приходилось прислоняться спиной к стене.

Между врачом американской колонии и врачами больницы сразу же возникли разногласия по поводу причин моего плачевного состояния. Американский эскулап не мог определить характер моего заболевания. Местные же врачи сразу поставили диагноз: амебное заболевание печени. Примерно то же самое говорил и врач на юге. В то время как доктора препирались, мне становилось все хуже. Я чувствовал такую слабость, что, для того чтобы во время измерения температуры я не терял сознания, сестре приходилось делать мне тонизирующий укол.

Так прошла целая неделя. Врачи продолжали спорить о характере моего заболевания. Наконец наш доктор сообщил Норме, что мое состояние продолжает ухудшаться и что он собирается срочно сделать мне операцию, чтобы выяснить, что происходит с моей печенью. Когда Норма примчалась в больницу, сестра уже обрила мой живот и смазывала его каким-то красным антисептиком. Увидев меня в таком состоянии, жена чуть не лишилась чувств.

Наступило время назначенной операции, но за мной почему-то никто не приходил. На все наши с Нормой вопросы сестры давали уклончивые ответы. Только несколько дней спустя врач американской колонии рассказал мне, в чем было дело. Оказывается, все больничные врачи были убеждены, что у меня паразитарная болезнь печени, вызванная проникновением амебной инфекции. Наш врач, по профессии хирург, не соглашался с этим диагнозом и готовился к операции. Однако, по мнению местных врачей, она имела бы фатальный исход, поэтому они предъявили американскому врачу ультиматум: пусть забирают больного и оперируют его где угодно, только не в их больнице, если же больной останется, то ему немедленно начнут проводить необходимый в его состоянии курс лечения. И тогда наш врач сдался.

Местные врачи с помощью длинной трубки выкачали из моей распухшей печени много гноя. Амеба дрогнула, и началось медленное, длившееся несколько месяцев вы-

здоровленне. Однако последствия этого тяжелого заболевания сказываются и по сей день, и время от времени я чертыхаюсь, вспоминая упрямство и некомпетентность американского врача.

Окончательно выздоравливал я уже дома. Поскольку у меня была масса свободного времени, я часто раздумывал о том, почему так странно вело себя мое начальство. Сначала меня оставили без помощи в маленьком отдаленном городишке. Имея собственные самолеты, летавшие куда угодно по первой прихоти любого мало-мальски заметного начальника, резидентура ничего не сделала, чтобы поскорее доставить меня в хорошую больницу. Врач американской колонии поставил неправильный диагноз, и, если бы не местные врачи, я безусловно бы умер. Невольно возникал вопрос: каково же не на словах, а на деле отношение ЦРУ к своим кадровым сотрудникам? Однако мой гнев по адресу начальства смягчался по мере того, как мне становилось лучше. Я убедил себя в том, что пал жертвой особых обстоятельств, за которые мое руководство не может нести ответственности, что надо было поактивнее добиваться отправки в Бангкок.

Через несколько месяцев после окончательного выздоровления меня пригласили к помощнику начальника резидентуры. Он и заместитель начальника Дэйв Эббот отвечали теперь за всю деятельность резидентуры, в то время как Род Джонсон полностью переключился на работу с тайскими официальными лицами.

Меня встретили очень дружески, предложили сесть. Расспросив о моем здоровье, помощник начальника резидентуры заявил:

— Ральф, мы внимательно следили в последнее время за вашей работой, и должен сказать, что осуществленная вами программа сбора информации произвела на нас сильное впечатление. Мы решили дать вам новое важное задание. Как вы знаете, Управление международного развития по традиции тесно сотрудничает с полицией страны, но нам никак не удастся помочь ей организовать сбор разведывательной информации. Мы хотели бы, чтобы вы начали разработку такого рода программы.

Я был ошарашен. Что это — отстранение от дел или действительно важное поручение? Мне было известно, что между ЦРУ и управлением традиционно существовали неприязненные отношения, особенно обострившиеся в тех случаях, когда одна из организаций пыталась вме-

шиваться в дела другой. Поэтому я прежде всего спросил, как отнесется к этому управление.

— Мы получили специальное разрешение посла, — сказал помощник. — Да и Рей Хилл, глава местного отделения управления, не возражает. Наконец, мы обо всем договорились с начальником полиции.

Несмотря на все эти заверения, меня по-прежнему одолевали большие сомнения. Я знал, что при осуществлении подобного рода программ ЦРУ каждый раз приходится решать ряд финансовых вопросов, предоставлять иностранным разведывательным службам транспорт, вооружение, боевую технику, организовывать учебу личного состава и так далее. Все это требует участия в работе большого числа американских офицеров. Поэтому я тут же спросил, предполагается ли оказание материально-технической помощи тайландским службам.

— О, об этом не беспокойтесь. Мы не собираемся вмешиваться в подобные дела. Тут вы должны полностью полагаться на щедрость управления. Конечно, если возникнет необходимость, мы подкинем вам немного денег.

Вот это задание! Превратить шайку неграмотных полицейских в специалистов по сбору разведывательных данных на уровне современных требований. И все это надо сделать без каких-либо средств и без особых полномочий. Более трудного и сомнительного задания невозможно было представить.

Первое, что мне предстояло сделать, — это разыскать полковника Чэт Чая (фамилия и имя вымышленные), начальника разведывательной службы полиции. Выяснилось, что он выехал в провинцию Патталунг расследовать инцидент, в котором были замешаны коммунисты. Поскольку мое начальство было заинтересовано в том, чтобы я как можно скорее начал выполнение намеченной программы, мне выделили специальный самолет.

Наша машина приземлилась на маленькой, с травяным покрытием взлетно-посадочной полосе на окраине небольшого городка Патталунг. Я пересел в самлор — трехколесную автомашину, напоминающую спереди велосипед, но с двумя сиденьями сзади, — и мы тронулись в путь. Хотя я был единственным пассажиром, самлор с трудом взбирался на невысокие холмы, по которым проходила дорога. Тем не менее вскоре мы добрались до места назначения. Патталунг оказался удивительно чистым и тихим городком. Мне он напомнил маленькие, сонные городишки американского Юга: та-

кие же аккуратно подстриженные лужайки, обложенные по краям покрашенными белой краской камнями. Кроме одного джипа и двух других автомашин основным транспортом были рикши. Трудно было представить, что в таком мирном, спокойном городишке могло пустить корни коммунистическое движение.

Мы остановились у полицейского участка, чтобы спросить у дежурного сержанта, где найти полковника Чэт Чаю. Оказалось, он только что выехал в Хэд Йей. Сержант показал мне, где останавливается идущий в Хэд Йей автобус, — остановка была обозначена большим пятном прямо на дороге.

После долгого ожидания мы наконец увидели вдаль автобус. Он долго пыхтел, фыркал, подпрыгивал, пока не подкатил к остановке. Но, боже, что за вид! Вся его крыша была уставлена бамбуковыми клетками с поросятами и курами, корзинами с местными фруктами, завалена мешками с рисом, ящиками и ободранными чемоданами. Весь этот скарб возвышался высоченной горой, и казалось, что, умудряясь не опрокинуться под ее тяжестью, автобус опровергает закон всемирного тяготения.

Не без внутреннего трепета пробирался я на жесткое заднее сиденье. Автобус был битком набит крестьянами — мужчинами и женщинами. На женщинах была традиционная национальная одежда — доходящий до пояса, накрученный вокруг тела саронг и блуза с длинными рукавами. Большинство из них, садясь в автобус, сняли конической формы соломенные шляпы, предохраняющие голову от палящего солнца во время работы в поле. Мужчины были в грязной рабочей одежде. В основном это была пригодная на все случаи жизни пакама, которую делают из прямоугольного куса хлопчатобумажной ткани. Ее можно сложить и закрутить вокруг талии в виде шортов или соорудить из нее тюрбан на голову. А можно использовать как сумку.

Автобус чихнул, кашлянул, зашатался и наконец тронулся с места. За полчаса пути машина останавливалась трижды. Оказывается, водитель выполнял еще и функции почтальона. Иногда мы подбирали пассажиров, которые, как правило, везли с собой сельскохозяйственные продукты либо домашних животных. Каждая остановка сопровождалась долгим ритуалом погрузки и выгрузки. Чем тяжелее становился автобус, чем громче шумели пассажиры и чем сильнее ощущал исходящее от

них зловоние, тем меньше мне нравилось это приключение. Прошло немало времени, прежде чем мы прибыли в Хэд Йей. Сняв комнату в отеле, я вышел на улицу, чтобы купить пару бутылок тайландского пива, равного по своей крепости вину. Вернувшись в отель, я опорожнил сразу обе бутылки и забылся глубоким спасительным сном.

На следующий день я разыскал полковника. Чэт Чай оказался маленьким даже по тайландским стандартам человеком с круглым добродушным лицом. Ему было чуть больше сорока. Очень скоро я обнаружил у него целый набор странных качеств. Порой он бывал довольно неуживчивым, вспыльчивым и излишне прямолинейным, но в то же время хорошо знал свое дело, обладал трудолюбием и честностью. Его прямота, безусловно, мешала ему, так как в Таиланде принято выражаться вежливо, не задевая собеседника, используя всевозможные намеки, давая многословные уклончивые ответы. Разговаривая с тайскими официальными лицами, всегда нужно за вежливыми словами искать скрытый подтекст. Чэт Чай был совсем другим: он говорил открыто все, что думал. Чтобы как-то смягчить свою прямолинейность, он буквально после каждой фразы начинал хихикать.

Мы вышли с ним из отеля и сели за выдвинутый прямо на улицу столик, чтобы наедине обсудить предстоящие нам совместные дела. Я коротко рассказал ему о нашей программе и сообщил, что его руководство полностью ее одобрило. Полковник, видимо, еще не получил на этот счет никаких указаний, поэтому мое заявление встретил недоверчивым хихиканьем. Я попросил его для начала проинформировать меня относительно структуры разведывательной службы полиции, ее возможностей и методов работы. Чэт Чай был явно опарашен. Какой-то незнакомый человек, да к тому же иностранец, требует от него, профессионального разведчика, раскрыть тщательно охраняемые секреты его организации.

— Почему я должен все это обсуждать с вами? — вопросительно прохихикал полковник. — Никто мне не говорил ни о какой программе.

Я наконец понял всю сложность создавшейся ситуации и стал подробно объяснять полковнику принципы сотрудничества ЦРУ с другими тайландскими службами. Мой собеседник задал кучу вопросов, профессиональные ответы на которые убедили его, что я действительно тот,

за кого себя выдаю, и что я хорошо информирован о деятельности других тайландских разведывательных организаций. Постепенно он почувствовал себя свободнее, особенно после того, как я сказал ему, что меня абсолютно не интересуют имена его агентов, что мне хотелось бы в первую очередь знать основные принципы деятельности возглавляемой им службы: методы работы, комплектования и подготовки, а также состояние досье.

Постепенно Чэт Чай начал все более и более подробно раскрывать передо мной главные направления в работе разведки. Кроме него и еще одного полковника в ней работали несколько военнослужащих рядового состава. Досье состояли в основном из донесений о деятельности коммунистов. Рядовые не имели никакой подготовки для работы в разведке и ничего не знали об организационной структуре коммунистических организаций, против которых нужно было действовать.

Я поинтересовался, как скоро Чэт Чай возвращается в Бангкок, где мы могли бы продолжить наше знакомство.

— Вначале я должен закончить свои дела здесь, — снова хихикнул полковник, — а уж потом получу проездные документы до Бангкока. Так что буду в столице не раньше чем через неделю.

Зная, что мое руководство сочтет такое промедление недопустимым, я предложил полковнику Чэт Чаю оплатить его проезд самолетом, если он согласится вылететь вместе со мной на следующий день. Вот тогда-то мой тайландский коллега наконец осознал, какие выгоды сулит ему сотрудничество с ЦРУ.

— Как, вы даже можете купить мне билет? — захихикал он.

Мне хотелось, чтобы он понял, что мое предложение оплатить его проезд вполне законное действие, а не взятка и не мой личный подарок.

— Могу вас заверить, — сказал я полковнику, — что имею полномочия в случае необходимости купить вам билет. О своих действиях я представлю полный отчет руководству. Главное, чтобы мы могли немедленно начать выполнение намеченной программы.

Побывав позднее в штаб-квартире разведывательной службы полиции и ознакомившись с ее возможностями, я окончательно пришел к выводу, что, как бы нам этого ни хотелось, превратить ее в профессиональную разведыва-

тельную организацию не удастся. В подготовленной мною докладной записке я указал на недостатки в деятельности разведывательных органов полиции и предложил провести ряд экспериментов, чтобы выяснить, каким образом можно использовать полицейских для сбора разведывательной информации. В то же время я начал читать доступную мне литературу о других программах, предусматривающих участие разведывательных органов в борьбе с повстанческим движением. Совершенно случайно я наткнулся на описание операции под названием «Почтовый ящик», которую англичане успешно осуществили в ходе борьбы с коммунистическим движением в Малайзии. В этой операции привлекала прежде всего ее простота. В каждой деревне, где наблюдалась активность коммунистов, устанавливался тяжелый стальной почтовый ящик. Местных жителей склоняли к тому, чтобы они опускали в такой ящик анонимные записки с указанием имен членов компартии. Ежедневно «корреспонденцию» из ящика вынимали. С помощью такого простого механизма англичанам удалось узнать очень многое о коммунистической деятельности в самых отдаленных селениях.

Конечно, эта операция имела свои недостатки. Например, трудно было получить подтверждение достоверности сведений. Кроме того, ее успех полностью зависел от смелости жителей деревни, их желания сотрудничать с властями. И все же в операции было рациональное зерно, используя которое я в дальнейшем разработал крупную и весьма эффективную операцию по сбору разведывательной информации для борьбы с повстанческим движением.

В качестве первого шага мы с полковником Чэт Чаем объехали все северо-восточные провинции, где встретились с губернаторами, начальниками полиции и командирами дислоцирующихся там воинских частей, американскими советниками, различными официальными лицами. Нам интересовало прежде всего состоящие досье и методы сбора информации, а еще нам докладывали о степени влияния коммунистов.

По возвращении в Бангкок я предложил начать с проведения в одном из округов интенсивной работы по сбору разведывательных данных. Действуя в сравнительно небольшом, строго ограниченном регионе, мы могли за короткое время проверить на деле различные теории и методы ведения разведки. Кроме того, это позволило бы нам получить более правильное представление о дея-

тельности компартии, наметить эффективные пути сбора нужной нам информации. Если какой-то из испытываемых методов окажется действенным, мы сможем использовать его позднее в более широких масштабах.

В разработанных мною предложениях было указано, что вся поступающая к нам в настоящее время информация страдает общим недостатком: неточностью и часто недостоверностью. Официальным властям нередко приходится лишь гадать о характере деятельности коммунистов. Власти не в состоянии объяснить, почему местные жители принимают участие в проводимых коммунистами военных и других мероприятиях.

Наша резидентура в своих докладах каждый раз сообщала, что действия вооруженных коммунистических формирований ограничиваются главным образом горными провинциями Северо-Восточного Таиланда. Всего, по нашим подсчетам, в их отрядах по всей стране насчитывалось не больше 2,5—4 тысяч человек, причем на юге и севере действовали отдельные, совсем небольшие группы. Мы утверждали, что партизанские отряды орудуют исключительно на склонах горного хребта Фу Фан и лишь изредка спускаются в долины за рисом, деньгами и для пополнения своих рядов. Наконец, из наших сообщений следовало, будто компартия не пользуется поддержкой населения и вынуждена прибегать к террору, чтобы заставить крестьян сотрудничать с ней.

Мое предложение вызвало оживленный обмен мнениями между тайландскими и американскими должностными лицами. Получив одобрение начальства, мы с полковником Чэт Чаем направились в одну из северо-восточных провинций, чтобы начать там нашу операцию. Местный губернатор с энтузиазмом одобрил разработанную нами программу и предоставил в наше распоряжение своих лучших сотрудников. Во время нашей первой поездки в провинцию мы наметили один из округов как место проведения эксперимента. Повстанческое движение в этом округе только зарождалось, но уже ширилось. Обстановка осложнялась и тем, что у местного «най амфура» (должность, соответствующая должности американского шерифа) была довольно мрачная репутация. Даже в Бангкоке знали, что он лично убил «при попытке к бегству» нескольких коммунистов. Особенно боялись этого постоянно хватающегося за пистолет шерифа в селах, где проживали вьетнамские беженцы.

Его заместителем был лейтенант Сомбун (фамилия

вымышленная). За всю жизнь я никогда больше не встречал человека, который бы обладал таким чутьем на ценную информацию. Он моментально схватывал суть дела и мог написать пространный, четкий доклад. В свои тридцать лет Сомбун был неутомимым работником, умел нравиться людям и пользовался их доверием. Выпускник факультета политических наук одного из ведущих тайландских университетов, он достаточно хорошо владел английским, хотя и допускал некоторые режущие слух ошибки. Почему-то мне всегда было неловко поправлять его при неправильном употреблении английских вспомогательных глаголов. Космополит по своим взглядам, Сомбун был назначен в эту северо-восточную провинцию явно как противовес свирепому шерифу. Он был глазами и ушами губернатора в одном из самых беспокойных округов.

Конечно, по своей квалификации Сомбун давно перерос занимаемую должность и с нетерпением ждал повышения. Мы с полковником Чэт Чаем познакомились с ним еще во время первого приезда в округ. Сомбун сразу же выразил готовность помочь нам. Способности этого человека произвели большое впечатление и на полковника Чэт Чаю, и на меня. Потому мы и выбрали его округ в качестве испытательного полигона.

В ходе нашего эксперимента мы должны были опробовать все технические приемы сбора разведывательных данных. Традиционные приемы на этот раз не годились, потому что требовали слишком много времени и давали информацию такого сомнительного качества, что на основании ее было трудно понять причины роста повстанческого движения. Хорошие результаты дала операция типа «Почтовый ящик», осуществленная лейтенантом Сомбуном и его людьми. Но и она оказалась не безупречной. Вместе с Сомбуном и полковником Чэт Чаем мы разработали новую методологию сбора разведывательных данных, которую назвали «исследованием» округа. В дальнейшем мы провели четыре таких «исследования», и все они дали поразительные результаты.

В основе нашей методологии лежала модернизированная идея «почтового ящика». Мы шли по деревням и собирали информацию прямо из первых рук. Особое внимание обращалось на организационную сторону дела, а также на то, чтобы добиться максимальной активности местных жителей. Вначале полковник Чэт Чай тщательно собрал всю имевшуюся информацию о положении в избранном нами округе у провинциальных органов вла-

сти и ведомств. Я в свою очередь запросил сведения об этом округе в американской резидентуре. Каждое имя, фигурировавшее в полученной нами информации, заносилось в отдельные карточки, из которых составлялись обзоры об активности коммунистов в каждой отдельной деревне. На основе всех этих материалов был определен район наибольшего сосредоточения коммунистических сил. Затем мы вместе с полковником Чэт Чаем, посоветовавшись с местными властями, составили график нашей работы в округе. Далее я подготовил краткий анализ положения дел в каждой из тех деревень, которые нам предстояло обследовать, а также списки лиц, активно сотрудничавших с компартией и с властями.

Пока шла подготовительная работа, губернатор подобрал команду из двадцати пяти лучших специалистов. Среди них были офицеры и рядовые полицейские, несколько армейских офицеров, заместитель шерифа и другие официальные лица. Все они состояли на государственной службе, так что нам не потребовалось создавать еще одну бюрократическую организацию. Каждый из наших сотрудников получал зарплату по месту основной работы. Это был редчайший случай в истории ЦРУ. На сбор разведывательных данных оно ничего не затратило, а работали на нас лучшие специалисты провинции.

В течение двух недель все двадцать пять членов нашей команды обучались искусству ведения допроса, изучали основы коммунистического учения так, как мы сами его понимали. Мы постоянно подчеркивали необходимость поддерживать доброжелательные отношения с местными жителями. Тем не менее однажды мы столкнулись с серьезной проблемой. Один из наших сотрудников изнасиловал девочку, которую ему предстояло допрашивать. Лейтенант Сомбун немедленно отозвал этого человека. Стремясь как-то уладить дело, мы собрали и передали родителям девочки сумму денег, равную годовому доходу деревенской семьи.

Чтобы облегчить последующий анализ полученных сведений, мы научили каждого члена команды составлять отчет о проделанной работе. Была предложена единая схема, в соответствии с которой в каждом отчете кроме общих сведений должен был содержаться анализ различных сторон деятельности коммунистов, то есть сведения об их политических организациях, о методах пропаганды и вербовки новых членов, о мерах безопасности, о вооружении партизанских отрядов и об их руководителях, о

местах нахождения лагерей и военной подготовке. Завершали отчет рекомендации о дальнейших действиях.

Прежде чем перейти к рассказу о том, как мы реализовали наши планы, хочу заметить, что в основе их лежала концепция «большого брата, который все видит и все знает», созданная фантазией Джорджа Оруэлла в романе «1984». В этом романе автор описывает, как тоталитарное иерархическое общество поработывает массы. Сейчас мне стыдно вспоминать об этом, но тогда я считал коммунистов безжалостными убийцами, которые заставляют людей вступать в их партию и уничтожают тех, кто отказывается это сделать. Осуществление составленной нами программы казалось мне вполне законным методом борьбы с распространением коммунизма, методом, который позволит также восстановить взаимопонимание между тайландскими властями и деревенскими жителями. В те годы подозреваемых в связях с партизанами подвергали варварским пыткам, бросали в кипящее масло и просто расстреливали. По сравнению с этим моя программа казалась мне верхом милосердия.

Наша операция началась с того, что все двадцать пять членов команды, полковник Чэт Чай, еще один полковник разведывательной службы полиции, я сам и четверо переводчиков направились в нескольких автомашинах в административный центр округа. Деловая часть городка находилась на перекрестке двух пыльных дорог и состояла из нескольких двухэтажных домишек с магазинами на открытых верандах первого этажа и жилыми помещениями для хозяев на втором. В разгар рабочего дня единственным транспортом на улицах городка была упряжка волов, везущая мешки с рисом. Время от времени появлялись согбенные фигуры женщин с бадьями воды.

Двери в маленьких домиках с деревянными каркасами и соломенными крышами были раскрыты настежь, чтобы свежий воздух по возможности разогнал полуденную жару. Староста, одетый в свободные, похожие на пижаму брюки и западного покроя рубашку, казалось, был потрясен видом столь представительной делегации. Соблюдая исключительную вежливость, он старался изо всех сил понять, что же происходит и при чем здесь американец. Расположившись на соломенных циновках, лежавших прямо на деревянном полу, мы начали обсуждать, что нам предстоит сделать. Хозяин угостил нас слабо заваренным чаем и обещал к вечеру созвать на митинг всех жителей городка.

Вечером, когда все собрались, лейтенант Сомбун объявил:

— Мы приехали сюда, чтобы помочь вам избавиться от тех неприятностей, которые причиняют вам солдаты джунглей (так в Таиланде называют коммунистических повстанцев). Они забирают у вас рис и деньги, настраивают вас против правительства, заявляют, что власти угнетают вас, облагают налогами. Но они не говорят, на что идут эти деньги. В прошлом году губернатор получил от вас всего несколько тысяч бат. Это меньше, чем правительство платит учителю, который учит ваших детей. А что сделали для вас солдаты джунглей? — Продумав речь заранее, лейтенант Сомбун построил ее таким образом, чтобы нейтрализовать основные тезисы коммунистической пропаганды. — Я и прибывшая со мной группа государственных служащих собираемся изучить проблемы вашей деревни, — продолжал он. — В первую очередь нас будут интересовать те трудности, которые создают для вас солдаты джунглей. Мы собираемся переговорить с каждым жителем, чтобы каждый из вас мог сообщить нам, в какой помощи нуждается. Все, что вы нам скажете, будет держаться в строжайшем секрете. С завтрашнего дня мы начнем ходить по домам, а пока — до свидания. Благодарим вас за то, что вы пришли на встречу с нами.

На следующий день команда разошлась по городку. С каждым жителем беседовал один человек. Мы располагались прямо на открытом воздухе, присаживаясь где придется, и обязательно соблюдали одно правило: никто из посторонних не должен был подходить к беседующим на такое расстояние, чтобы можно было услышать, о чем идет речь.

Если собеседником был простой житель, наш сотрудник начинал с вопроса о том, что он слышал о политических организациях коммунистов, таких, например, как Ассоциация освобождения крестьян, или что он знает о солдатах джунглей. Затем он спрашивал, что необычного произошло за последнее время в городке. Все представляющие какой-либо для нас интерес сведения опрашивающий заносил в записную книжку, а позднее на основании этих сведений составлял отчет.

В тех случаях, когда нашими собеседниками были коммунисты или подозреваемые в сочувствии к ним, беседа больше походила на допрос. Еще во время пробного опроса нам удалось выяснить, что компартия создала в

населенных пунктах ячейки так называемой Ассоциации освобождения крестьян. Поэтому мы прежде всего старались узнать имя хотя бы одного из членов такой ячейки. Далее, чтобы сдвинуться с мертвой точки, необходимо было заставить этого человека признаться в принадлежности к ассоциации. Затем мы пытались убедить его назвать других членов ячейки, а также имя того, кто вовлек его в организацию. После этого мы приступали к допросу других членов ячейки. Теперь мы имели возможность показать, что нам уже многое известно. Допрашиваемому советовали быть предельно откровенным и оказывать нам помощь. Говорили, что в этом случае он заслужит прощение властей.

На основании сведений, полученных от членов Ассоциации освобождения крестьян, опрашивающий составлял подробный отчет и передавал его лейтенанту Сомбуну. Тот в свою очередь просматривал отчеты, выделял особенно ценные для нас сведения, отмечал противоречия в показаниях допрошенных и отдавал отчеты для перевода на английский язык. Что касается меня, то я вначале знакомился с той информацией, которая помогла бы сломить сопротивление тех, кто не желал быть откровенным. Например, один из жителей утверждал, что в интересующую нас ночь он вместе с другом ловил рыбу, в то время как его друг уверял нас, что в ту ночь оставался дома. Используя противоречия в показаниях этих людей, мы в конечном счете вырвали у них признание, что оба они в ту злополучную ночь побывали в располагавшемся неподалеку партизанском лагере, где присутствовали на лекции по вопросам коммунистической идеологии.

Многим из тех, кто признался в своей принадлежности к Ассоциации освобождения крестьян, мы предлагали стать осведомителями. При этом преследовались две цели: во-первых, нам нужны были агенты в рядах коммунистических организаций; во-вторых, мы знали, что некоторые из тех, кого мы пытались завербовать, сообщат о нашей попытке своим коммунистическим руководителям. В то же время те, кому мы не предлагали сотрудничать с нами, естественно, ничего не расскажут о попытках вербовки и вызовут к себе подозрение. С помощью такой тактики мы надеялись вызвать недоверие друг к другу среди коммунистов и тем самым поколебать их единство.

В одной из деревень лидер местных коммунистов никак не шел на вербовку. Но лейтенанту Сомбуну лучше

было не перечить. Он сразу заявил этому человеку, что, если тот будет упрямиться, его отца расстреляют. Тут же с помощью портативной радиостанции была установлена связь с деревней, где проживал отец коммуниста, и, поскольку сын по-прежнему не соглашался на вербовку, Сомбун отдал приказ о расстреле. Несчастный услышал по радио команду, звуки выстрелов и громкие стоны. Вслед за этим было сообщено, что отец только ранен и быстрая медицинская помощь еще может спасти его жизнь. В ответ Сомбун бросил: «Пусть умирает!» В конце концов коммунистический лидер не выдержал и признался в том, что является руководителем местной первичной организации Ассоциации освобождения крестьян. Тогда Сомбун крикнул в радиопередатчик, чтобы раненого немедленно доставили к врачу. Позднее, когда допрашиваемый рассказал все, что нам требовалось, лейтенант стал уверять меня в том, что пошел на такую хитрость ради этого же человека.

В другой деревне жена одного из коммунистических лидеров не хотела признавать, что ее муж — член компартии, уверяя нас, будто он уехал в город искать работу. Тогда Сомбун пригрозил, что, если она не скажет правду и не согласится сотрудничать с нами, ее сын будет убит. При этом лейтенант уверял меня, что и сама женщина убежденная коммунистка, поскольку твердо и бесстрашно стоит на своем.

Там же один молодой человек лет двадцати, уличенный свидетельскими показаниями, признался в своей принадлежности к Ассоциации освобождения крестьян. Разрыдавшись, он стал объяснять, что является глубоко верующим буддистом, что коммунисты вовлекли его в свою организацию обманом. Видимо, его переживания были слишком глубокими, потому что в ту же ночь он покончил с собой.

Должен признаться, меня не особенно волновали все эти нарушения прав человека. Я был убежден, что в борьбе с коммунизмом цель оправдывает средства.

В первое время, когда мы занимались в основном опросом жителей, оба тайландских полковника, четыре переводчика и я жили на квартире у местного начальника полиции. Полковники и переводчик спали в большой комнате, напминавшей спальню в студенческом общежитии. Три переводчицы разместились в основной спальне, а я — в небольшой пристройке, расположенной рядом со столовой. Моя комната была настолько мала, что в

ней могли поместиться только раскладушка и чемодан. Хотя вентилятора не было, однако сквозь щели между деревянными планками проникало достаточно свежего воздуха.

Рабочий штаб нашей команды обосновался в просторном, похожем на амбар деревянном строении, которое в обычное время служило местом проведения собраний жителей городка. Ежедневно в течение трех месяцев мы работали в этом помещении, сидя на складных деревянных стульях и скамейках. То, что нам приходилось постоянно находиться вместе — во время работы, на отдыхе и за едой, — не могло не создать трудностей во взаимоотношениях. Дополнительной проблемой стали ухаживания двоих мужчин за нашими переводчицами. Помимо этого полковник Чэт брал на дом пишущую машинку и работал на ней иногда до самого утра. Нечего и говорить, что каждый удар клавишей отзывался болью в моей голове.

Чтобы немного отвлечься от такой обстановки, я стал каждый вечер совершать длительные прогулки по пыльным тропинкам в окрестностях городка. Они давали мне возможность не только отдохнуть, но и полюбоваться красотой природы Таиланда. Нередко я доходил до маленькой речушки, в которой местные жители купались и стирали белье. Эти их мирные занятия невольно пробуждали во мне желание вернуться к более спокойной жизни.

Вся наша деятельность в городке имела совершенно неожиданный результат. Она подействовала на повстанческое движение так же, как действует острая игла на резиновый шар. Как только исчезла секретность, окутывавшая подпольное коммунистическое движение, оно тут же исчезло, по крайней мере на время. Так, например, нам удалось привлечь на свою сторону руководителя одной из первичных организаций Ассоциации освобождения крестьян, насчитывавшей около сорока членов. После трехдневных бесед, наших рассказов о деятельности правительственных органов этот человек пришел к выводу, что коммунисты его обманули. Он помог нам добиться признания у других членов организации и вступил в правительственный добровольческий корпус самообороны.

В те годы правительство США финансировало осуществление в Северо-Восточном Таиланде двух программ, направленных на подрыв коммунистического влияния в стране (такого же рода программы ранее были реализованы во Вьетнаме). Одна из них проводилась под при-

крытием переписи населения. Специально обученные переписчики приезжали в населенные пункты и говорили жителям, что хотели бы услышать их жалобы на правительственные органы, познакомиться с их проблемами. Считалось, что по характеру ответов можно будет определить политические симпатии жителей. В направляемых в центр донесениях каждый опрошенный обозначался либо как сторонник правительства, либо как сочувствующий коммунистам. Вся эта возня с переписью как в Таиланде, так и во Вьетнаме оказалась бесполезной и даже вредной. Фактически получилось так, что мы оплатили из собственного кармана деятельность коммунистических агентов, заваливших нас ложной информацией. Например, как обнаружил лейтенант Сомбун, в одной из деревень переписчиком стал кадровый работник компартии, руководитель местной организации коммунистов. Кончилось тем, что «переписчика» арестовали и посадили в тюрьму.

Основная идея другой программы состояла в том, чтобы создать в каждом населенном пункте из местных жителей особые вооруженные отряды для оказания отпора коммунистам. Надо сказать, что на первой стадии своего существования эти отряды действительно сдерживали влияние компартии. Например, жители ряда деревень, признавшиеся в том, что являются членами Ассоциации освобождения крестьян, впоследствии ушли из родных мест, заявив при этом, что коммунисты грозили уничтожить каждого, кто сотрудничал с нами. Хотя все беседы проходили так, чтобы никто из посторонних не мог слышать, о чем идет речь, сразу же после отъезда нашей команды семьдесят семей покинули свои дома. По моей просьбе в этой деревне разместили на постой один из отрядов самообороны, и сразу же бежавшие крестьяне вернулись. Позже нам стало известно, что жители этой деревни прекратили всякие контакты с повстанцами.

Незадолго до прибытия нашей команды одно из подразделений войск, дислоцировавшихся на находящейся в этой провинции военно-полицейской базе, осуществило месячный рейд как раз по территории выбранного нами округа в поисках вооруженных повстанческих отрядов. На полугусеничных транспортерах и танках патрули рыскали по рисовым полям, губя посевы. Охваченные тупой злобой, не умеющие вести допрос офицеры и солдаты избивали крестьян. Даже та ничтожная информация, которую им удалось получить силой от деревенских

жителей, осталась необработанной, непроверенной и не-проанализированной. Это была типичная операция по принципу «дави, там разберемся». Она не дала ничего, только восстановила крестьян против правительства. В итоге после завершения такой операции коммунистические ряды пополнились новыми добровольцами.

К совершенно противоположным результатам привела деятельность нашей команды. О своей принадлежности к компартии добровольно сообщили более пятисот человек. Нам стало известно местонахождение ряда повстанческих лагерей. Однажды мы даже пытались заставить повстанческий отряд покинуть свою постоянную базу, хотя в принципе такие действия не входили в нашу задачу. Оружия у нас было недостаточно, и в конце концов нам пришлось отступить, потеряв одного из членов команды.

Опросив в течение трех месяцев жителей десяти деревень, мы перевели все обобщенные материалы на английский язык и сгруппировали полученные сведения по предметному и географическому принципам. На каждого члена ячейки и повстанца было заведено досье. Были составлены также указатели, с помощью которых можно было быстро найти полный текст имеющейся информации. Используя собранные нами материалы, среди которых был и пароль одного из повстанческих отрядов, силы безопасности окружили этот отряд и полностью уничтожили.

На основании информации, содержащейся в досье, я подготовил заключительный доклад, а также поименный список членов сельских ячеек по каждой из обследованных нами деревень с указанием их партийных псевдонимов. Всего в этом списке оказалось более пятисот имен, которые до этого не фигурировали ни в одном из сообщений ЦРУ. По оценкам управления, во всем Таиланде насчитывалось 2,5—4 тысячи членов компартии. По нашим же данным, столько коммунистов было в одной только провинции Сакорн Накорн.

Подготовленный доклад мы передали на рассмотрение американским и тайландским разведывательным органам. Сразу же стали приходить положительные отзывы. Информационный отдел ЦРУ дал ему высшую оценку по всем шести оценочным показателям. Таким же было и заключение госдепартамента. Дальневосточный отдел ЦРУ подчеркнул исключительную ценность нашего исследования. В Бангкоке командование силами по борьбе с повстанческим движением назвало доклад наивыс-

шим достижением в области разведки за тот месяц, в котором он был представлен, и за все те месяцы, в течение которых он готовился. Заместитель премьер-министра Таиланда наградил нашу команду орденом, которым отмечаются отличившиеся в боях войсковые части. Командующий силами по борьбе с повстанческим движением генерал Кердпол официально отметил наши заслуги в своем приказе и лично прибыл в провинцию, чтобы на месте подробно ознакомиться с проделанной нами работой.

Губернатор провинции был в восторге. Хотя он родился, вырос и прожил здесь всю свою жизнь, но, по его словам, не имел понятия о подлинных масштабах коммунистического движения, пока не познакомился с нашим докладом. Американский консул Эл Франкис, позже назначенный советником нашего посла во Вьетнаме Крэхэма Мартина, проводил целые дни в моем кабинете, изучая полученные нами сведения. К этому времени я проработал в разведке пятнадцать лет, но все эти годы мне приходилось иметь дело с неопределенной, неполной, сомнительной, неустойчивой в своих оценках информацией, на основании которой было невозможно составить достоверную общую картину. Совсем другая информация была получена с помощью нашей программы. Содержавшиеся в ней сведения отличались полнотой, точностью и достоверностью.

Вскоре меня вызвал в Бангкок глава резидентуры Род Джонсон. Кроме самого резидента в его кабинете я увидел еще нескольких высших руководителей американской разведки в Таиланде, включая начальника моего отдела.

— Хэлло, Ральф! — впервые правильно назвал меня по имени Джонсон. До сих пор он упорно именовал меня Бобом. — Ты молодец, старик! Работа что надо! Как, черт побери, там наши дела? Хочу тебе сообщить, что мы все вами очень довольны. Генерал Кердпол сказал мне вчера, что специально ездил к тебе, чтобы получить информацию, так сказать, из первых рук. Он говорит, что ты и полковник Чэт Чай наконец-то сдвинули дело с мертвой точки. Губернатор Бо Даэнг тоже высоко оцепил все, что вы сделали.

Некоторое время Род продолжал высказываться в том же духе. Такие же лестные оценки я услышал и от других руководителей резидентуры.

— Вы прекрасно справились с заданием, — продолжал Джонсон, — поэтому я собираюсь назначить вас нашим

представителем в этой провинции. Если согласны, то будете возглавлять наше отделение. Вам будут подчинены все другие наши сотрудники, работающие в этой провинции.

Меня совершенно не надо было уговаривать. Напротив, после таких блестящих результатов трудно было бы заставить меня отказаться от продолжения нашей работы. И я принял предложение.

Меня беспокоило лишь то, что переезд на север страны может расстроить мою семейную жизнь, ведь Норме и детям придется остаться в Бангкоке, где есть международная школа. Но работа меня уже захватила, я получал от нее огромное удовлетворение, она сулила мне хорошие перспективы в смысле карьеры. Сыграло свою роль и желание внести вклад в защиту интересов моей страны. Все это мне казалось гораздо важнее, чем мои собственные семейные проблемы. К тому же выяснилось, что старшие дочери и один из сыновей во время школьных каникул смогут приезжать ко мне и проводить со мной несколько месяцев. Я снял построенный в европейском стиле дом, нанял прислугу и повара. Я считал, что детям будет очень полезно увидеть новые для них стороны жизни чужой страны, а также наблюдать своего отца за работой.

После моего возвращения в северо-восточную провинцию мы начали второй раунд наших исследований. Состав команды обновился примерно наполовину, так как часть ее членов была вынуждена вернуться к своим постоянным обязанностям. Лейтенант Сомбун был назначен помощником губернатора и в этой должности должен был выполнить такого же рода программу, но уже в трех других округах.

Итогом нашего второго исследования был объемистый доклад. На этот раз руководители группы не появлялись в деревнях. Первый опыт показал, что присутствие американца в группе производит на местных жителей неблагоприятное впечатление. Коммунисты постоянно внушали им, что клика Прапата — Танома является марионеткой американского империализма. Поэтому я и оба полковника, а также переводчики оставались либо в окружном центре, либо в столице провинции. Туда к нам поступали все материалы допросов. Мы в свою очередь направляли лейтенанту Сомбуну наши указания.

К сожалению, не все финансируемые США программы осуществлялись в такой ненавязчивой, скромной ма-

нере и не всегда производили благоприятное впечатление на тайландских крестьян. Например, однажды офицер американской разведки должен был передать местному шерифу определенную сумму денег, которую тому в свою очередь предстояло распределить между членами отрядов самообороны. Плохие и к тому же опасные дороги заставляли его пользоваться вертолетом. И вот представьте себе такую картину: во время праздника с участием сотен местных жителей на поляну садится вертолет, из него выскакивает наш офицер и протягивает шерифу ярко-красные пачки денег. Вряд ли коммунисты могли желать более наглядного примера в подтверждение своим пропагандистским заявлениям.

В середине лета 1967 года я получил телеграмму от исполняющего обязанности главы резидентуры. Меня извещали о том, что в октябре истекает срок моего контракта, однако руководители тайландских противоповстанческих сил хотели бы, чтобы я подписал новый контракт на два года и возглавил проведение нашей программы, которая охватит всю страну. В телеграмме указывалось, что потребуется согласие штаб-квартиры ЦРУ, но с этим не будет никаких проблем. Такое предложение не могло меня не взволновать. Мне предлагали то, на что я надеялся, чего сам страстно желал. Я немедленно сообщил о своем согласии.

Несколько недель спустя, примерно в августе того же года, в провинцию, где я находился, с однодневным визитом прибыл тогдашний начальник Дальневосточного отдела ЦРУ Уильям Колби. Я встретил его на аэродроме. Колби вышел из самолета одетый в военную форму цвета хаки. Как всегда, у него был спокойный, сосредоточенный вид. С аэродрома мы сразу же направились на военную полицейскую базу, где должны были выслушать отчет об обстановке в провинции. После этого нам предстояло ознакомиться с ходом выполнения двух финансируемых американцами программ, о которых я говорил выше — программы переписи и программы создания вооруженных отрядов для оказания отпора коммунистам. Мне, конечно, не терпелось доложить Колби о результатах осуществления моей собственной программы.

Я начал с того, что провел Колби в наши рабочие помещения и показал ему несколько кабинетов, буквально доверху забитых папками с материалами допросов. Я объяснил своему шефу технику сбора информации и коротко рассказал об основных результатах проведенной работы.

Прежде всего я постарался доказать ему всю сомнительность предыдущих выводов ЦРУ о том, что коммунисты не пользуются поддержкой местного населения и потому вынуждены добиваться этой поддержки с помощью угроз и террора.

— Такое представление по меньшей мере неточно, — заявил я Колби, который выслушал мои слова не моргнув глазом. — Как мы выяснили, основные свои усилия коммунисты прилагают как раз к тому, чтобы добиться расположения со стороны крестьян. Посмотрите, например, на эту деревню, — сказал я, указывая на карту. — Компартия послала сюда двух своих членов. Они появились под предлогом поиска работы. В течение трех месяцев они общались с местными жителями, оказывая им всевозможную помощь и стараясь завоевать их расположение. В то же время они втихомолку выяснили социальную структуру деревни, узнали, кто из ее жителей имеет основания быть недовольным правительством. Потом они доложили своему руководству, что деревня созрела для революции, и получили разрешение приступить к выполнению следующего этапа своей программы.

Теперь они начали критиковать правительство, внушать жителям деревни мысль о продажности клики Прапата — Танома, поддерживающей богатых помещиков и выступающей против составляющих огромное большинство населения бедных крестьян. Особое внимание коммунисты обратили на одного молодого человека, который был очень беден и потому недоволен правительством. Им удалось вовлечь этого человека в Ассоциацию освобождения крестьян.

Колби слушал меня внимательно, никак не реагируя. Я рассказал ему о содержании захваченных нами многочисленных документов, в которых излагались цели и планы ассоциации. Прежде всего крестьян призывали изгнать из страны империалистов, свергнуть фашистскую диктатуру, добиться путем вооруженной борьбы национальной независимости. Намечалось создать в сельских районах страны, где проживает 80 процентов населения, так называемые базовые зоны, объединяющие все или большинство деревень в единые, активно действующие, преданные делу революции сообщества. Имелось в виду, что постепенно такие зоны будут созданы вокруг всех городов.

Колби по-прежнему молча слушал меня.

— Как только коммунистам удастся переманить на

свою сторону одного жителя деревни, — продолжал я, — они принимаются за двух других, с тем чтобы потом создать из трех человек ячейку Ассоциации освобождения крестьян. Затем этих людей переправляют в специальные потайные места, где знакомят с упрощенным вариантом марксистской теории классовой борьбы. Им внушается мысль о том, что коммунисты выражают интересы бедных слоев населения, что они возглавят массы в борьбе за свержение угнетателей и создадут подлинно народное правительство. Каждому из них дается задание завербовать еще трех членов, и, таким образом, их влияние распространяется подобно раковой опухоли, пока не охватит всех мужчин, женщин и даже детей, пока каждый житель не станет членом какой-либо революционной организации. Местные повстанческие отряды время от времени совершают мелкие террористические акты, с тем чтобы показать способность коммунистов вести вооруженную борьбу с правительством.

Далее я объяснил шефу, что реакция тайландских властей на деятельность коммунистов только создает атмосферу ненависти, выгодную последним. Я наглядно показал Колби, в чем состояла разница между нашим исследованием положения дел в округе и всеми теми программами борьбы с повстанческим движением, которые ранее осуществлялись правительством Таиланда. Свою задачу наша команда видела прежде всего в том, чтобы сорвать покров тайственности с деятельности компартии. Без него оказалось гораздо легче сокрушить коммунистическое движение. Прделанная нами подготовительная работа и последовавшие за ней операции провинциальных органов, судя по всему, позволили полностью нейтрализовать те успехи, которых ранее удалось достигнуть Коммунистической партии Таиланда, и прежде всего разгромить ее организационно. Все шло великолепно. К нам начали непрерывно поступать ценные сведения. Замерло подпольное движение. Будущее казалось прекрасным.

Далее я постарался убедить Колби, что выявленные нами тенденции характерны не только для тех тридцати деревень, которые были охвачены нашей программой, но и для всех других населенных пунктов страны, где имеются коммунистические организации. Правда, была еще одна закономерность, которой я в то время не понимал и о которой поэтому не мог сообщить Колби. Оказалось, что, как только в какой-нибудь деревне удастся вовлечь

ее жителей в прокоммунистические организации, наиболее активных из них начинают готовить к вступлению в компартию и учреждается народная милиция, которая, существуя параллельно с провинциальными органами власти, фактически подменяет их. Со временем некоторые члены милиции уходят в повстанческие вооруженные отряды. Созданные в регионе повстанческие силы вливаются в общенациональное движение. Взяв под свой контроль ряд деревень и обеспечив взаимодействие созданных там организаций, компартия приступает затем к созданию так называемых базовых зон.

Хотя тогда я еще не знал, что компартия уже приступила к осуществлению первых этапов описанного выше плана, мне было ясно, что в Таиланде, так же как и в Южном Вьетнаме, идет интенсивный процесс сплочения всех прокоммунистических сил. Я не преминул напомнить Колби о том, что ни в одном заключении американских разведывательных органов о положении в этой стране не указывалось на расширение коммунистической активности. Вместо этого подчеркивалось, будто в Таиланде насчитывается всего несколько тысяч партизан, деятельность которых ограничена горными районами, что повстанцы не пользуются абсолютно никакой поддержкой населения.

Казалось, Колби был озадачен моими выводами. Впервые я видел его в смятении. Он явно не знал, что мне ответить. Он посмотрел на пол, потом вокруг себя и наконец тихо сказал:

— Получается, что мы все время проигрываем.

Я готовился к поздравлениям, надеялся, что мне прикажут немедленно приступить к такой же работе в других провинциях. Чего я никак не ожидал, так это отсутствия какой-либо реакции вообще. Я был шокирован: я ведь рассказал шефу о своей лучшей операции, а он не смог ничего мне сказать, кроме непонятной фразы: «Получается, что мы все время проигрываем». Что, черт побери, он имел в виду? Уже позднее я понял, что Колби, видимо, думал в тот момент о том, какие последствия могут иметь мои выводы в более широком масштабе.

Целая кавалькада автомобилей сопровождала Колби в аэропорт. Хотя я сидел с шефом в одной машине, я был слишком расстроен и обеспокоен, чтобы участвовать в каком-либо разговоре. Хорошо, что с нами ехал еще один американец, младший офицер, который не умолкал всю дорогу.

В октябре 1967 года меня вызвал к себе глава резидентуры. Почему-то на этот раз обошлось без обычного похлопывания по спине. Джонсон прочел мне полученную из штаб-квартиры бумагу, в которой говорилось о назначении меня начальником отдела в нашей резидентуре на Тайване, то есть того самого отдела, в котором я когда-то работал. Эта новость была для меня полной неожиданностью. Меня выдвигали на руководящую должность, что гарантировало быстрое продвижение по службе и в дальнейшем новые хорошие назначения. Из всех стран, которыми занимался Дальневосточный отдел, Тайвань был самой интересной. Там были хорошая американская школа, прекрасные жилищные условия, высокая зарплата. Одним словом, все было замечательно, кроме одного — я не хотел этого назначения.

Я начал было рассказывать Роду Джонсону о нашей программе, о телеграмме, полученной от исполняющего обязанности главы резидентуры, замещавшего Рода в его отсутствие, о моем согласии продлить контракт еще на два года. Я напомнил ему о той высокой оценке, которую дали моей работе информационное управление ЦРУ и госдепартамент.

Род медленно повертел в руках материалы с отзывами различных ведомств о нашем исследовании. Ему не надо было их читать. Он прекрасно знал, что в каждом из них сказано. Потом, взглянув на меня, сквозь зубы спросил:

— Сколько тебе надо времени, чтобы убраться отсюда?

Я был настолько ошарашен, что не смог сразу ответить на его вопрос, и стал лихорадочно подыскивать причину, которая помогла бы мне избавиться от нового назначения.

— Мы сейчас заканчиваем новое исследование, — все еще пытался я как-то отговориться. — Потребуется несколько недель, чтобы подготовить заключительный отчет. Кроме того, наша команда сейчас работает в очередном округе. Там она будет занята месяца три. Необходимо, чтобы кто-то руководил всем этим делом.

— Кончайте как можно скорее, — отрезал Род. — Чтобы через три недели вас здесь не было.

Я возвращался в провинцию вне себя от гнева. Что же происходит? Как же начальство может допустить, чтобы сворачивали такую программу, как наша? Ведь благодаря ей мы получаем превосходные разведыватель-

ные данные. Она помогает сломить повстанческое движение и в то же время почти ничего нам не стоит. Неужели Колби и начальник резидентуры хотят погубить все дело только из-за того, что получаемые результаты противоречат сложившимся у них ранее мнениям?

Американский консул, часто заходивший ко мне в кабинет, чтобы познакомиться с поступающими сведениями, узнав о моем новом назначении и о решении прекратить работу по нашей программе, несколько раз лично выезжал в Бангкок, пытаясь уговорить Рода изменить решение. Губернатор провинции назвал это решение необоснованным и направил Джонсону несколько телеграмм с просьбой разрешить мне остаться. Больше того, он отказался встретиться с сотрудником, прибывшим мне на замену. Генерал Кердпол также пробовал воздействовать на резидента, и тоже безрезультатно.

В оставшиеся недели я пытался все же разобраться в случившемся. Раскаживая взад-вперед по своему кабинету, я снова и снова вспоминал события последних месяцев, стараясь понять, какое же из них привело к моей отставке. Может быть, я кого-то оскорбил? Ну хорошо, пусть так, но в этом случае надо меня уволить, а программу продолжать. А что, если Колби просто не разобрался в ситуации? Да нет, вряд ли в этом дело. В течение всего предыдущего года мы получали одобряющие отзывы о нашей работе от Дальневосточного отдела штаб-квартиры. Колби не мог не знать о них.

Мучительные раздумья одолевали меня не только днем, но и ночью. Прощальные приемы в мою честь устроили губернатор, командующий военно-полицейской базой, другие американские и тайландские официальные лица. Так получилось, что у меня сложились исключительно дружеские отношения с сотрудниками нашего северо-восточного отделения резидентуры. Мои коллеги поверили в то, что они делают важное и нужное дело. Их неподдельные слезы при расставании меня тронули до глубины души. Как я ни старался, но так и не мог понять, что же произошло. Только много лет спустя я начал догадываться об этом. Наше исследование позволило выявить стратегию и структуру революционного движения в сельских районах Азии. Оно подсказало, какими методами это движение можно сдержать здесь, в Таиланде. Но из полученных нами результатов напрашивался еще один вывод: что во Вьетнаме сдержать коммунистов нам не удастся.

Глава 9. ШТАБ-КВАРТИРА ЦРУ. ПРИВИДЕНИЯ В КОРИДОРАХ

В конце 1967 года я прибыл из Таиланда в штаб-квартиру ЦРУ, чтобы получить назначение на пост начальника нашей резидентуры на Тайване. Однако назначение так и не состоялось. Мне сразу же стало ясно, что все это подстроили Род Джонсон и Дэйв Эббот. Показанный мне в Бангкоке документ с предложением работать на Тайване был всего лишь уловкой, с помощью которой они решили удалить меня из Таиланда. Когда же хитрость не удалась, Род просто приказал мне убраться вон. Столкнувшись с таким обманом, я растерялся еще больше. Пришлось начать хождение по коридорам в поисках нового назначения. Я чувствовал, что мной овладевает апатия. Мне становилось все труднее оправдывать свои прежние идеалистические взгляды на ЦРУ.

Кончилось все тем, что мне предложили место в китайском секторе. Должность не ахти какая, да и сама работа меня мало интересовала. Я уже понял, что все, что мы делаем по Китаю, — это подмена сути видимостью. Но я был слишком деморализован, чтобы отказаться.

Для того чтобы ежедневно заниматься множеством мелочей, связанных с нашей работой по Китаю, требовалось прежде всего терпение. Дела продвигались очень медленно. Приходилось не торопясь переваривать никому не нужную информацию, отправлять ее по инстанции, получать обратно и снова переваривать, делая при этом вид, будто ты увлечен этим нудным занятием. Наконец, надо было яростно защищать свою точку зрения, хотя речь шла о каком-нибудь пустяке. Одним словом, приходилось постоянно притворяться, соблюдая принятые правила игры.

Вместе с еще одним сотрудником мне выделили кабинет, из окна которого был виден развевающийся американский флаг. Имея массу свободного времени, я часто сидел положив ноги на стол и, глядя в окно, размышлял о ЦРУ, моей стране, ее флаге и обо всем, что за этим стоит. Как и многие другие мои коллеги, я порой не знал, куда себя деть. Нередко в кабинетах начинались пустые разговоры, которые напоминали мне беззаботную студенческую болтовню тех лет, когда я учился в нотр-дамском колледже. Иногда дискуссии продолжались в

кафетерии. Эта болтовня прекрасно помогала убить время. Потом наступало время обеда и долгой послеобеденной прогулки вокруг комплекса зданий ЦРУ. На это уходило еще полтора часа.

Каждый раз, когда я проходил по коридорам китайского сектора, мне начинало казаться, что я попал в мертвое царство. По коридорам, как привидения, бесшумно передвигались сотрудники с папками бумаг под мышкой. К обеду жизнь вообще замирала, в отделе оставались лишь секретарши и особо ревностные служаки.

Каждый день приходило по несколько телеграмм и донесений от разбросанных по свету подразделений, занимающихся Китаем. Во многих из них сообщалось о попытках наших оперативных сотрудников выявить всех, кто имеет доступ к китайским официальным лицам, служащим за рубежом. К этому времени мы уже убедились в полной бессмысленности вербовки самих китайских служащих и стали возлагать надежды на получение хоть какой-то информации от людей, вступающих с ними в контакт. Благодаря этой уловке создавалась иллюзия активной и даже успешной деятельности.

Однажды мне было дано задание разработать план вербовки члена одной из китайских дипломатических миссий. И вот, сидя в кресле за тысячу миль от этой миссии, лениво поглядывая в окно на трепещущий флаг, я должен был решить, каким образом установить контакт с конкретным, живым человеком, оценить возможности получения от него интересующей нас информации. Хотя и не очень охотно, но все же я составил свои предложения, которые ушли с дипломатической почтой в резидентуру ЦРУ в той стране. Поскольку я не отличаюсь особенно богатым воображением, то в моем плане было немало изъянов. Как бы то ни было, но заместитель начальника моего сектора серьезно изучал его в течение целой недели, а потом еще столько же план пролежал на столе у начальника сектора. Поскольку всем было очевидно, что план небезупречен, решили его как следует обсудить и внести необходимые исправления. Затем план торжественно передали на рассмотрение заместителю начальника и начальнику отдела. После обычных для таких случаев размышлений и отсрочек те провели серию дискуссий с участием начальника моего сектора. Наконец план вернулся ко мне с указанием учесть сделанные в ходе обсуждений поправки. Переработанный, он снова по тем же каналам был доложен начальнику

отдела, и тот, слава богу, решил, что подходящий момент для вербовки еще не наступил.

Однако были среди нас и такие, которые всю эту мышину возню считали важным вкладом в борьбу с Мао Цзэдуном. В их глазах мы, работники ЦРУ, были «хорошими парнями», преследующими китайских коммунистов, «плохих парней», чтобы сделать из них своих агентов. Мы старались вербовать их везде, где только можно, — в самолетах, на дипломатических переговорах. Только «плохие парни» почему-то не знали, что они — плохие, а мы — хорошие. И каждый раз мы оказывались в дураках...

Проработав некоторое время в китайском секторе, человек начинал чувствовать себя как в заколдованном круге: ходит вокруг одного и того же места, и все без толку. Из года в год то же самое. Снова кто-нибудь изобретал блестящий план вербовки китайских коммунистов, и снова все загорались, в резидентуры летели депеши с требованием претворить родившуюся идею в жизнь. Оперативные работники на местах, стораая от нетерпения, срочно начинали действовать. Проходил год, даже больше, но никаких ощутимых результатов не достигалось, и тогда другой чиновник предлагал другой блестящий план. И все начиналось сначала, потому что новый план, по сути дела, повторял все то, что оказалось несостоятельным несколько лет назад.

С моей точки зрения, деятельность китайского сектора еще более бесплодна, чем считает бывший глава резидентуры Пир де Сильва. В своей книге «ЦРУ и использование разведки» он, в частности, пишет:

«Довольно трудно рассказать о разведывательной работе, которую мы пытаемся вести в Гонконге, городе, расположенном в материковом Китае. Фактически наши успехи ничтожны. Мы много раз пытались что-то сделать, но, как правило, безрезультатно. Нас интересовали больше всего два объекта: строительство уранового завода и завода по производству плутония. Оба находились в центральных провинциях КНР. Надо было выяснить, как продвигается строительство этих важнейших научно-производственных центров, когда они выйдут на проектную мощность, какова эта мощность и чистота получаемого продукта. Ни мне, ни моим предшественникам сделать это не удалось. Кажется, те, кто заменили меня, тоже были не очень удачливы. Только появление в кон-

це 60-х годов спутников позволило получить нужные сведения. Но это все было уже после меня.

В какой-то степени утешало, что не я один не оправдал возлагаемых на меня больших надежд. Для всей нашей резидентуры в целом была характерна низкая результативность. Вести разведку в континентальном Китае с помощью засылаемой туда агентуры оказалось необыкновенно трудно. Конечно, были некоторые успехи, но в целом хвастать было нечем»¹.

Многие сотрудники ЦРУ сделали себе карьеру на Китае. Они были заинтересованы в том, чтобы разведывательные операции в отношении КНР продолжались. Самым опасным в этой игре было то, что этим людям приходилось постоянно поддерживать установившееся мнение, будто Китай является заклятым врагом Соединенных Штатов. Фактически же с начала 70-х годов Китай выступал за сильное НАТО и единую Европу, в чем видел противовес тому, что он называл «советским империализмом». Такая позиция КНР, а также визит Никсона в Пекин создали проблему для тех, кто работал по Китаю. После того как китайские коммунисты поддерживали нашу политику и так гостеприимно принимали американского президента, стало трудно изображать их нашими основными противниками. Однако выход был найден. Решили просто игнорировать факты и делать вид, что ничего не произошло. Приведу несколько примеров.

В середине 70-х годов — я в то время работал в отделе по делам международного коммунизма — мне было поручено проконсультировать нового начальника службы безопасности Европейского отдела по вопросам, связанным с особыми взглядами ряда коммунистических партий, вставших на позиции еврокоммунизма, и об их отношении к Китаю. Поручивший мне это начальник китайского сектора предупредил, что я должен изображать китайских коммунистов нашими противниками, для борьбы с которыми китайский сектор нуждается в поддержке со стороны других подразделений ЦРУ. Я был не единственным, кто консультировал нового начальника. Все наши лекции ему, видимо, изрядно надоели. Он откровенно скучал и ни о чем не спрашивал. Поскольку я только и ждал удобного случая, чтобы уйти в отставку, я постарался нарисовать правдивую картину китай-

¹ Peer de Silva. *Sub Rosa: The CIA and the Uses of Intelligence*. New York Times Books, 1978, p. 193—194.

ской внешней политики. Начальник сразу же оживился и закидал меня вопросами. Позже он просил, чтобы ему дали возможность опять встретиться со мной. Однако это был первый и последний раз, когда мне доверили консультировать по китайским проблемам.

Примерно в те же годы ЦРУ получило документ на сорока страницах, в котором излагалось содержание бесед высокопоставленных китайских официальных лиц с одним из очень авторитетных и уважаемых руководителей дружественной нам страны. В нем раскрывались основные направления долговременной политики КНР в отношении двух континентов, а также те конкретные шаги, которые китайцы предполагали предпринять в самое ближайшее время в отношении некоторых стран. Получив этот документ, я с удивлением обнаружил на нем резолюцию, из которой явствовало, что китайский сектор не проявил ни малейшей заинтересованности в том, чтобы ознакомить с ним как можно более широкий круг лиц. Недоумевая, я возвратил документ в китайский сектор, надеясь, что там пересмотрят свое решение. Несколько недель спустя бумаги снова вернулись ко мне, но и на этот раз наши китайцы не пожелали их размножить. Документ содержал важные сведения о внешнеполитических планах Китая. Такого рода информация, да еще когда речь идет о такой стране, как Китай, крайне ценится, и добыть ее чрезвычайно трудно. В чем же дело? А в том, что, как показывал документ, китайские лидеры планировали проведение очень ответственной, сдержанной политики. Выдвигаемые при этом ими цели во многом совпадали с нашими собственными. Поэтому в китайском секторе сообразили, что, если документ будет размножен и с ним ознакомится широкий круг ответственных работников, некоторые из них начнут выражать сомнения по поводу требований ЦРУ считать континентальный Китай одним из основных объектов разведывательной деятельности.

Для ряда офицеров ЦРУ было очень выгодно, чтобы Китай продолжали рассматривать как главного противника Соединенных Штатов. От этого зависели их продвижения, зарубежные командировки, назначения на работу в различные страны мира. Однажды в разгар невыносимо жаркого вашингтонского лета нам стало известно, что представитель КНР примет участие в одной из международных конференций, которая должна была состояться на очень дорогом приморском курорте. Решено

было послать туда нашего сотрудника, чтобы он попытался завербовать этого китайца. Выбор пал на сотрудницу. И вот она отправляется в это чудесное место, где проводит время около бассейна, в роскошном отеле, обедает в лучших ресторанах, периодически появляется там, где, как считается, можно встретить китайского делегата, чтобы иметь возможность быть ему представленной и завязать с ним контакты. После нескольких недель бесплодных попыток сотрудница вернулась в вашингтонское пекло.

В Вашингтоне первое время я пробовал довести до конца начатое мною в Таиланде дело. Напросившись на прием к заменившему Колби новому начальнику Дальневосточного отдела Уильяму Нельсону, я попытался объяснить ему суть тех выводов, к которым пришла наша команда в Таиланде. Я думал, что Нельсон, как новый в отделе человек, еще не ознакомился с нашим исследованием. Подготовив обзорный меморандум, я направил его по официальным каналам в Дальневосточный отдел. Через некоторое время он вернулся ко мне с революцией, в которой было сказано, что вопросы, связанные с Таиландом, лежат за пределами моей сферы деятельности.

Тогда я обратился в существующий при ЦРУ особый комитет, присуждающий награды сотрудникам за особо выдающиеся достижения в работе или особо ценные предложения, которые нашли применение в масштабе всего управления. Согласно уставу в комитет имеет право обратиться любой сотрудник, и, если его предложение принимается, он может рассчитывать на материальное или моральное вознаграждение. Я встретился с председателем комитета, и тот посоветовал мне направить официальную заявку в действующий в рамках комитета особый совет, в функцию которого входит рассмотрение предложений, касающихся проведения подрывных операций.

Так я и сделал. В поданной мною заявке была подробно описана вся технология нашего исследования, указано, что как американские, так и тайландские официальные органы высоко оценили результаты работы нашей команды. Совет направил мое предложение в Дальневосточный отдел, который немедленно его отверг. Мне трудно было поверить в то, что программа, позволившая при небольших расходах нанести существенный урон повстанческому движению и собрать ценную разведыва-

тельную информацию, не получила поддержки. Я написал новую, более подробную заявку, приложив к ней разведывательные дописания, составленные на основе полученных в ходе выполнения программы данных.

Несколько недель спустя меня попросил зайти начальник тайландского сектора, которого условно назовем Бартом. Я знал его еще по Таиланду. Барт всегда казался мне идеальным сотрудником разведки. Это был очень доступный, естественный в обращении человек. При этом он довольно быстро продвигался по службе, был трудолюбив и имел хорошие перспективы. (Позднее я узнал, что, когда в управлении хотят сообщить сотруднику какую-нибудь плохую новость, эту неприятную миссию поручают обычно руководителю, пользующемуся наибольшим уважением у коллег).

Барт был один в своем кабинете. Он пригласил меня сесть, и начался непринужденный светский разговор. Однако я видел, что Барт не в своей тарелке.

— Ты знаешь, Ральф, — неуверенно начал он, — у нашего отдела возникли проблемы из-за твоей заявки.

Это было для меня новостью. Я вовсе не собирался создавать никаких проблем. Наоборот, я хотел помочь отделу, управлению, стране, наконец.

— Наш шеф Нельсон страшно расстроен тем, что ты нарушил принятые правила и пошел не по инстанции, а в обход собственного отдела.

«Боже мой! — подумал я. — Мы разработали высокоэффективную программу борьбы с повстанческим движением. Я хочу, чтобы ее использовали как можно шире в интересах дела, и вот что из этого получается».

Барт, чувствуя себя явно неловко, добавил:

— Нельсон просил сказать тебе, что такое поведение помешает твоему продвижению.

Глядя на меня, Барт ждал, какой будет моя реакция. А я в свою очередь смотрел на него и не верил своим ушам. Мои мысли смешались, и я с трудом выдавил:

— Я думал, что помогаю своему отделу. Ты же знаешь, каких хороших результатов мы добились.

Барт что-то мне отвечал, но я уже не слушал. Мои мысли были далеко. Я попытался было доказывать свою правоту, но у меня ничего не вышло. Я молча повернулся и вышел.

С этого дня началось мое пробуждение. Теперь я уже не верил, что руководство ЦРУ пытается всерьез разобраться в причинах роста коммунистического движения в

Таиланде. Наша программа отвечала всем предъявляемым к такого рода программам требованиям. По принятой в ЦРУ шкале оценок она была просто отличной. В нашем заключительном отчете не был нарушен ни один из главных принципов составления разведывательных донесений. Все приведенные в нем факты были неоднократно проверены, сопоставлены с другими и проанализированы. В нем содержались убедительные доказательства того, что ЦРУ допускало серьезные ошибки в оценке характера коммунистической угрозы в Таиланде. (Сейчас я уверен, что многие высокопоставленные сотрудники ЦРУ уже тогда правильно оценивали обстановку.) И вот начальник отдела не признает важности проведенной нами операции, отказывается считаться с полученной благодаря ей информацией. Больше того, мне, ее инициатору, грозят испортить карьеру. Что же я такого сделал? Я знал, что некоторые мои коллеги и вправду пытались использовать комитет по предложениям, чтобы чего-то добиться, действуя через голову своих непосредственных начальников. Но лично у меня таких мыслей не было и в помине. Обращаясь в комитет, я хватался за соломинку. Ничего другого мне просто не оставалось.

Все последующие месяцы я обдумывал сложившуюся ситуацию, пытаюсь понять, что же все-таки случилось. А тем временем резко осложнилась обстановка во Вьетнаме. Мне было известно, что многие тайландские коммунисты изучали принципы организации коммунистического движения именно на примере Северного Вьетнама. В то же время я заметил, что ни в одном документе ЦРУ ничего не говорилось о существовании во Вьетнаме массовых гражданских организаций, подобных тем, деятельность которых я наблюдал в Таиланде. Именно на них опирались тайландские повстанцы. Я не сомневался, что то же самое происходило теперь и во Вьетнаме. Я просмотрел в библиотеке управления всю литературу о Вьетнаме. Ознакомился с работами, имевшимися в других библиотеках. В некоторых из них встречалось упоминание о массовых движениях, но число их участников намного занижалось. Я был почти уверен, что в материалах, анализирующих положение во Вьетнаме, содержались те же ошибки, что и в отчетах о событиях в Таиланде, поскольку как те, так и другие составлялись на основе одной и той же ошибочной методологии. На мой взгляд, во Вьетнаме необходимо бы-

ло осуществить такую же программу сбора разведывательной информации, какую ранее мы реализовали в Таиланде. Лишь гораздо позднее мне стало ясно, почему руководители ЦРУ упорно отказывались от предложений такого рода. В отличие от меня они уже тогда понимали, что любые точные сведения покажут: во Вьетнаме победить нельзя. Как бы то ни было, но я не мог спокойно сидеть в Лэнгли, наблюдая, как мы терпим поражение. Я все еще был ярым антикоммунистом и полагал, что мы ведем борьбу с нашим врагом неправильно.

Поэтому однажды вечером я осторожно спросил Норму, не будет ли у нее каких-либо серьезных возражений против того, чтобы мне попроситься во Вьетнам. Она с детьми должна была остаться в США, поскольку в такого рода командировки направляли без семьи. Оказалось, жена давно поняла мое состояние и ожидала подобного разговора. Она знала, что я не успокоюсь, пока не попаду в Индокитай, и ей пришлось со мной согласиться.

Я немедленно встретился с начальником вьетнамского сектора и сообщил ему о своем желании. Он был в восторге, но предупредил, что ему необходимо обговорить этот вопрос с коллегами из китайского сектора. В те годы было не очень-то много желающих работать во Вьетнаме и ЦРУ приходилось посылать туда людей в приказном порядке. Я надеялся, что никаких проблем с моим назначением не возникнет.

А в это время с неожиданной просьбой ко мне обратились преподаватели из учебного отдела. Работая над подготовкой курса о противоповстанческих операциях, они наткнулись на мои предложения, находившиеся в наградном комитете. Им очень понравились содержащиеся в нем идеи, они даже заявили, что впервые видят разумный план борьбы с повстанческим движением. Особенно интересными, имеющими прямое отношение к стоящим перед ЦРУ задачам они нашли методы, которые использовались нами при осуществлении программы. Было решено, что обучение этим методам станет основным содержанием курса. По просьбе начальника учебного отдела я несколько раз ездил в Камп-Пири, где обсуждал со студентами и преподавателями методологию нашей работы в Таиланде, которую они окрестили «методами Макгихи». Казалось, теперь-то Дальневосточный отдел должен проявить к этому какой-то интерес. Но не тут-то было.

Через два месяца после того, как я обратился с просьбой командировать меня во Вьетнам, мне было сказано, что китайский сектор готов меня отпустить и что мне следует как можно скорее приступить к работе во вьетнамском секторе. Я сразу почувствовал большое облегчение. Накопец-то кончились мои никчемные занятия. Теперь я мог отправиться за океан, чтобы внести свой вклад в общее дело. Правда, мой прошлый опыт меня настораживал, но я всячески старался убедить себя: то, что произошло со мной в Таиланде и Лэнгли, во Вьетнаме не повторится. Возмущаясь отказом руководства ЦРУ реально оценить положение с повстанческим движением в Таиланде, я не догадывался, что во Вьетнаме мне придется столкнуться с еще большим нежеланием смотреть правде в глаза.

Глава 10. ЦРУ ВО ВЬЕТНАМЕ. КАК ИСКАЖАЮТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Я летел в Сайгон в разношерстной компании американских гражданских лиц и военнослужащих. Поскольку для всех нас это была служебная командировка, нам полагался бесплатный проезд. Зато мы были вынуждены разместиться в туристском классе, где приходилось в течение многих часов сидеть с поджатыми под себя ногами. Нас было много, и стюардессы не обращали на нас внимания. К концу рейса у меня разболелась печень.

В Сайгон я прибыл в октябре 1968 года, через несколько месяцев после знаменитого наступления вьетконговцев¹, предпринятого в канун праздника Тэт², во время которого они захватили некоторые районы столицы и даже территорию американского посольства. В аэропорту Тансонхат меня встречал вьетнамец, служащий нашей резидентуры, державший в руках плакатик с моей фамилией. Мы сразу нашли друг друга, и он быстро провел меня через таможню. Вырвавшись из привокзальной сутолоки, мы направились в арендуемый ЦРУ отель «Дюк», расположенный неподалеку от президентского дворца. Мне объяснили, что по утрам между отелем и американ-

¹ Вьетконг — сокращенное производное от «вьетнам конгшан» (вьетнамские коммунисты). Этим термином на Западе обозначали силы национального освобождения Вьетнама.

² Тэт — вьетнамский новый год, высчитываемый по лунному календарю. Считается началом весны.

ским посольством курсирует автобус, а также дали имя и телефон служащего, которому я должен позвонить.

Остаток дня я использовал для прогулки по городу. Впервые я приезжал в Сайгон в 1960 году, еще до наплыва американских военных советников. Тогда южновьетнамская столица показалась мне очень мирным, спокойным городом, с широкими бульварами и тихими улицами, по которым бесшумно сновали трехколесные автомашины и велосипеды. Среди велосипедистов было много женщин, одетых в свободно развевающиеся, расклепанные книзу блузы, именуемые аодой, и сатиновые брючки. Красота города, его цветочные рынки, экзотические ароматы вьетнамских приправ создавали какую-то особую атмосферу очарования и грациозности.

Контраст между Сайгоном 1960 года и Сайгоном нынешним был поразителен. По улицам с пугающей скоростью мчались военные грузовики и джипы с неопытно одетыми американскими солдатами, трещали мотоциклы и древние, разваливающиеся на ходу автомобили неизвестных марок, пронеслись юркие современные японские машины. Желая подойти поближе к президентскому дворцу, я попытался быстро перейти улицу Хонгтацту, но был вынужден повернуть назад, столкнувшись с двумя раздраженными вьетнамскими солдатами, яростно размахивавшими автоматами. Только тут я заметил, что на широком тротуаре, проложенном вдоль массивной ограды дворца, нет ни одного пешехода.

Над площадью, служившей началом улицы Ту До, возвышался католический храм. Сама улица была забита американскими и вьетнамскими солдатами. Все смешалось в лихорадочной гонке. Воздух, казалось, был насыщен не только выхлопными газами автомашин, но и какой-то взаимной ненавистью людей. На улице Ту До теперь было полно баров, финских бань с элегантными и опытными массажистками, готовыми выполнить любое желание гостя, лавочек с массой безделушек. Все эти заведения обслуживали исключительно американских солдат. В барах, на открытых верандах терпеливо сидели усталые девушки, приглашая прохожих отведать «счастья». Толпились нищие. Молодой вьетнамец спекулировал валютой. Другой открыто торговал наркотиками. Из баров вырывались оглушительные звуки рок-н-ролла. Усиливая уличный шум, они давили на психику людей. Невольно закрадывалась мысль: а правильно ли я сделал, приехав сюда? Не город, а Содом и Гоморра.

Возвращаясь по ведущей к зоопарку улице Хайбатрапг, я заметил группу демонстрантов, в основном молодежи, разбегавшихся во все стороны от вьетнамской полиции, которая забрасывала их гранатами со слезоточивыми газами. Немного дальше виднелось американское посольство, огороженное по меньшей мере четырехметровой железобетонной стеной с орудийными башнями, способными вести круговой обстрел. На крыше посольства была устроена взлетно-посадочная площадка для вертолетов. Само здание закрывала железобетонная раковина, защищавшая его от прямого артиллерийского и ракетного обстрела. Казалось, передо мной средневековая крепость. Для полного сходства не хватало только наполненного водой рва и перекидного моста.

Гуляя по зоопарку, я невольно услышал разговор, от которого сразу улетучилось настроение безмятежности, навеянное зеленью парка.

— Во времена Нго Динь Зьема подвалы главного корпуса зоопарка, — шепнул один молодой американский солдат другому, — использовались как тюрьма для политических заключенных и место пыток.

Впоследствии я узнал, что солдат говорил правду.

На следующий день я явился в резидентуру доложить о своем прибытии. Она размещалась в нескольких сборных домиках из гофрированного железа, возведенных на территории посольства. Однако в них находились лишь второстепенные службы управления. «Сливки» американской разведки занимали кабинеты в трех верхних этажах главного здания посольства. Меня зачислили в резерв, объяснив, что из-за постоянной смены кадров весь личный состав, кроме самых ответственных сотрудников, комплектовался из числа призванных на военную службу. Прежде чем получить назначение, я и другие прибывшие во Вьетнам сотрудники должны были прослушать цикл лекций, организованных для нас резидентурой и другими американскими службами, и прежде всего Командованием гражданскими операциями и развитием сельских районов (КГОРСР), созданным для объединения усилий ряда американских и вьетнамских организаций по «усмирению» городского и сельского населения Южного Вьетнама. С американской стороны в КГОРСР были представлены ЦРУ, госдепартамент, ЮСИС и ряд военных ведомств. Все кадровые служащие оставались при этом в штате тех организаций, которые делегировали их на временную работу в созданном на скорую руку

КГОРСР. Замечу, что, как это вообще было типично для Вьетнама, в реальной жизни деятельность КГОРСР выглядела не так, как значилось в отчетах.

На лекциях речь шла в основном о страшно запутанной организационной структуре командования. ЦРУ имело во Вьетнаме более семисот разбросанных по всей стране сотрудников, которые руководили действиями десяти тысяч наемных служащих. Структура руководства сил, подчиненных резидентуре, была такой же, как у вьетнамских разведывательных органов и как у аппарата военной разведки при американских войсках в Южном Вьетнаме.

Вся страна была разделена на четыре военных округа (нумерация шла с севера на юг). Город Сайгон и провинция Зядинь как особо важный стратегический район были выделены в отдельный, пятый округ.

Прослушанные в резидентуре лекции о положении в Южном Вьетнаме подтвердили мои худшие опасения. Выступавшие перед нами сотрудники говорили только об отрядах вооруженных вьетконговцев, о медленно увеличивающейся регулярной армии Северного Вьетнама и лишь мельком упоминали о «некоторых компонентах коммунистической инфраструктуры», например о сборщиках налогов или отдельных партийных функционерах, которые с помощью террора заставляют население сотрудничать с компартией. Абсолютно ничего не говорилось о таких массовых организациях, как Ассоциация крестьян за освобождение Южного Вьетнама и Ассоциация женщин за освобождение Южного Вьетнама, а также коммунистические организации молодежи, которые в отдельных районах страны охватывали чуть ли не все население.

Чем больше лекторов выступало, тем сильнее охватывало меня разочарование. Еще в Вашингтоне я приобрел книгу «Вьетконг» Дугласа Пайка — ведущего авторитета в американском правительстве по Южному Вьетнаму, в которой подробно описывалась структура крестьянских, женских и молодежных организаций, а также их деятельность. Однако автор чудовищно занижал численность этих организаций, являвшихся, по существу, прикрытием для коммунистов. Но он хотя бы признавал их существование, в то время как резидентура ЦРУ во Вьетнаме вообще их не замечала. Довольно подробно рассматривалась структура организаций, посредством которых коммунисты влияли на широкие слои населения, в работе М. Ч. Конли «Инфраструктура коммунистических повстанческих

сил в Южном Вьетнаме», написанной по заказу министерства обороны США и при содействии американского университета в Сайгоне. Хотя на Конли, безусловно, оказывалось сильнейшее давление, с тем чтобы он уменьшил масштабы коммунистического движения в Южном Вьетнаме, тем не менее он указал, что число его участников превышает миллион человек. Ни в одном из документов ЦРУ не приводились такие цифры.

Например, сотрудники ЦРУ уверяли нас на лекциях, что в Южном Вьетнаме действует всего лишь несколько тысяч вооруженных северо- и южновьетнамских коммунистов, да и те полностью деморализованы теми потерями, которые они понесли в ходе своего январского наступления 1968 года. Конечно, эти цифры не отражали реального положения вещей. Возникает вопрос: для чего же руководителям американской политики понадобилось так искажать действительность? А для того, чтобы убедить американскую общественность в том, что в Южном Вьетнаме ничтожное коммунистическое меньшинство пытается свергнуть демократическое правительство Нгуен Ван Тхиеу, поддерживаемое подавляющим большинством граждан страны.

Как мне стало известно позднее, на самом деле ситуация складывалась совершенно иная: США подпирали олигархический режим Тхиеу, против которого выступало южновьетнамское население, причем значительная часть населения входила в коммунистические организации и была предана делу коммунизма. Но американские политики лгали не только относительно числа членов контролируемых коммунистами организаций. Ни американский народ, ни выступавшие с лекциями официальные лица ничего не знали о масштабах подрывных операций, осуществляемых ЦРУ с 1954 года. Эти трагические страницы в истории Вьетнама стали известны только после публикации секретных документов Пентагона. Много лет спустя, работая над этой книгой, я понял, насколько широко использовало ЦРУ во Вьетнаме подрывные методы и как много лжи о вьетнамской войне оно распространило.

Война, как таковая, началась в Индокитае еще в 1858 году, когда французы оккупировали и колонизировали страны этого региона. Используя вьетнамских помещиков как марионеток, Франция превратила Вьетнам в рынок для сбыта по повышенным ценам своих товаров и одновременно в источник дешевой рабочей силы и сырья. В те времена примерно 90 процентов населения жило в

сельских районах и занималось сельским хозяйством. Колонизаторы приняли законы, позволившие им конфисковать принадлежавшую крестьянам землю, оставив многих из них без средств к существованию. Основанная в 1930 году Коммунистическая партия Индокитая поставила перед собой задачу освободить страну от французского господства. Позднее, в 1951 году, она превратилась в Партию трудящихся Вьетнама, во главе которой встал Хо Ши Мин. В своей первой программе, принятой в 1930 году, компартия Индокитая обещала «ликвидировать феодальные элементы (то есть тех вьетнамцев, которые сотрудничали с Францией), отдать землю тем, кто ее обрабатывает, покончить с империализмом, добиться полной независимости Индокитая».

В 30-е годы в компартии неоднократно разгоралась внутренняя борьба по вопросу о методах борьбы с французами. Кроме того, большой урон нанесли ей суровые репрессии французской полиции.

В сентябре 1939 года в Европе разразилась вторая мировая война, а ровно год спустя во Вьетнам вторглись японские войска. Все годы войны Япония осуществляла контроль над вьетнамскими портами и аэродромами, позволяя Франции сохранить управление сельскими районами страны. Такое «разделение труда» продолжалось вплоть до 1945 года. Только за несколько месяцев до окончания войны Япония захватила всю территорию Вьетнама.

Вторая мировая война стала решающим этапом в той борьбе, которую вели Хо Ши Мин и его сторонники. В 1941 году Хо Ши Мин вернулся из Китая, где был свидетелем попыток Мао Цзэдуна поднять крестьян на борьбу за свержение Чан Кайши. Сразу же по возвращении на родину Хо Ши Мин создал Национальный патриотический фронт Вьетнама, который развернул борьбу с японскими и французскими захватчиками. Главным пунктом программы Хо Ши Мина было требование конфискации земель, принадлежащих французам и их вьетнамским марионеткам, и передачи их крестьянам. Благодаря антиимпериалистическому характеру программы и обещанию провести в стране земельную реформу Национальный патриотический фронт Вьетнама превратился в целеустремленную массовую политическую организацию, а ее руководитель Хо Ши Мин стал единственным общепризнанным лидером страны.

В годы второй мировой войны Управление стратеги-

ческих служб США (УСС), предшественник ЦРУ, признавало влияние Хо Ши Мина и обращалось к нему за помощью в деле розыска сбитых в боях американских пилотов. Между УСС и Национальным патриотическим фронтом Вьетнама установилось сотрудничество в военных вопросах. Соединенные Штаты даже передали Хо Ши Мину пять тысяч единиц вооружения с боеприпасами, а также помогли организовать обучение военному делу его партизан, с тем чтобы разрозненные отряды могли объединиться в одну регулярную армию. После капитуляции Японии в августе 1945 года войска Хо Ши Мина заняли Ханой и ряд других городов страны. Была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам. На несколько недель Вьетнам впервые за последние десятилетия своей истории оказался свободным от иностранного господства. При этом Хо Ши Мин контролировал не только Север, но и Юг страны.

Однако Франция тут же предприняла ряд попыток свергнуть правительство Хо Ши Мина и восстановить колониальные порядки. Объявив в стране монархию, французские колонизаторы посадили на престол марионетку Бао Дая и стали с помощью военной силы навязывать Вьетнаму свою волю. Вначале США отрицательно реагировали на такие действия Франции, вызвавшие возмущение мировой общественности. Однако потеря Китая, разразившаяся война в Корее и, наконец, явное падение влияния Франции в Индокитае заставили американских руководителей изменить свою политику в этом регионе. Война, которую развязали французы во Вьетнаме, теперь воспринималась как составная часть всеобщей борьбы с коммунизмом. Поэтому начиная с 1954 года США начали оказывать Франции прямую военную помощь.

Через несколько месяцев после поражения французской армии под Дьенбьенфу в Женеве собралось международное совещание, которое должно было выработать условия мирного соглашения по Вьетнаму. Достигнутые в июле соглашения предусматривали прекращение огня и проведение по 17-й параллели временной демаркационной линии, разделившей страну на две части. Каждой конфликтующей стороне давалось триста дней на то, чтобы отвести войска в свою зону. Север оказался под властью коммунистов, Юг — в руках императора Бао Дая. Предполагалось проведение в стране 26 июля 1956 года всеобщих выборов, которые должны были создать условия для объединения страны. Однако пришедший к власти

Нго Динь Зьем при поддержке американцев сорвал проведение таких выборов.

К этому времени американские руководители пришли к выводу, что Франция потеряла волю к борьбе во Вьетнаме, и начали разрабатывать собственные планы. Согласно им США должны были взять на себя в Индокитае ту миссию, от которой отказалась Французская Республика. Окончательное решение по этому вопросу было выработано 20 августа 1954 года на заседании Совета национальной безопасности. В принятом на нем меморандуме № 5429/2, в частности, говорилось, что США должны «отстранить Францию от руководства на всех административных уровнях, объединить проведение земельной реформы с расселением беженцев... В дальнейшем оказывать помощь не через Францию, а непосредственно самим вьетнамцам... Зьем должен расширить социальную базу своего правительства, провести выборы в национальное собрание, разработать проект конституции и с помощью легальных методов добиться свержения Бао Дая»¹.

Сразу после принятия такого решения характер деятельности ЦРУ во Вьетнаме резко изменился. Теперь Нго Динь Зьем изображался как выдающийся политик, призванный спасти страну от коммунизма. Чтобы иллюзорные надежды стали реальностью, управление предприняло ряд операций, в результате которых Южный Вьетнам превратился в полицейское государство. ЦРУ пыталось заставить южновьетнамцев примириться с правлением Зьема.

Выбор Зьема казался более чем странным. С 1950 по 1953 год, то есть в то самое время, когда Хо Ши Мин и его отряды вели борьбу с французскими колонизаторами, завоевывая тем самым симпатии соотечественников, маленький щеголь Нго Динь Зьем вел холостяцкий образ жизни в Соединенных Штатах. Только в середине 1954 года Нго Динь Зьем прибыл во Вьетнам, где его встречал сам полковник Эдвард Лэнсдейл — руководитель военной разведки при американских войсках в Южном Вьетнаме. Почти все социальные слои Вьетнама выступили против навязываемого им лидера. Противодействие ему оказали не только сторонники императора Бао Дая, но и профранцузски настроенные религиозные секты, буддисты, остатки националистических организаций и, ко-

¹ Gravel M. The Pentagon Papers. Beacon Press, Boston, 1971, vol. 1, p. 204.

печно, сторонники Хо Ши Мина. Поначалу у Нго Динь Зьема не было ни войска, ни полиции, ни правительства — вообще ничего, что могло бы помочь ему утвердить свою власть. Зато он пользовался безоговорочной поддержкой полковника Лэнсдейла, предоставившего новоиспеченному вождю американские деньги, оружие, людей, советников и пропагандистов — все, чем располагало ЦРУ для осуществления своих подрывных операций.

Чтобы помочь Нго Динь Зьему сформировать правительство, агенты ЦРУ подстроили так, что проживавшие в Северном Вьетнаме католики стали в массовом порядке перебираться в Южный Вьетнам. Туда же устремились солдаты и офицеры бывших вьетнамских частей, сформированных в свое время французами. Вся хитрость заключалась в том, что личный состав этих подразделений состоял в основном из вьетнамцев католического вероисповедания. Уговаривая вьетнамских католиков эмигрировать в Южный Вьетнам, агенты ЦРУ обещали им помощь в устройстве на новом месте. А чтобы подтолкнуть их на этот шаг, Центральное разведывательное управление начало распространять фальшивые листовки с текстами, которые выдавались за программу нового правительства Национального патриотического фронта Вьетнама.

С появлением пропагандистских листовок поток эмигрантов увеличился втрое. Не без помощи агентов ЦРУ появились жуткие рассказы о том, как подразделения китайских коммунистов якобы уничтожают вьетнамские деревни. Все это должно было подтвердить и без того существовавшие среди части вьетнамцев опасения, что в случае победы Национального патриотического фронта стране угрожает китайская оккупация. Среди сфабрикованных ЦРУ материалов были и брошюры с изображением тех разрушений, которые грозят Ханюю и другим городам Северного Вьетнама, если США решат использовать в борьбе против коммунистов атомное оружие. Наконец, было объявлено, что всем желающим уехать на Юг в течение трехсот дней будет предоставлена возможность бесплатного проезда. Для этого использовались самолеты принадлежащей ЦРУ авиакомпании «Сивил эр транспорт» и корабли американского военно-морского флота. Таким образом удалось запугать или соблазнить почти миллион северовьетнамцев.

Среди тех, кто организовывал бегство вьетнамцев на Юг, был лейтенант Том Дули, служивший в одном из подразделений ВМФ, действовавших в районе порта Хай-

фон. Однажды, например, он организовал митинг, в котором приняло участие тридцать пять тысяч католиков, потребовавших эвакуировать их на Юг страны. Военный врач по профессии, Дули оказался великолепным пропагандистом, работавшим главным образом на американскую аудиторию. Он был автором трех бестселлеров, множества журнальных и газетных статей. Именно Дули состряпал все ужасные истории о том, как коммунисты якобы вспарывали животы беременным женщинам, о священнике, которого били бамбуковыми палками, о детях, которым загоняли в уши бамбуковые палочки для еды, чтобы они не могли услышать слово божье. Все эти выдумки вызывали страх и негодование американской общественности. Дули был разоблачен только в 1979 году в ходе проведенного римской католической церковью расследования, когда были выявлены связи этого пропагандиста с ЦРУ.

Как бы то ни было, но уловки Центрального разведывательного управления сработали. Под влиянием состряпанной им пропаганды многие северовьетнамские католики бежали на Юг страны. Эта пропаганда позволила обмануть и американский народ, заставила его поверить в то, что поток бегущих из контролируемых Национальным патриотическим фронтом районов людей свидетельствует о нежелании большинства вьетнамцев жить в условиях коммунистического режима.

Итак, занавес поднят, представление можно начинать. Теперь надо было убедить мировую общественность в том, что коммунистический Северный Вьетнам совершает агрессию против принадлежащего к свободному миру Южного Вьетнама, и тем самым оправдать американское вмешательство. ЦРУ получило указание всячески пропагандировать эту мысль, а главное, с помощью тайных подрывных операций превратить иллюзию в реальность. Таким образом, управление от сбора разведывательных данных почти полностью перешло к пропагандистско-подрывной деятельности, став орудием лжи, призванным ввести в заблуждение простых американцев и правительственную бюрократию. К сожалению, почти все, включая многих политических деятелей, поверили в эту большую ложь ЦРУ. Нет такого документа, в котором бы полностью излагался план действий американских разведывательных органов во Вьетнаме. Однако опубликованные в 1971 году секретные документы Пентагона, некото-

рые другие материалы свидетельствуют о том, что такой план действительно существовал.

Итак, Соединенные Штаты сделали ставку на Нго Динь Зьема. Американские военные советники начали обучение и вооружение его армии. ЦРУ занималось в основном вопросами формирования правительства и полиции.

Созданная на Филиппинах полковником Лэндсдейлом частная филантропическая организация «Фридом компани» была использована как прикрытие для отправки в Индокитай филиппинских специалистов, которые занялись обучением дворцовой гвардии Нго Динь Зьема, формированием легиона вьетнамских ветеранов, помогали составлению новой конституции и подбору перспективных кадров, которые можно было бы использовать в ходе выполнения намеченных новым правительством программ работы с прибывающими северовьетнамцами.

Летом 1954 года Сайгон и его окрестности контролировались двумя профранцузскими религиозными сектами и одной уголовной бандой. США начали с того, что прекратили финансовую помощь французам и стали передавать деньги непосредственно вьетнамцам в лице Нго Динь Зьема. Лидеров сект либо подкупали, либо, если взятка не срабатывала, убивали. Банда, попытавшаяся оказать вооруженное сопротивление, была быстро уничтожена частями регулярной армии Нго Динь Зьема, который, таким образом, захватил полный контроль над столицей Южного Вьетнама.

Далее ЦРУ постаралось, чтобы материалы о победе Нго Динь Зьема попали в американские средства массовой информации, чтобы история о южновьетнамском «чуде» облетела весь мир. Была составлена «специальная национальная разведывательная оценка»¹, в которой полностью искажалась картина происходящего. «Нго Динь Зьем достиг успеха, — говорилось в этом документе, — опираясь в основном на собственные силы и действуя по собственной инициативе».

С помощью фальсифицированных выборов удалось довольно быстро избавиться от императора Бао Дая. По официальным данным, за Нго Динь Зьема проголосовало 98 процентов избирателей.

¹ «Национальная разведывательная оценка» — разведывательный доклад высшего уровня и качества, в котором содержится как краткосрочный, так и долгосрочный прогноз развития той или иной страны.

После возвращения Нго Динь Зьема в Сайгон потребовалось лишь немногим больше года, чтобы в этой буддистской стране окончательно утвердился режим премьера-католика, были созданы укомплектованные католиками армия и полиция. В 1956 году поддерживаемый США Нго Динь Зьем отказался от проведения предусмотренных Женевскими соглашениями выборов, в результате которых должно было произойти объединение Севера и Юга. Он знал, что на этих выборах победит Хо Ши Мин и тогда во главе единого Вьетнама станут коммунисты. Даже президент Эйзенхауэр признавал, что, «с каким бы специалистом по Индокитаю я ни советовался, все признавали... что 80 процентов населения Вьетнама отдадут свои голоса коммунистам и их лидеру Хо Ши Мину»¹.

Установив господство военного режима Нго Динь Зьема в столице, ЦРУ начало распространять его власть и на сельские районы страны. Вот тут-то и пригодились кадры, вывезенные с Севера. Созданный в деревнях по предложению полковника Лэндсдейла корпус самообороны был укомплектован беженцами из Северного Вьетнама, которых вооружили и посадили на земли, выделенные им в связи с законом о земельной реформе. Позднее корпус был переименован в «народные силы».

В соответствии с другой программой ЦРУ нанимало северовьетнамцев с университетским образованием для проведения переписи населения. Однако очень скоро переписчики забросили свои анкеты и занялись исключительно сбором разведывательных данных о коммунистах.

Для осуществления полицейского контроля над сельскими районами ЦРУ совместно с бригадами специалистов из Мичиганского университета организовало и обучило 50-тысячный корпус гражданской гвардии. Согласно «национальной разведывательной оценке» ЦРУ № 53/56 в задачу этих формирований входили охрана порядка и соблюдение законности, сбор разведывательных данных и проведение противоповстанческих операций в провинциях, оккупированных подразделениями регулярной армии.

Чтобы укрепить политическое влияние Нго Динь Зьема, ЦРУ помогло ему создать партию Кэн Лао. Руководителем этой партии стал его брат Нго Динь Ню. От

¹ Eisenhower D. D. Mandate for Change: 1953—1956. Doubleday and Company, Inc., N.Y., 1963, p. 372.

каждого члена новой партии, какое бы положение он в ней ни занимал, требовалось быть информатором, заниматься сбором разведывательных данных. Как и все другие детища ЦРУ, партия Кэн Лао сконцентрировала свои основные усилия на выполнении полицейских функций, борьбе с проявлениями нелояльности к новому правительству.

Важным звеном во всей созданной ЦРУ системе разведки и борьбы с повстанческой деятельностью было вызывавшее всеобщий ужас Вьетнамское бюро расследования. Население сельских районов, главным образом буддисты, считало режим Нго Динь Зьема несправедливым и оказывало ему сопротивление. Бесконечные полицейские операции против недовольных заставляли все большее и большее число крестьян вступать в коммунистические организации. Для многих это стало единственной возможностью выжить. В ответ на это Нго Динь Зьем принимал еще более суровые законы, согласно которым любая критика правительства или распространение слухов расценивались как преступление, наказуемое смертью. В своей книге «Последние размышления о войне» Бернард Фолл пишет: «В мае 1959 года южновьетнамский режим одобрил закон № 10/59, предусматривающий создание военно-полевых судов, которым давалось право выносить смертные приговоры за ничтожные преступления. Все оппозиционеры — коммунисты или некоммунисты — были объявлены подрывными элементами... Каждые четыре из пяти оппозиционеров автоматически попадали в категорию подозреваемых и могли быть либо брошены в тюрьму, либо даже казнены»¹.

В ответ на объявленный Нго Динь Зьемом террор в отношении собственного народа коммунисты начали готовить в Южном Вьетнаме вооруженное восстание, обратившись при этом за помощью к северовьетнамскому руководству. Вопреки заявлениям пропагандистов из ЦРУ на этом этапе война в Южном Вьетнаме была вызвана не «вторжением с Севера», а тем сопротивлением, которое сами южновьетнамцы начали оказывать деспотическому режиму Нго Динь Зьема. Об этом свидетельствуют как многие специалисты, так и захваченные документы коммунистов.

¹ Fall B. Last Reflections on a War. Doubleday and Company, Inc., N.Y., 1967, p. 201—202.

Занятое разработкой всевозможных программ по «обеспечению безопасности» ЦРУ в то же время активно собирало сведения о коммунистических силах. Так, был захвачен партийный документ, в котором излагалась история развития коммунистического движения в Южном Вьетнаме. По имевшимся в нем данным, накануне Женевской конференции компартия насчитывала 60 тысяч членов (не считая членов массовых коммунистических организаций). Партийные ячейки существовали почти во всех деревнях, за исключением тех, которые находились под контролем религиозных сект или жители которых принадлежали к этническим меньшинствам. Из документа было ясно, что партия ставила в тот период перед своими членами две основные задачи: во-первых, перестроить работу политических организаций, имевших опору в широких народных массах, и, во-вторых, в обстановке полной секретности начать создание вооруженных отрядов. Фактически по-настоящему преданных и стойких коммунистов в партии было всего лишь около 15 тысяч. Однако из-за безжалостных репрессий Нго Динь Зьема их число быстро росло и вскоре началась реорганизация компартии. В течение нескольких лет была создана законченная структура тесно взаимосвязанных политических, гражданских и военных органов, превратившихся в отточенное, хорошо управляемое орудие революции. Каждый мужчина, женщина и ребенок были вовлечены в ту или иную организацию, в каждом вьетнамце старались воспитать убеждение в необходимости борьбы с Нго Динь Зьемом и его американскими союзниками.

К концу 1963 года Народная революционная партия (НРП) и Народный фронт освобождения Южного Вьетнама (НФО) объявили о том, что входящие в НФО тридцать различных организаций насчитывают семь миллионов членов. Среди них самыми многочисленными были Ассоциация крестьян за освобождение Южного Вьетнама (1,8 миллиона человек) и Ассоциация женщин за освобождение Южного Вьетнама (1,2 миллиона человек). Скорее всего, эти цифры завышены, но полностью игнорировать их, как это сделало ЦРУ, тоже было неправильно.

По данным ЦРУ, численность основных сил вьетконговцев вместе с отрядами на местах не превышала 25 тысяч человек. Эта цифра свидетельствует о том, что американская разведка абсолютно не отдавала себе отчета в подлинных масштабах коммунистического движения. Еще

в 1954 году французские разведывательные органы считали, что компартия контролирует до 90 процентов всех деревень Южного Вьетнама, то есть практически всю сельскую местность, за исключением той, где господствовали религиозные секты. В то же время американская разведка за весь период до 1964 года лишь дважды в общих словах упомянула о существовании милицейских, партизанских или каких-либо других нерегулярных формирований. Бросается в глаза и тот факт, что даже после того, как коммунисты объявили о создании Народного фронта освобождения, объединившего миллионы южновьетнамцев, ЦРУ продолжало игнорировать существование таких крупнейших организаций НФО, как ассоциации за освобождение Южного Вьетнама и молодежные ассоциации. Больше того, вплоть до 1964 года сводки ЦРУ не содержали никаких сведений о членах компартии Южного Вьетнама — ведущей революционной силы страны.

Пожалуй, лучше всего об ошибочности оценок ЦРУ в отношении коммунистического движения свидетельствует речь Колби, с которой он выступил в 1968 году перед американскими военными и гражданскими должностными лицами во Вьетнаме.

«Выступая перед такой информированной аудиторией, — пишет Колби в книге «Люди чести», — я немного отошел от обычной практики занижения численности коммунистических вооруженных сил... Мною были приведены данные о структуре и задачах, которые ставили перед собой партия Лао Донг и ее южновьетнамская организация, известная под названием Народная революционная партия, а также Народный фронт освобождения, Временное правительство Южного Вьетнама, комитеты освобождения и Национальный союз демократических сил, то есть все те органы и организации, которые возникли после январского наступления 1968 года. Я указал на то, что все они не имеют массовой поддержки, однако являются той политической картой — пусть даже воображаемой, — которую коммунисты постараются разыграть на любых переговорах о перемирии или прекращении огня»¹.

Уже после окончания войны ведущий правительственный консультант по Вьетнаму Дуглас Пайк признал, что все оценки численности южновьетнамской компартии были неизменно заниженными, что фактически, даже ес-

¹ Colby W. Honorable Men, p. 256—257.

ли не считать бойцов партизанских отрядов и членов легальных политических организаций, коммунистическая партия насчитывала в своих рядах не менее 350 тысяч человек, а возможно, и до 500 тысяч.

Хотя ЦРУ постоянно занижало численность коммунистических сил в сельских районах, разрабатывались все новые и новые программы подавления, каждая из которых превосходила по своим масштабам предыдущую. Это само по себе разоблачало фальшь официального оптимизма. Например, в 1959 году Колби, который был тогда начальником резидентуры в Сайгоне, убедил брата диктатора Нго Динь Нью организовать в сельских районах отряды самообороны. С помощью американских войск особого назначения были созданы так называемые группы гражданской обороны — фактически местные полувоенные силы, укомплектованные в основном католиками. В соответствии с этой программой около 30 тысяч человек получили оружие.

Однако, несмотря на все репрессии, полицейское государство Нго Динь Зьема оказалось не в состоянии подавить сопротивление народа. В 1959 году диктатор при поддержке ЦРУ начал осуществление программы создания так называемых деревень самообороны. В ее основу была положена старая идея агропоселений, вызвавшая яростное сопротивление южновьетнамцев, которых заставляли покидать свои дома и селиться на новом месте.

Однако ни Нго Динь Зьем, ни ЦРУ не извлекли никакого урока из провала этой программы. В конце 1961 года была начата другая программа, предусматривавшая строительство так называемых стратегических поселений. Южновьетнамских крестьян насильно сгоняли на огороженные и надежно охраняемые территории. Специальная полиция следила, чтобы среди тех, кто туда попадал, не было коммунистов. В стратегических поселениях строились караульные башни и фортификационные укрепления. По периметру их ограждали рвы с водой и колючая проволока. Вся эта затея вызвала справедливый гнев крестьян, поскольку их дома разрушались, а их самих заставляли жить в огороженном пространстве. После убийства Нго Динь Зьема о программе стратегических поселений сразу забыли.

Большинство американских правительственных органов требовало удаления Нго Динь Зьема. Неохотнее всех на это согласилось ЦРУ. После нескольких неудач в начале ноября 1963 года заговорщики с одобрения США

свергли диктатора. Впоследствии Колби назовет ликвидацию Нго Динь Зьема самой большой ошибкой США во Вьетнаме. По его мнению, буддисты совершенно необоснованно обвинили Нго Динь Зьема в дискриминации по религиозным мотивам. За убийством Нго Динь Зьема последовала целая серия дворцовых переворотов. Только за восемнадцать месяцев в Южном Вьетнаме сменилось шесть правительств.

Что касается ЦРУ, то оно продолжало разрабатывать все новые и новые программы для сельских районов. Так возникла идея создания народных отрядов действий — небольших вооруженных групп из местных жителей, которые должны были обеспечивать безопасность деревень. Особенно большого размаха осуществление этой программы достигло при правительстве Нгуен Као Ки, переименовавшего ее в программу революционного развития. Всего с помощью ЦРУ в «отряды развития» было вовлечено 40 тысяч человек.

ЦРУ финансировало также строительство во всех провинциях центров для проведения допросов и национального центра допросов в Сайгоне.

В начале 1964 года советники президента Джонсона по национальной безопасности решили, что надо предпринимать какие-то меры, чтобы привлечь внимание американской общественности к войне в Индокитае. В этих целях в Тонкинском заливе была организована целая серия провокаций и среди них нападение на остров Хон Ме, совершенное 31 июля диверсионно-разведывательными подразделениями американских войск при поддержке южновьетнамских групп особого назначения (вьетнамский вариант «зеленых беретов»), и проведенная 2 августа бомбардировка северовьетнамских деревень, расположенных неподалеку от того же острова. Далее последовали неоднократные демонстрации нападения американского эсминца «Мэддокс» на остров Хон Ме. Хитрость сработала, и северовьетнамские патрульные суда, приняв «Мэддокс» за южновьетнамский корабль, участвовавший незадолго до этого в нападении на остров, дали по нему несколько залпов. На следующий день «Мэддокс» вернулся с еще одним эсминцем и снова на американские корабли было совершено так называемое нападение. Конгресс США немедленно принял «Тонкинскую резолюцию», выражавшую поддержку Южному Вьетнаму. Было заявлено, что американский народ рас-

ценивает инцидент в Тонкинском заливе как покушение на суверенитет Соединенных Штатов.

Однако уже через несколько месяцев американским руководителям потребовались новые данные, которые оправдывали бы политику США в отношении Индокитая перед американским и мировым общественным мнением. Необходимы были доказательства распространяемого американской пропагандой тезиса о том, что повстанческое движение на Юге страны является результатом подрывных действий северовьетнамцев. В этих целях госдепартамент издал повторно «Белую книгу». Первое издание вышло еще в 1961 году под названием «Угроза миру: усилия Северного Вьетнама, направленные на завоевание Юга страны». И вот теперь, в 1965 году, как раз накануне введения во Вьетнам американских регулярных вооруженных сил и бомбардировки Северного Вьетнама, госдепартамент выпустил второе издание «Белой книги», несколько изменив название: «Агрессия с Севера: история проводимой Северным Вьетнамом кампании по захвату Южного Вьетнама». И в том, и в другом случае в качестве доказательств были использованы разведывательные данные, сфабрикованные ЦРУ. События, побудившие предпринять второе издание, были спровоцированы агентами ЦРУ. Чтобы доказать «правоту» содержащихся в «белых книгах» заявлений, ЦРУ провело по меньшей мере две тайные подрывные операции. Во время одной из них было напечатано большое количество почтовых марок с изображением вьетконговца, сбивающего американский вертолет. Высокое качество марки должно было свидетельствовать о том, что она изготовлена не вьетконговцами, у которых не могло быть специалистов такого профиля, а в Северном Вьетнаме. Далее агенты ЦРУ разослали письма на вьетнамском языке с такого рода марками по всему свету, сделав так, чтобы некоторые из них попали в руки американских журналистов. В результате на обложке февральского номера журнала «Лайф» за 1965 год, поступившего в продажу как раз за два дня до выхода второго издания «Белой книги», появилась увеличенная фотография «северовьетнамской марки».

Смысл другой тайной операции заключался в том, чтобы получить возможность обвинить северовьетнамцев в переброске на Юг оружия. Несколько тонн изготовленного в коммунистической стране вооружения погрузили на вьетнамское судно, которое затем было якобы обна-

ружено и обстреляно южновьетнамским патрулем. Сразу же на место перестрелки пригласили западных журналистов и наблюдателей международной контрольной комиссии, которые должны были засвидетельствовать факт оказания помощи южновьетнамским коммунистам со стороны Северного Вьетнама. В «Белой книге» эти события изложены под заголовком «Ханой снабжает свои подразделения, находящиеся на Юге страны, оружием, боеприпасами и другими военными материалами». На семи страницах подробно излагались сфабрикованные ЦРУ материалы, включая фотографии вьетнамской джонки с различными видами вооружений. В марте 1965 года, ровно через две недели после появления «Белой книги», президент Джонсон отдал приказ об отправке во Вьетнам двух батальонов морской пехоты и о начале систематических бомбардировок Северного Вьетнама.

Очень скоро американские солдаты обнаружили, что южновьетнамские крестьяне готовы не только поддерживать вьетконговцев, но и сражаться на их стороне, а американцев считают своими врагами. Тогда США разработали, казалось бы, очень простую и эффективную стратегию подавления. Было решено насильно переселить миллионы крестьян в города и поселки, превратить всю страну в огромное, находящееся под надзором полиции поселение и тем самым лишить коммунистов их социальной базы. А для того чтобы заставить крестьян покинуть их родные деревни, американское военное командование начало бомбардировку сельских районов, объявило о создании безлюдных зон, открытых для свободной бомбежки, стало непрерывно проводить карательные операции.

Генерал Уэстморленд следующим образом обосновал необходимость тактики выжженной земли: «В некоторых районах населенные пункты и места передового базирования вьетконговцев настолько слились, что для установления контроля над ними необходимо было либо вести непрерывные боевые действия, либо просто удалить оттуда все гражданское население»¹.

Пытаясь найти выход, ЦРУ предложило сформировать отряды охотников-убийц. Вот что пишут об этом В. Марчетти и Дж. Маркс: «В 1965 году Колби... выступил инициатором разработки программы контртеррора.

¹ Westmoreland W. A. Soldier Report. Doubleday and Company, Inc., N.Y., 1976, p. 152.

Через год стало очевидным, что этот термин, одним из составных частей которого является слово «террор», вызывает нежелательную реакцию общественности. И тогда вновь созданные отряды получили название подразделений провинциальной разведки. Что касается самой программы, то за ее осуществление несла ответственность только американская резидентура, а южновьетнамское правительство не имело к ней никакого отношения. Именно агенты ЦРУ набирали личный состав этих подразделений, обеспечивали его всем необходимым и оплачивали «работу», которая состояла в том, чтобы запугивать или убивать лидеров Вьетконга, организовывать их похищение»¹.

Эта и все другие программы гражданских, полицейских и военных мероприятий были вкладом во всеобъемлющую программу гражданских операций и развития сельских районов. Но главной в этой программе была операция «Феникс», разработанная Колби и его сотрудниками. В соответствии с намеченным планом основные усилия всех входящих в КГОРСР организаций «направлялись на разрушение инфраструктуры Вьетконга... Основной движущей силой были опять-таки деньги ЦРУ. Выступая в 1971 году перед комиссией конгресса США, Колби признал, что только за первые два с половиной года в ходе выполнения операции «Феникс» было уничтожено 20 587 человек, подозреваемых в связях с Вьетконгом. Южновьетнамские правительственные источники называют цифру 40 994 убитых»².

Разумеется, никто из выступавших с лекциями перед нами, новичками, в 1968 году даже не упомянул обо всех названных выше трагических событиях. Возможно, лекторы и сами о них ничего не знали. Во всяком случае, мне все это стало известно гораздо позже. А тогда я лично не сомневался лишь в том, что наша политика во Вьетнаме опирается на совершенно неверные данные о численности коммунистов. Те, кто давал такие сведения, либо были не в курсе дела, либо сознательно лгали, чтобы обмануть американский народ. В то время я не знал, какая из двух возможных причин главная.

Естественно, я сразу же воспылал желанием исправить те ошибки, которые допускало ЦРУ в своих оцен-

¹ Marchetti V., Marks J. The CIA and the Cult of Intelligence, p. 245.

² Marchetti V., Marks J. The CIA and the Cult of Intelligence, p. 246.

как характера и масштабов вьетконговского движения. В подготовленном на имя главы резидентуры меморандуме я изложил основные положения исследования, проведенного нами в Таиланде, перечислил некоторые детали структуры Вьетконга, содержащиеся в книгах Пайка и Конли, а также включил в него другую, взятую из различных источников информацию. Моя основная мысль сводилась к тому, что данные американской разведки о коммунистическом движении являются весьма неполными. Для того чтобы иметь более точные сведения о компартии и ее массовых организациях и разработать эффективные меры противодействия вьетконговскому движению, я предлагал провести исследование, подобное тому, которое было проведено в Таиланде. Неделью-другую меморандум ходил по инстанциям и вернулся ко мне без каких-либо резолюций.

Через некоторое время я получил назначение в пятый округ. Вначале мои обязанности состояли в том, чтобы контролировать ход выполнения различных программ ЦРУ в провинции Зядинь, на территории которой находился Сайгон. В моем подчинении оказалось несколько армейских офицеров, которым было поручено проведение в жизнь ряда программ ЦРУ и в первую очередь руководство действиями подразделений провинциальной разведки, которые выявляли коммунистов и либо арестовывали их, либо убивали.

Работа в провинции давала мне возможность увидеть собственными глазами, как выполняются, а точнее, не выполняются разведывательные программы ЦРУ на всех уровнях. Время от времени к нам поступали краткие донесения, которые переводились на английский язык и сдавались в архив. Например, еженедельно мы получали до сотни коротких, ничего не значащих информации, вроде такой: «Сегодня утром были замечены два вооруженных вьетконговца, двигавшихся по направлению к югу от деревни». Ежедневно отделения ЦРУ во Вьетнаме захлестывал поток бессмысленных донесений, которые аккуратно сортировались и складывались в досье без какого-либо анализа или обобщения. Возникали вопросы: какую пользу могут извлечь наши генералы и гражданские руководители от такого рода информации? как на ее основании могут они составить верную картину того, что происходит вокруг них? как, наконец, мы сможем победить коммунистов при таком отношении к делу?

Со всем личным составом провинциального отделения

Командования гражданскими операциями и развитием сельских районов еженедельно проводились совещания, на которых обычно председательствовал некий армейский полковник в отставке. Как правило, это была пустая трата времени. В течение нескольких часов подряд всем нам приходилось выслушивать скучные, тривиальные истины. Например, представители Управления международного развития долго и нудно распространялись о том, как здорово организован вывоз металлолома и всякого мусора, накопившегося в провинции во время наступления коммунистов в январе 1968 года. Я слушал их и думал, что время, потраченное на это совещание, надо было бы употребить на то, чтобы вывезти мусор из картотеки, собранной в ходе операции «Феникс».

Чем дальше, тем больше становилось таких ничемных совещаний. Одновременно увеличивалось и число убийств, совершаемых подразделениями провинциальной полиции. Росла и гора нелепых, никому не нужных разведывательных донесений. Все было как в классической греческой трагедии: гибли люди, произносились взволнованные монологи, гневались боги. И никто, казалось, не понимал, что происходит в действительности. Что же касается меня, то я окончательно убедился в том, что мои худшие опасения подтвердились.

Несколько недель спустя, после того как я приступил к работе в провинции Зядинь, поступило указание всем сотрудникам КГОРСР собраться на очередное совещание. Распоряжение было отдано лично Колби, которого президент Джонсон только что назначил руководителем всех операций ЦРУ во Вьетнаме. Руководящие сотрудники резидентуры ЦРУ, ответственные за осуществление различных программ, немедленно собрались в большом бетонном здании, где жили армейские офицеры, оставившие свои семьи в Штатах. Я прибыл как раз в тот момент, когда из холостяцких квартир срочно выпроваживали вьетнамских девушек в кожаных мини-юбках.

В зале многие офицеры торопливо просматривали заметки о ходе выполнения контролируемых ими программ. Вскоре появился и сам Колби, окруженный свитой помощников и корреспондентов. Все встали по стойке «смирно». Глядя на моего бывшего шефа, я поражался происшедшей с ним перемене. Всего год назад, когда Колби приезжал в Северо-Восточный Таиланд, он был спокойным, неторопливым человеком, которого, казалось, ничто особенно не волновало. Теперь он стал (или хо-

тея казаться) каким-то встревоженным, раздраженным бюрократом, раздувавшимся от самомнения и сознания важности своей миссии. Это был не человек, а карикатура. Несколько помощников несли за ним толстые папки с материалами, которые они положили рядом со своим боссом, занявшим место в центре стола.

Все сели. Колби открыл папки и посмотрел в зал так, будто хотел удостовериться, что все присутствующие прочувствовали серьезность момента. Потом он начал задавать вопросы, носившие чисто статистический характер: сколько в этот месяц убито или взято в плен вьетконговцев? сколько было перестрелок?

Докладывали руководители подразделений. Каждый ответ Колби сверял с цифрами, зафиксированными в его записях. Если встречались расхождения или приводилась особенно броская цифра, Колби задавал дополнительные вопросы. Я спокойно наблюдал за происходящим, думая, что меня как новичка все это пока не касается. Но шеф был верен себе. Неожиданно он потребовал, чтобы представитель резидентуры в Зядине высказал свое мнение о положении в провинции. Я находился в Зядине всего несколько недель, а мой предшественник не оставил мне никаких материалов, которые позволили бы оценить обстановку в самом Зядине и прилегающих к нему районах. Те коротенькие донесения о появлении в том или ином месте одного или двух вьетконговцев, которые в изобилии поступали в наше отделение, были совершенно бесполезными. Немного помедлив, я встал и честно признался, что не готов доложить о положении дел во вверенной мне провинции.

Получив все интересовавшие его статистические данные, Колби объявил, что официальная часть закончена, и пригласил нас в соседний бар на коктейль. Направляясь вместе с коллегами в бар, я невольно думал о том, до чего бесполезно мы проводим время.

На коктейле Колби почему-то захотелось со мной пообщаться. Может, потому, что он не знал здесь никого, кроме меня? К тому же все участники совещания держались от него на расстоянии, не решаясь приблизиться к такому высокому начальству. Я был настроен довольно спокойно: не чувствовал ни волнения, ни гнева. Сейчас Колби, казалось, искренне пытался разобраться с положением в провинциях, переваривая лавину статистических данных. А тогда, в Северном Таиланде, он закрыл глаза на совершенно непроверяемые данные. Если бы

он захотел понять, что происходит в Таиланде, ему было бы теперь легче правильно оценить обстановку во Вьетнаме.

— Как поживает ваша семья, жена, дети? — спросил Колби.

— Спасибо. Все нормально. Норма начала работать. Сыновья ходят в школу в Херндоне, дочери учатся в колледже.

Я говорил о своих личных делах, а сам все время думал: «Ах ты тупица, чертов сын, неужели ты веришь в этот статистический хлам? Неужели не знаешь, что представляемые ЦРУ разведывательные данные только вводят всех в заблуждение? Как же ты не можешь понять, что происходит?»

— Какова структура вашего подразделения? — продолжал Колби. — Вы планируете какие-либо интересные операции совместно с полицией?

Я отвечал на вопросы, а сам размышлял о том, зачем мы ввязались в эту бессмысленную войну и почему манипулируем статистическими данными, которые только искажают действительность. Кто мы, обитатели этого ада или его создатели? А впрочем, какая разница.

Мы продолжали говорить о том, о сем. Казалось, этому не будет конца. «Когда же он уйдет?» — думал я. Мне захотелось было раскрыть Колби глаза на происходящее вокруг, но потом я вспомнил, что это бесполезно. Если его не смогли убедить тысячи неопровержимых фактов в Таиланде, если он глух и слеп ко всему, что происходит здесь, во Вьетнаме, то мои слова наверняка будут гласом вопиющего в пустыне. Да и обстановка не подходила для откровенного разговора. Все-таки мы на коктейле. Как-то неловко поднимать шум в таком месте.

Когда Колби со свитой наконец удалился, я вернулся в бар и заказал двойную порцию «мартини». Сидя со стаканом в руке, я пытался разобраться в том хаосе, который возник в моей голове за первые недели пребывания во Вьетнаме. Итак, американцы пытаются победить противника, которого они почти не знают. Почему? Почему не соблюдается основное правило разведки: вовремя добывать нужные сведения и докладывать о них руководству? Почему ЦРУ занимается самообманом, делая вид, что оно ведет разведку? Как долго будет продолжаться это безумие? Я чувствовал себя подавленным, загнанным в тупик, измученным сомнениями. Я был зол на Колби, на самого себя за то, что не выложил ему

всей правды. Мои нервы были напряжены до предела. И тогда я с такой силой швырнул стакан в стену, что он разлетелся на мелкие кусочки.

Через шесть недель после прибытия в провинцию Зядинь я был назначен офицером связи при начальнике южновьетнамской особой полиции. В этой должности я контролировал работу других оперативных сотрудников ЦРУ, занимавшихся различными вопросами, связанными с деятельностью полиции в самом Сайгоне и его окрестностях.

Мой начальник (назовем его условно Томом) был довольно странным типом. Из-за его полной некомпетентности и привычки твердить одно и то же многие сотрудники обращались с просьбой перевести их в другой округ.

К счастью, через несколько месяцев после моего приезда Том получил новое назначение. Его заменил Герман (имя вымышленное). Это был человек с внешностью типичного арийца, лет сорока пяти, высокий, стройный, с шапкой седых волос. У него были сугубо личные мотивы серьезно относиться к своей работе. Его одолевало весьма своеобразное чувство мести, и свой кабинет он украсил фотографиями мертвых вьетконговцев. Обычно Герман держался очень официально, но иногда его прорывало.

— Послушайте, Ральф, — заявил он мне однажды. — Там, в Лэнгли, считали, что меня не следует направлять во Вьетнам. Они думали, что мое горе меня сломило и я не смогу видеть все таким, как оно есть на самом деле. Меня уговаривали отказаться от поездки. Но я чувствовал, что должен принять участие в этой войне.

Несмотря на свои переживания и неистребимое желание отомстить за погибшего во Вьетнаме сына, Герман хорошо знал свое дело. Кроме того, он был другом главы резидентуры Теда Шакли, который часто давал ему ответственные поручения. Герман в свою очередь перепоручал их мне. Много раз в день он звонил по телефону, приглашая зайти в его кабинет, чтобы дать новое задание, проверить, как выполняются старые, или сделать замечание за допущенные промахи.

Некоторое время спустя я решил вручить Герману копию моего меморандума, где излагалась структура коммунистического повстанческого движения и предлагались меры по улучшению сбора разведывательных данных. Поскольку мой новый шеф раньше работал в основном

в Европе, ему трудно было составить собственное мнение о моих предложениях. Но он, по крайней мере, меня выслушал. Потом сказал:

— Ральф, весь мир, кажется, придерживается на этот счет другого мнения. Как это может быть, что вы один правы, а все остальные ошибаются?

Мне была понятна его реакция. В Азии он впервые. Здесь ему забивают голову ерундой на всех этих бесплодных, никому не нужных совещаниях и брифингах. Он плохо подготовлен к работе в Индокитае, практически ничего о нем не знает. Конечно, ему трудно поверить, что рядовой сотрудник может быть лучше информирован и может лучше разбираться в обстановке, чем все ЦРУ в целом. Если бы не тайландский опыт, я и сам не поверил бы тому, кто стал бы утверждать то, что утверждаю я. Не поверил хотя бы потому, что никто не разделяет подобных взглядов, потому, что ни в одном разведывательном донесении нет фактов, подтверждающих мою точку зрения.

Вскоре я оставил попытки убедить руководство в своей правоте. Чтобы отвлечься от горьких раздумий, я с головой ушел в работу, просиживая в кабинете по двенадцати часов. И так каждый день, кроме воскресенья, когда я ограничивался шестью часами. Только поздно вечером, опустошенный, я возвращался на свою маленькую виллу, расположенную по соседству с принадлежащей американскому информационному агентству библиотекой имени Линкольна. Неподалеку находился арендуемый ЦРУ отель «Дак». Я попытался было поискать в американских библиотеках Сайгона литературу о Вьетнаме, но полки были забиты детскими сказочками о замечательных победах над коммунистами. Тогда я купил японский телевизор с небольшим экраном и почти каждый вечер смотрел не очень интересные программы, транслировавшиеся по телесети американских вооруженных сил.

Если бы все было нормально, моя работа давала бы прекрасную возможность показать, на что я способен. Но мне уже не хотелось этого так, как когда-то, когда я еще верил, что, хотя США в своей внешней политике и преследуют собственные интересы, они в то же время проявляют заботу об интересах народов других стран. Теперь я вообще не знал, во что мне верить. Меня терзали сомнения относительно всей разведывательной деятельности ЦРУ, достоинств его сотрудников, их элементарной

честности. Больше того, постепенно начал меняться мой упрощенный взгляд на коммунизм как на воплощение зла, а на Соединенные Штаты — как на идеал добра. Казалось, я был чуть ли не единственным, кто понимал, что войну в Индокитае нам не выиграть. Мне стало ясно, что любой добросовестный анализ имеющейся информации, не говоря об исследовании типа тайландского, неопровержимо доказал бы, что большинство вьетнамского парода включилось в борьбу с американскими войсками на стороне Национального фронта освобождения. Вьетнамцы уже выбрали себе правительство по душе, и все военные усилия США могут лишь отсрочить неизбежное.

Мне приходилось постоянно вести внутреннюю борьбу с самим собой, со своими сомнениями и душевными противоречиями. Я плохо спал, страдал от головных болей, невыносимым становилось и нервное напряжение. Что-то случилось и с моим желудком: меня часто подташнивало. К тому же мне совершенно не с кем было откровенно поговорить.

Вскоре во Вьетнам по линии ЦРУ приехал мой старый друг Эллен. Мы встретились пару раз за обедом и коктейлем, но я так и не смог наладить с ним прежние отношения. Я был весь во власти таких настроений, которые ему оказалось трудно понять, а говорить о пустяках нам не хотелось. Так и получилось, что все свое время я проводил либо за работой, либо у телевизора со стаканом виски в руках. Я страшно тосковал по простому человеческому общению. Мне хотелось поскорее вырваться из этого ужасного места, вернуться домой, к семье.

Через шесть месяцев я получил право на отпуск. В Херндон, штат Виргиния, я вернулся измученным физически и морально. Таким меня сделали постоянное напряжение на работе и непрекращающиеся душевные муки. Первые несколько дней я не мог говорить ни о чем, кроме как о Вьетнаме и ЦРУ. Потом я увидел, что Норма больше не в состоянии меня слушать, и впал в апатию. Я попытался поискать другую работу, звонил, рассылал письма, но каждый раз безрезультатно, потому что мне нельзя было говорить, что я работаю в ЦРУ.

Спустя неделю после моего возвращения домой мне позвонила секретарь начальника Дальневосточного отдела Уильяма Нельсона. Она сообщила, что, поскольку учебный отдел использовал мои предложения, касающиеся

ся методов сбора информации, мне полагается премия в 300 долларов и почетная грамота за подписью самого директора ЦРУ Ричарда Хелмса. Меня приглашали прийти на следующий день в отдел, чтобы Нельсон в присутствии сотрудников мог вручить мне награды.

Всю ночь я не спал: боялся предстоящей церемонии. Какая ирония! Вручать премию и грамоту мне будет человек, который грозил испортить мою карьеру за те же предложения, за которые теперь меня награждают. Конечно, он взялся за это только потому, что так было положено по уставу. Шестимесячное пребывание во Вьетнаме показало мне наглядно все безрассудство американской политики в этом регионе. Я с трудом справлялся с охватившим меня гневом. Мне хотелось крыть ЦРУ последними словами за его слепоту, за те бессмысленные убийства, которые совершаются с его ведома. Со страхом ждал я предстоящей церемонии. Мне надо было выступить со словами благодарности, а я знал, что могу сорваться, и тогда все сдерживаемое мною негодование вырвется наружу.

На следующий день я с большой неохотой поднялся в расположенный на пятом этаже конференц-зал Дальневосточного отдела. Когда я вошел, большинство руководителей подразделений, которым полагалось присутствовать при вручении наград, были уже в зале. С некоторыми из них я поддерживал дружеские отношения. Они попытались было завязать со мной разговор, но, заметив мое состояние, оставили в покое. Нельсон решил начать с церемонии награждения, чтобы потом продолжить деловую часть совещания.

— Не торопитесь тратить все триста долларов, — заговорил он игривым тоном. — Не забудьте, что с этой суммы надо еще уплатить налог.

Затем, прочитав отдельные абзацы из приказа главы комитета по предложениям и награждениям, он остановился и со словами «Ну, хватит!» положил чек и грамоту перед собой на стол. Я был вынужден встать и подойти к нему, чтобы забрать свои награды. Резко схватив их со стола, я выскочил из помещения, громко хлопнув дверью. Сердце, казалось, готово было выпрыгнуть из груди от раздиравшего меня гнева.

Только дней через десять я немного успокоился. Но, когда я думал о том, что мне предстоит вернуться во Вьетнам, все во мне снова закипало. Я понимал, что мне следует уйти из ЦРУ, но от этого шага меня удерживали

финансовые соображения. Надо было платить за обучение детей, двое из которых посещали дорогой колледж. Мы еще не погасили ссуду, взятую на покупку дома. Наконец, я не имел никакой профессии, а мое психическое состояние было таким, что в пору было ложиться в больницу, а не начинать работать на новом месте. Чтобы как-то оправдаться перед самим собой, я старался уверить себя, что не уйду из ЦРУ только потому, что не хочу потерять возможности ознакомить общественность с моими взглядами.

Когда я вернулся во Вьетнам, мной вдруг овладело тщеславие. Коль скоро я не в состоянии повлиять на события на моей нынешней скромной должности, значит, надо добиться повышения, пробиться в высший эшелон бюрократии. Я не верил в угрозу Нельсона помешать моему продвижению по службе.

Когда Теда Шакли назначили главой резидентуры, он довел до сведения сотрудников, что все повышения в должности будут производиться на основании трех критериев: по числу коммунистов, которых кандидат на повышение сможет нейтрализовать, по числу подготовленных им разведывательных донесений и по числу завербованных агентов. И Том, и Герман постарались, чтобы каждый из нас твердо усвоил, что от него требуется.

Моя работа в качестве офицера связи при специальной полиции могла быть исключительно интересной, даже захватывающей, если бы я верил в полезность того, что делал. Моему подразделению приходилось заниматься всеми сколько-нибудь значительными внутривнутриполитическими событиями, происходившими в нашей провинции. До того как я стал его руководителем, наше подразделение готовило докладную записку раз в два месяца. С помощью трех очень простых изменений мне удалось намного повысить нашу производительность.

Прежде всего я набрал дополнительно переводчиков, чтобы мои сотрудники не ждали неделями, когда подойдет очередь их материалов. Далее я потребовал от всех сотрудников сопоставлять вновь поступающие данные с уже имевшимися. По моему распоряжению копии полицейских донесений теперь регулярно клали на мой стол, чтобы я лично мог все их просмотреть. Нередко в отдельности они не представляли никакого интереса, но все вместе позволяли сделать очень важные и интересные выводы, с которыми имело смысл ознакомить и руководство. Например, однажды я получил донесение о

том, что коммунисты предупредили жителей ряда деревень, чтобы те в течение ближайших нескольких дней не покидали своих домов. Из некоторых других сообщений, поступивших из тех же деревень, выяснилось, что вьетконговцы что-то замышляют. Сопоставив эту информацию, я пришел к выводу, что в районе указанных деревень готовится налет. Рапорт о моих выводах я направил в резидентуру, которая немедленно распространила его всем заинтересованным адресатам. Вскоре вьетконговцы действительно предприняли налет, но, поскольку правительственные и американские войска к нему заранее подготовились, он был отражен.

Часто в донесениях можно было уловить какую-го определенную тенденцию в развитии событий. В этих случаях я давал указание о том, какого рода сведения следует в первую очередь добывать нашим людям, выступая, таким образом, в роли координатора, то есть оперативно выполнял те функции, которые формально были возложены на неповоротливую бюрократию штаб-квартиры в Лэнгли.

Последнее, третье, введенное мною новшество состояло в том, чтобы использовать каждого сотрудника в соответствии с его возможностями. Мои подчиненные были способные офицеры, но не все они занимались своим делом. Как только я расставил их по тем местам, которые им больше всего подходили, производительность их труда резко возросла.

Перед уходом с должности мой шеф Том просил, чтобы я увеличивал количество подготавливаемых донесений постепенно. Он выразил опасение, что если за два месяца их число возрастет в пятьдесят раз, то создается впечатление, будто он ничего не делал (что было недалеко от истины). Важно, что мы добились не только количественных, но и качественных изменений в работе. Наши донесения стали гораздо содержательнее. Для лютого подразделения публикация его материалов в «Бюллетене текущей разведки» — крупное событие. Для нас это стало обычным явлением.

В один прекрасный день нам пришлось заняться шумевшим делом о шпионаже. Еще за год до моего приезда во Вьетнам контрразведка начала операцию под кодовым названием «Мина» с целью разоблачить северо-вьетнамскую шпионскую сеть, агенты которой проникли в высшие слои правительства Тхьеу. Однако полученная в результате этой операции информация была очень

неубедительной, а ее источник — весьма ненадежным. Поэтому возникли сомнения, действительно ли такая сеть существует.

Я просмотрел донесения неизвестного мне информатора за год. В одном из них утверждалось, что специальный помощник Тхиеу по политическим вопросам Хыян Ван Тронг является коммунистическим агентом. Одновременно подчеркивалось, что сам Тронг — сравнительно новое и отнюдь не главное лицо в этой сети, которую возглавляет некий Ву Нгок На, близкий друг президента, уважаемый католический деятель, неофициальный советник Тхиеу по проблемам вьетнамских католиков. В ряде донесений утверждалось, что многие другие ответственные официальные лица и армейские офицеры также работают на Вьетконг.

По указанию Германа я стал регулярно получать материалы по операции «Мина» и еженедельно или раз в две недели готовил докладные записки с обобщением поступившей за это время информации, которые отсылал в резидентуру, а иногда и в штаб-квартиру ЦРУ.

В некоторых донесениях полиции содержались сведения о передвижениях подозреваемых в шпионаже лиц. Установленное за ними наблюдение подтвердило достоверность этой информации. Например, еще за несколько недель до того, как об этом было объявлено в печати, мы узнали от нашего осведомителя, что специальный помощник президента по политическим вопросам Хыян Ван Тронг собирается в длительную поездку в Соединенные Штаты, где должен встретиться с высокопоставленными американскими деятелями.

Мало-помалу накапливалось все больше и больше информации, подтверждающей существование северовьетнамской шпионской сети. Положение становилось тревожным. Если коммунистические агенты действительно проникли в высшие эшелоны власти правительства Тхиеу, надо было принимать срочные меры. Я попытался обсудить этот вопрос с руководителями специальной полиции, но они явно уклонялись от каких-либо энергичных шагов. Тогда я начал убеждать Германа в том, что необходимо принять какое-то решение.

— Послушай, — сказал я своему шефу, — мы больше не можем игнорировать эти сигналы. Если Хыян Ван Тронг и другие действительно коммунистические шпионы, их надо поскорее взять с поличным.

Однако Герман, как и многие другие, занял позицию мудрого выжидания:

— Ты знаешь, что все может оказаться коммунистической провокацией с целью ввести нас в заблуждение. Представь себе, что произойдет, если специальная полиция арестует высших должностных лиц, а потом выяснится, что они не виновны? Какую это вызовет реакцию здесь и у нас, в Америке? Тронг только что побывал в США, встречался с членами американского конгресса и руководителями наших служб безопасности. Нет, надо действовать очень осторожно. Давай в качестве первого шага пошлем в штаб-квартиру радиограмму и посмотрим, какая будет реакция.

В Лэнгли реагировали нервно. Там высказали предположение, что скорее всего коммунисты хотят обвести нас вокруг пальца и что нам не стоит торопиться с решительными мерами. Как всегда, ответ пришел от имени директора ЦРУ и мы не знали, кто же его готовил и чье это мнение. Другими словами, у нас было ощущение, что мы сражаемся с безликим монолитом, именуемым «бюрократия».

Получив ответ из штаб-квартиры, Герман сразу же вызвал меня к себе:

— Прошу тебя, посмотри все материалы по операции «Мина». Нам надо быть абсолютно уверенными в том, что мы не допускаем никакой ошибки, иначе кому-то это будет стоить головы. Когда твой обобщающий анализ с выводами будет готов, мы пошлем его в полицию и в Лэнгли. Если наши подозрения подтвердятся, мы запросим разрешения произвести аресты.

По «Мине» накопилось огромное количество бумаг: донесения вьетнамской полиции и американской разведки, фотографии и переписка. Я дал себе слово не поддаваться давлению шефа, требовавшего немедленных результатов, и работать столько времени, сколько будет нужно, чтобы тщательно проанализировать собранные материалы.

Начал я с того, что дважды просмотрел весь архив, сразу же отбросив две трети хранившихся в нем бумаг, прежде всего тех, которые либо повторяли друг друга, либо содержали второстепенную информацию. Затем я рассортировал все имевшиеся данные, составив картотеку на отдельных лиц, установив их взаимоотношения, постарался выявить связь между каждым из них и различными событиями. Вся информация была обработана

и классифицирована таким образом, чтобы можно было в любой момент быстро разыскать нужные сведения. Это было весьма скучное и трудоемкое занятие, но необходимое.

Все материалы приходилось обрабатывать дважды. Сначала, чтобы из разрозненных обрывков информации составить какую-то картину поведения попавших в поле нашего зрения лиц, потом, чтобы сложить эти обрывки вместе либо в хронологическом, либо в смысловом порядке, примерно так, как в известной игре-головоломке, когда из мелких кусочков складывают целую картину. Сравнив поступившие по ходу операции донесения агента с материалами, собранными полицией и нашей агентурой, я убедился в том, что они в основном совпадают. И все-таки действия попавших под подозрение правительственных служащих можно было объяснить по-разному. Необходимо было получить дополнительные подтверждения, что их поведение объясняется именно работой на коммунистов.

Еще в самом начале я отложил в сторону один выцветший от времени, сильно истрепанный документ, найденный мною на дне ящика в шкафу с материалами по операции «Мина». Он находился в таком состоянии, что разобрать что-либо было почти невозможно. Это было донесение, видимо, почти безграмотного вьетнамского полицейского в ужасном переводе на английский язык. Я долго откладывал тот момент, когда придется за него взяться, но наконец все задуманное было сделано и наступила очередь этой бумаги. Она была составлена с полнейшим игнорированием правил грамматики и синтаксиса, так, будто кто-то взял ящик с отдельными словами и рассыпал по полу. Как слова упали, в такой последовательности они и были перенесены на бумагу. Мне приходилось разбивать фразы на отдельные составные части и потом из них складывать новые, доступные пониманию предложения. Так постепенно, фраза за фразой, стал проясняться смысл донесения.

Документ оказался золотой жилой. В нем содержались данные, свидетельствующие о проникновении коммунистической разведки в южновьетнамские правительственные круги. Шпионская сеть, на деятельность которой указывалось в донесении, очень напоминала ту, исследованием которой мы занимались. Разница была лишь в одном: в документе речь шла о сети, обнаруженной несколько лет назад. Согласно донесению, датированному

1962 годом, многие коммунистические агенты, попавшие в поле зрения в ходе операции «Мина», еще в те годы были членами шпионской сети, очень напоминавшей ту, за которой мы охотились сегодня. Таким образом, все совпадало и у нас на руках были неопровержимые доказательства. Теперь я мог составить итоговый материал и разослать его руководителям резидентуры, специальной полиции и в штаб-квартиру ЦРУ.

В Лэнгли были вынуждены согласиться с моими выводами и, хотя и неохотно, дать согласие на завершение операции. В то же время в ответной телеграмме содержалась плохо скрытая угроза наказания, в случае если наши выводы окажутся ошибочными. Тем не менее Германа и Шакли моя докладная записка убедила и они разрешили мне захлопнуть капкан. Однако полиция попросила отложить арест подозреваемых, поскольку один из них временно уехал из Сайгона.

Сотрудник ЦРУ, которого я назову Вэнсом, много лет работал офицером связи при президенте Тхьеу. Именно через него шли к президенту все документы посольства и резидентуры. Благодаря ему отпадала необходимость в постоянных встречах между южновьетнамским президентом с одной стороны и Шакли и послом Банкером — с другой. За эти годы Вэнс и Тхьеу научились прекрасно понимать друг друга, прониклись взаимной симпатией и стали близкими друзьями. По просьбе Шакли Вэнс начал убеждать президента в необходимости ареста всех членов шпионской сети. Он сказал, что ЦРУ не сможет поддерживать правительство, засоренное коммунистической агентурой.

Тхьеу страшно расстроился, когда узнал об операции «Мина» и о наших планах ареста коммунистических шпионов. Он утверждал, что, если об этом узнает общественность Южного Вьетнама, престижу его правительства будет нанесен колоссальный удар. Президент предлагал отложить аресты, с тем чтобы без шума избавиться от скомпрометировавших себя лиц. По словам Вэнса, он впервые, разговаривая с Тхьеу, вышел из себя.

— Я поднес кулак к его носу, — рассказывал он нам впоследствии, — и спросил, как, черт побери, мы сможем дальше оправдывать потери в людях и расходы, если повсюду кишат коммунистические шпионы и против них не предпринимается никаких мер.

После долгого сопротивления Тхьеу сдался.

Возглавлявший специальную полицию полковник при-

нял неотложные меры, чтобы исключить утечку информации о планируемых арестах. Его особый отдел подготовил документацию на каждого, кого должны были арестовать. В конце дня он вызвал в свою штаб-квартиру подразделения полиции, и полицейские оставались там вплоть до начала операции, полностью изолированные от внешнего мира. Начальник полиции лично инструктировал группы ареста, каждая из которых состояла из трех человек, и вручил им копии всех материалов, собранных на подозреваемых лиц. Ровно в полночь группы помчались по указанным адресам.

По приказу Германа той же ночью я прибыл в штаб-квартиру особой полиции, чтобы с помощью портативной переносной радиостанции сообщать ему, как будут развиваться события. Первые же аресты показали, что наши подозрения оправдались, что мы действительно имеем дело с северовьетнамской шпионской сетью. Я попытался связаться с шефом, но из-за обилия металла в стенах здания полиции радиосигналы не доходили до его кабинета. Тогда я вышел на улицу. В дневное время там всегда бурлил водоворот автомашин, велосипедов и пешеходов. Ночью здесь царили тишина и покой. Я легко вышел на связь с Германом и сообщил ему новости, которые привели его в восторг. Что касается меня, то впервые со дня приезда во Вьетнам я почувствовал удовлетворение от своей работы.

В эту ночь я неоднократно связывался с Германом. Новости были одна лучше другой. Операция завершилась полным успехом. Во время обысков в домах арестованных были обнаружены самые разнообразные атрибуты нелегальной деятельности: микропленки со снимками секретных документов, множительная аппаратура, таблицы для шифровки и расшифровки донесений, радиопередатчики, симпатические чернила и многое другое. В одной из квартир был задержан гость, оказавшийся главой разведывательной сети, так что мне и моим сотрудникам пришлось заниматься и этим новым для нас лицом.

Всего полиция арестовала более пятидесяти человек, из которых впоследствии сорок один был признан виновным. Оказалось, коммунистические агенты проникли в высшие слои южновьетнамского общества и правительства, включая деловые круги, офицерский состав, студенчество. Двое из них занимали высокие посты в организации, носившей название «С распростертыми объятиями»,

которая должна была поощрять переход вьетконговцев на сторону правительства. Самую высокую должность занимал специальный советник президента по политическим вопросам Хыян Ван Тронг. Однако наибольшим влиянием пользовался близкий друг президента Тхьеу Ву Нгок На.

На суде На признал, что вступил в компартию в 1949 году. В 1955 году во время спровоцированной ЦРУ эмиграционной волны он переехал на Юг, где создал разведывательную сеть, действовавшую не без успеха до тех пор, пока ее не раскрыла полиция Нго Динь Зьема. После свержения Нго Динь Зьема в 1963 году новое правительство освободило из тюрем тысячи политических заключенных, включая Ву Нгок На и членов его группы. На удалось устроить так, что все следственные материалы по его делу и делу его агентуры были похищены из полиции и уничтожены. Единственным документом, не попавшим ему в руки, было то самое затрепанное донесение полицейского, которое я обнаружил в бумагах по делу операции «Мина». Через некоторое время На восстановил свою сеть. Вьетнамские католики признали его своим интеллектуальным лидером, и он стал весьма влиятельным членом этой социальной группы. Как советник президента Тхьеу по делам католического населения, он обладал достаточным влиянием, чтобы способствовать назначению Хыян Ван Тронга специальным помощником президента.

Сам Тронг сознался, что получил эту должность по ходатайству На, который в обмен потребовал, чтобы тот стал его агентом. Тронг, разумеется, тогда еще не знал, каким влиянием пользуется его негласный шеф. Но однажды, когда после служебной поездки в Соединенные Штаты, где он встречался с высшими американскими руководителями, Тронг прибыл в президентский дворец, он, к своему изумлению, застал в кабинете президента Ву Нгок На. Тхьеу приказал немедленно доложить ему о результатах переговоров, и Тронг, по его словам, чувствовал себя неловко, отчитываясь одновременно перед президентом и перед своим резидентом. Позже он составил для Тхьеу письменный отчет, копию которого передал На.

На материалах признания Тронга мы подготовили разведывательное донесение для Лэнгли. Штаб-квартира поставила под сомнение обоснованность наших выводов и замучила нас мелкими придирками. Пришлось нам

снова все проверять и докладывать о результатах проверки. В конце концов из Лэнгли было получено разрешение ознакомить различные службы американской разведки с нашим донесением. Хотя операция «Мина» закончилась таким успехом, о котором можно только мечтать, это было явно не то, к чему стремилось руководство ЦРУ. Ведь оказалось, что наш союзник в одной из самых продолжительных войн, которую когда-либо вели Соединенные Штаты, имел правительство, буквально напичканное вражескими шпионами, действовавшими прямо под носом президента. Было получено также еще одно доказательство того, что Центральное разведывательное управление проявляет непонятное упрямство, не только не желая реально оценить силу противника, но и отказываясь признать слабость наших друзей. Лично мне было совершенно ясно, что мы поддерживаем полностью прогнившее правительство, не пользующееся ни поддержкой, ни уважением народа. Разумеется, ни ЦРУ, ни американских руководителей, вложивших столько средств и человеческих жизней в эту бесплодную войну, такие выводы не обрадовали.

Успех операции, казалось, подтверждал заявление Колби, которое он сделал в своей книге «Люди чести», о том, что в начале 70-х годов сотрудники ЦРУ «начали получать все более и более точную информацию от мужественных вьетнамцев, занимавших ответственные посты в провинциальных и региональных комитетах компартии. При помощи людей, знавших их лично, американским разведчикам удалось выйти на этих коммунистов и завербовать их»¹. Однако, если бы я мог раскрыть, например, нашего осведомителя по операции «Мина», то читателю стало бы ясно, что утверждение Колби — чистейший плод его фантазии. За все время пребывания американцев во Вьетнаме мы не имели ни одного не вызывающего сомнения агента среди руководителей Вьетконга.

С помощью южновьетнамских разведывательных служб ЦРУ обзавелось сотнями агентов, которые всего лишь, как мы говорили, «имели доступ» к коммунистическим кругам. Но когда однажды на список агентуры посмотрели более критическим взглядом, из него сразу же пришлось выбросить фамилии более трехсот человек:

¹ Colby W. Honorable Men, p. 269.

либо они не поддерживали с нами никакого контакта, либо их вообще не существовало в природе. Несмотря на постоянное стремление ЦРУ иметь надежную агентуру среди участников вьетконговского движения, из этого так ничего и не вышло. Чтобы подстегнуть рвение подчиненных, глава резидентуры ЦРУ во Вьетнаме обещал, что любой сотрудник, которому удастся завербовать хотя бы одного коммунистического деятеля провинциального уровня, немедленно получит повышение. Однако никто его не получил. Ни американская, ни южновьетнамская разведки не могли привести ни одного факта, который подтверждал бы заявление Колби о нашем проникновении в руководящие круги Компартии Вьетнама. Это свидетельствует не только о провалах нашей разведки, но и о том, каким было отношение южновьетнамцев к режимам Зьема, Ки и Тхиеу.

Кроме меня в ЦРУ были и другие сотрудники, замечавшие все вышеназванные просчеты и пробелы в его деятельности. Так, в мае 1969 года сотрудники штаб-квартиры Сэм Эдамс и Роберт Клэйн, используя материалы операции «Мина», попытались определить число шпионов в правительственной среде Южного Вьетнама. В разговоре с одним из руководителей южновьетнамского сектора оперативного управления Эдамс как-то сказал, что имеющиеся документы дают основание считать, что в правительственных кругах режима Нгуен Ван Тхиеу насчитывается более тысячи коммунистических агентов. В ответ тот заявил: «Бога ради, не открывайте этот ящик Пандоры! У нас и без того хватает хлопот».

В конце ноября 1969 года Клэйн и Эдамс подготовили докладную записку, из которой следовало, что всего в южновьетнамской армии и среди гражданского руководства имеется около 30 тысяч вьетконговских агентов. Если бы эти выводы стали известны общественности, они имели бы колоссальные последствия. Сразу бы встал вопрос: какой смысл поддерживать правительство и армию, в ряды которых просочилось столько врагов, что у нее нет ни малейшей надежды устоять на собственных ногах? Неудивительно, что руководство ЦРУ категорически запретило знакомить кого бы то ни было с запиской Клэйна и Эдамса. Вскоре оба ушли из ЦРУ.

В ходе арестов членов группы На полиция совершенно случайно вышла на другую шпионскую организацию, возглавляемую коммунистом Ван Кхиеном. Под его ру-

ководством северовьетнамские разведчики проникли в среду высшего офицерства южновьетнамской армии. Ван Кхиен отказался дать показания, но в результате тщательно проведенного расследования полиция выявила десять членов его организации. Так одна ниточка потянула за собой другую, а потом и третью. В итоге мы выловили в несколько раз больше агентов, чем рассчитывали.

Что касается разведывательно-информационной работы моего подразделения, то оно продолжало отправлять в резидентуру в среднем по двадцать пять донесений в месяц. Единственным пробелом в нашей работе была вербовка агентуры среди вьетконговцев, поскольку резидентура запретила моим подчиненным заниматься этим делом, отдав его на откуп южновьетнамской полиции. У меня были все основания считать, что я с избытком выполнил те требования, исходя из которых Шакли обещал решать вопрос о повышении в должности. Перед тем как перейти на более высокую должность, Герман написал на меня служебную характеристику. В ней он высоко оценил мои профессиональные качества, но, видимо, не столь высоко, чтобы я автоматически смог получить повышение.

Тогда я собрал всех своих подчиненных и в их присутствии решил поговорить с Германом начистоту. Я перечислил все, что мне удалось сделать, с тех пор как я стал офицером связи со специальной полицией: увеличение числа подготавливаемых разведывательных донесений, а также улучшение их качества, успешное завершение операции «Мина», разоблачение шпионской организации коммунистов в южновьетнамской армии.

— Как вы знаете, моим подчиненным нельзя самостоятельно заниматься вербовкой агентуры, — сказал я Герману, — но что касается двух других показателей, являющихся основанием для повышения, то у меня они лучше, чем у кого бы то ни было. Я выполнил и перевыполнил требования, о которых вы нам столько твердили, поэтому я ожидаю повышения в должности.

— Вам известно, Ральф, что в нашей резидентуре есть ребята помоложе меня, занимающие более высокие должности, — ответил Герман, — но я не делаю из этого проблемы. Просто стараюсь работать как можно лучше, и все. И вам советую делать то же.

— Вы хотите сказать, что Шакли не собирается сдерживать слово?

Мой вопрос смутил Германа. Он досадливо поежился в кресле и в свою очередь спросил:

— Ральф, неужели вы действительно в это верите? Если да, то вы паивный человек.

Мы проговорили целый час, однако моя служебная характеристика осталась прежней. Несколько месяцев спустя ко мне зашел заместитель Германа. Он сказал, что я не попал в число получивших повышение, но на будущий год я его обязательно получу.

На место Германа был назначен протеже Шакли, ранее работавший в Европейском отделе. Назовем его условно Гарри. Он не особенно стремился во Вьетнам. Очень скоро стало очевидно, что Гарри ничего не понимает в нашей работе. В течение нескольких недель он разрушил все, что я так тщательно создавал. На самые ответственные участки он поставил бывших коллег по Европейскому отделу, попавших во Вьетнам помимо своей воли. У них не было ни опыта, ни желания работать в Азии. Что же касается старых, опытных вьетнамистов, их просто перевели на менее интересные, второстепенные должности, после чего они ожесточились и замкнулись. Результаты не заставили себя ждать. За последние три месяца моего пребывания во Вьетнаме мы не подготовили ни одного разведывательного донесения. Гарри винил за это меня, но год спустя после моего отъезда картина осталась прежней. Сам же Гарри благодаря слепой преданности Шакли со временем получил высокое звание и хорошую должность в одной из наших зарубежных резидентур.

Перед моим отъездом в США начальник специальной полиции на устроенной в мою честь церемонии наградил меня медалью и повесил мне через плечо вьетконговский флаг, развевавшийся в 1968 году, во время новогоднего наступления коммунистов, над сайгонским центральным рынком. Так же как и многие мои коллеги, он уговаривал меня остаться на второй срок. Однако я с трудом дождался дня, когда смог наконец покинуть эту многострадальную страну.

В аэропорту мне пришлось около часа ждать отлета самолета. Я зашел в ресторан и заказал себе пива. За мой столик сел какой-то вьетнамец с явной примесью европейской крови, прекрасно говоривший по-английски. В течение некоторого времени мы обменивались ничего не значащими фразами, а потом он вдруг спросил, не

соглашусь ли я провезти один пакет. Я невольно подумал об иронии судьбы: последняя просьба, с которой обратились ко мне во Вьетнаме, состояла в том, чтобы я провез в США партию героина. Я послал неизвестного типа к дьяволу.

Наконец самолет поднялся в воздух. Сидя у иллюминатора, я смотрел вниз на вьетнамский пейзаж, изуродованный воронками от авиабомб. Все представлялось мне таким безнадежным! Сколько еще будет загублено вьетнамцев и американцев? Сколько еще мы, американцы, убьем невинных гражданских лиц? Сколько детей сгорят от нашего напалма? Казалось, ничто не заставит Соединенные Штаты признать эфемерность их планов. Во всяком случае, мне это не удалось. Мое начальство категорически отвергло все мои призывы считаться с действительностью. Оно упрямо держалось за свои фантазии, не желая расставаться с иллюзиями.

Я вспомнил ту ночь, когда чуть было не покончил самоубийством, чтобы выразить протест против бесчеловечных преступлений ЦРУ во Вьетнаме. Перед глазами стояли встречавшиеся мне на каждом шагу лагеря беженцев, заполненные стариками и детьми с чудовищными следами ранений. Американские самолеты разбомбили их деревни, разрушили их дома, и вот теперь они вынуждены жить в ужасных хибарах. Я снова вспомнил детские лица, искаженные страхом и болью, смрад горящей от напалма человеческой плоти. Своей ложной информацией и подрывными операциями ЦРУ способствовало совершению этих и многих других преступлений. Вот почему я отказался от самоубийства, чтобы разоблачить деяния Центрального разведывательного управления во Вьетнаме.

Я радовался, что скоро буду дома. Вместе с тем я сознавал, что уже никогда не буду прежним. Мои мечты помогать людям, мои представления о том, какой должна быть разведка, уважение к моей работе, все, что радовало меня в жизни, мои представления о чести, честности, доверии и любви, то есть все, во что я верил и чем жил, все это развеял Вьетнам. Совершаемые ЦРУ убийства, его слепота отравили мне все радости жизни, изуродовали мою душу. Преисполненный гневом и ненавистью, я со страхом думал о том, что ждет меня в будущем. Оно казалось мне зловещим и безысходным.

Директор Управления международного развития США Джон Ганна «признал сегодня, что программы ЦРУ служат прикрытием для его подрывных операций»¹.

Перед отъездом из Сайгона я обратился к руководителю с просьбой направить меня еще на один срок в Таиланд и получил согласие. Собственно говоря, я не очень-то стремился ехать куда бы то ни было по линии ЦРУ, однако мне хотелось какое-то время остаться в управлении, чтобы еще раз съездить вместе с семьей за рубеж. Таиланд был самой приемлемой для меня страной.

Но сначала я должен был вернуться в Вашингтон. Там вместе с отставными полицейскими, завербованными для несения службы в отдаленных и захудалых странах, я обязан был прослушать курс лекций, которые организовало для нас Управление международного развития. Учеба проходила в помещении старого трамвайного парка в Джорджтауне. Перерывы между лекциями и те несколько недель, которые у меня оставались от отпуска, я использовал для того, чтобы попытаться найти себе другую работу. И опять непреодолимым препятствием оказалось взятое мною обязательство не разглашать мой нынешний род занятий. Я не мог нигде открыто сказать, что являюсь сотрудником Центрального разведывательного управления. К тому же у меня не было никаких особых талантов, которые я мог бы предложить работодателям.

Эти несколько недель до отъезда в Таиланд были очень трудными и для меня, и для моей семьи. Норма принимала мое постоянное молчание и плохое настроение на свой счет. Кроме того, она много раз категорически заявляла о своем нежелании ехать за рубеж, особенно в Таиланд, а теперь ей приходилось готовиться к такой поездке. Все ее попытки обсудить со мной наши проблемы заканчивались неудачей: я или начинал кричать, или, если это не помогало, просто уходил из дому. Мне самому порой казалось, что я утратил способность общаться с людьми.

¹ Adams N., McCoy A. (eds.) Laos: War and Revolutions. Harper and Row, N.Y., 1970, p. 380—381.

Я не хотел, чтобы мои переживания отражались на детях, и пытался скрывать от них мое подлинное отношение к ЦРУ. Все эти годы, после того как я раскрыл им тайну своей профессии, я старательно внушал им мысль о том, что Центральное разведывательное управление, действуя во всех уголках мира, делает много хорошего. Я даже говорил, что горжусь своей работой в ЦРУ. Особенно старательно обелял я действия ЦРУ в период, когда мы жили в Таиланде. Я постоянно твердил детям, что ЦРУ ведет борьбу с коммунистическими убийцами. Дети быстро усвоили мои уроки. Зато потом, когда мои собственные взгляды изменились, у меня не хватило духу сказать им, что все, чему я учил их, было неправдой.

Особенно глубокий след оставила наша пропаганда в сердце старшей дочери Пегги. Во время моей службы во Вьетнаме она училась в одном из американских колледжей. Однажды, когда преподаватели и студенты организовали антивоенную манифестацию, воспитанная в духе патриотизма Пегги отказалась принять в ней участие. Она была чуть ли не единственной, кто демонстративно отсидел положенные часы занятий.

Старшему сыну Скотту к моему возвращению из Вьетнама исполнилось шестнадцать лет. Как и многие другие юноши его поколения, он носил длинные волосы, потертую одежду и не скрывал своего презрения ко всему, что было так дорого нам, его родителям. Он и его друзья не желали ни учиться, ни работать. Они вообще не хотели делать того, что людям моего поколения казалось обязательным. Его длинные волосы приводили меня в бешенство. Американские традиции, житейская мудрость, просто привычка заставляли нас считать, что тщательно выбритое лицо и коротко остриженные волосы символизируют респектабельность и вообще все самое хорошее.

Однажды у нас со Скоттом произошла бурная ссора. Причиной явилось его нежелание учиться. Вместо того чтобы ходить в школу, он с друзьями гонял по городу на машине. Поскольку все последние годы я провел вдали от дома, во Вьетнаме, Скотт перестал меня считать главой семьи. Поэтому, когда я потребовал, чтобы он не смел больше брать машину, Скотт пришел в ярость. В доме создалась довольно напряженная обстановка. Ни я, ни сын не находили путей к примирению. За полтора года взаимопонимание между нами было настолько нарушено, что мы не знали, как себя вести в подобной ситуации.

В конце концов Норма предложила компромиссный выход, с которым я согласился.

Мое отношение к длинноволосым хиппи было двойственным. С одной стороны, я сочувствовал их выступлениям против вьетнамской войны, с другой — мне не хотелось иметь хиппи в собственном доме. Конечно, это было нелогично. Приняв одно, я должен был бы признать и другое. Но на это меня не хватило.

Как-то во время учебы на курсах Управления международного развития в Джорджтауне я решил использовать обеденный перерыв для прогулки. Несмотря на жаркий летний день, на мне был темно-голубой костюм и галстук. Поскольку в руках у меня был дипломат, я выглядел совсем как типичный служащий.

Мой маршрут проходил через ту часть города, где традиционно собирались хиппи. На подоконниках второго и третьего этажей сидели или лежали молодые люди в самых невероятных одеяниях и смотрели на прохожих. Это была какая-то особая, неизвестная мне жизнь. Наблюдая за ними, я дошел до Висконсп-авеню. Десятки юношей и девушек прогуливались там по тротуару, взявшись за руки, раздавали какие-то листовки, оживленно спорили о чем-то. Испытывая к ним невольную симпатию, я в то же время чувствовал себя среди них чужим. Ко мне подошли две девушки в длинных, крестьянского покроя платьях и спросили, не хочу ли я посмотреть спектакль политического театра. Сначала я подумал, что они насмеются надо мной. Оказалось, нет. Они действительно приглашали меня на спектакль. Мне трудно выразить это словами, но я вдруг почувствовал себя одним из них. Мне захотелось принять приглашение, сказать им, что я тоже против войны во Вьетнаме, что мы совершаем большую ошибку, участвуя в этой бойне, что мы являемся виновниками страданий ни в чем не повинного народа. Мне захотелось сбросить строгий костюм, влезть в джинсы и стать таким же, как они. Но я не мог сказать им всего этого. И сделать что-либо я тоже был бессилен.

Глава 12. ТАИЛАНД: ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ

В конце сентября 1970 года Норма, Скотт, Дэн и я вылетели в Таиланд, девочки же остались заканчивать учебу в колледже. Довольно быстро мы нашли подходящую квартиру в доме, расположенном неподалеку от

школы для иностранцев. Оказалось, в Бангкоке живет довольно много американских семей, члены которых не захотели находиться за тысячи миль от своих мужей и отцов.

Все те несчастья и переживания, которые выпали на долю этих семей, отразились и на американской школе. Когда-то у нее была репутация серьезного учебного заведения с высоким уровнем преподавания и строгой дисциплиной. Во время моего первого пребывания в Таиланде учившиеся в этой школе дочери получили прекрасные знания. Исключительно здоровой была и сама школьная атмосфера. Но за прошедшие годы все изменилось.

От окружавших школу тайландских кварталов она теперь была отделена восьмифутовой стеной с колючей проволокой наверху. В результате вьетнамской войны и присутствия в Таиланде большого количества американских военных специалистов число учеников заметно возросло. Но это бы еще ничего. Хуже, что среди них было немало разочаровавшихся в жизни, чуждавшихся общества молодых людей. Многие из них были сыповьями и дочерьми американцев, воевавших во Вьетнаме. Каждое утро, прежде чем попасть на школьный двор, дети должны были пройти через ворота, где проверяли состояние их одежды. Тех, кто позволял себе какую-либо вольность, тут же отправляли домой. Зато обычным явлением стали наркотики. Их всегда можно было достать у американских солдат. Да и прямо перед школой стояла тележка, с которой торговали маленькими порциями марихуаны. Всего за десять долларов школьники могли купить опиум или ампулу порошкового героина. В тайландских аптеках также свободно торговали некоторыми наркотиками.

Однажды, когда Норма и я отдыхали после обеда, забарабанили в нашу дверь. Девочка-подросток кричала, что ее подруга Мэри грозит прыгнуть с крыши. Я выскочил из квартиры и помчался вверх по лестнице, Норма бросилась за мной. Мэри со странным, осунувшимся лицом сидела на самом краю крыши. Стараясь не испугать ее, мы начали осторожно приближаться. Девочка не замечала нас. Быстро схватив Мэри, я унес ее в дом и уложил на диван.

Как объяснила ее подруга, Мэри проглотила какие-то таблетки, после чего принялась чудить. Спустившись двумя этажами ниже в ее квартиру, я узнал у служанки, что родители Мэри ушли и еще какое-то время их не будет. Поднявшись к себе, я застал страшный разгром.

Мэри яростно металась по комнатам и громко кричала, что хочет вернуться на крышу. Мы не пускали ее и старались успокоить. Все напрасно. У девочки начались галлюцинации, со стонами и бормотанием она указывала на стену и что-то кричала. Пока Норма ее держала, я безуспешно пытался дозвониться до американского врача. В конце концов девочка затихла и уснула. Вскоре пришли родители Мэри и забрали ее домой.

Несколько недель спустя живший над нами учащийся средней школы (отец его — полковник американской морской пехоты, получивший множество наград за войну во Вьетнаме) принял слишком большую дозу наркотиков и у него начались конвульсии. Юношу срочно доставили в американский военный госпиталь, где его с трудом удалось спасти. После этих случаев мне стало ясно: лидеры американской общины в Таиланде скрывают от нас, что среди американцев широкое распространение получила наркомания. Я узнал, что только в 1970/71 учебном году от наркотиков погибло шесть старшеклассников. Каждая пятая американская семья, проживавшая в Таиланде, была вынуждена досрочно вернуться в США из-за проблем, связанных с употреблением наркотиков.

Скотт вел себя в Таиланде точно так же, как дома, в США. Он слышать не хотел о школе и не желал подчиняться тому традиционному образу жизни, который нам, старшему поколению, казался единственно приемлемым. Каждое утро он садился в школьный автобус, но нередко выходил из него, не доезжая до школьных ворот, и весь день слонялся по городу. Школу он ненавидел, чувствовал себя там неуютно. Все происходившее вокруг ставило его в тупик. Он все время убеждал нас отправить его обратно в США, и в конце концов мы с Нормой сдались, тем более что наши друзья из Херндона предложили, чтобы он жил в их доме.

Перед отправкой Скотта мы заехали с ним в школу, чтобы забрать его дневник. В нем были одни удовлетворительные и плохие оценки. Помню, как, вернувшись в машину, я пытался объяснить сыну, как важно получить образование.

— Послушай, Скотт, — говорил я ему, — миллионы молодых людей прошли через те переживания, которые мучают сейчас тебя. Они испытывали те же чувства, их обуревали те же мысли. Тем не менее они отдавали себе отчет в том, что образование необходимо. Может, ты пересмотришь свои взгляды на учебу?

В каком-то отношении переживания Скотта были мне близки и понятны. Мне самому после многих лет работы в ЦРУ казалось, что все ошибаются и я один прав.

В тот же вечер мы отвезли сына в аэропорт. Норма, Дэн и я пытались бодриться, но на душе у нас скребли кошки. Объявили посадку, и Скотт простился с нами.

Как заместитель начальника отдела по подрывным операциям против Компартии Таиланда, я должен был помогать моему шефу контролировать деятельность нескольких сотрудников, главным образом офицеров связи. Очень скоро мне пришлось убедиться в том, что за все эти годы здесь ничего не изменилось. Другим стало мое отношение к деятельности ЦРУ. Как и прежде, мы собирали лишь ту информацию, которая подтверждала правильность политики США в Таиланде, то есть политики поддержки находящегося у власти военного режима и игнорирования всех тех проблем, которые порождались существованием этого режима. Почти все сведения мы получали непосредственно от самих лидеров страны или от наших коллег по разведке. Не было ни одного случая, чтобы в поступившей к нам информации содержались какие-либо факты, выставляющие правительство в невыгодном свете. Мы жили в каком-то фантастическом мире. Иногда казалось, что все мы актеры кино, произносящие заученные тексты и играющие каждый свою роль. Никто не мог отклониться от сценария, не вызвав при этом гнева остальных. Даже теперь, много лет спустя, мне трудно понять, как нам удавалось играть в эту странную игру.

В Иране, Латинской Америке, во Вьетнаме, в других районах земного шара мы стремились заполучить только такую информацию, которая подтверждала бы правильность нашей политики. Мы ничего не хотели слышать о том, что поддерживаемые нами диктаторы тиранят свои народы, что наша помощь режимам вызывает гнев народных масс по отношению к Соединенным Штатам.

Не желая ничего знать об этом, ЦРУ не разрешало своим сотрудникам поддерживать связь с общественностью тех стран, где они работали. Нечего и говорить, что большинство из них не могли бы этого сделать, так как не знали языка страны, в которой находились, а срок служебной командировки, как правило, ограничивался двумя годами — слишком маленький отрезок времени, чтобы завязать более широкие контакты с местным населением. Наши офицеры имели дело исключительно с го-

ворящей по-английски элитой и никогда не контактировали с простыми рабочими. Хотя более 80 процентов населения Таиланда составляют крестьяне, за все тридцать лет деятельности ЦРУ в этой стране ни разу не было составлено разведывательного донесения (кроме тех, которые подготовили моя бригада и я), основанного на беседах с сельскими жителями. Вместо этого резидентура слала в штаб-квартиру сообщения о тех проблемах, с которыми сталкивались диктаторы в их попытках подавить сопротивление своих народов. Если же в страну попадал сотрудник со знанием местного языка и устанавливал контакт с представителями рабочего класса, то на него сразу же наклеивали ярлык «попавшего под чуждое влияние» и отправляли назад в Соединенные Штаты. За несколько лет до этого я наблюдал то же самое на Тайване, но тогда все это казалось мне совершенно нормальным. И в наши дни ЦРУ точно так же искажает в своих донесениях реальное положение дел в различных странах мира, как, например, в Иране и Сальвадоре.

Резидентура в Таиланде является одним из крупных зарубежных отделений ЦРУ, и на ее примере можно проанализировать все основные виды тайных подрывных операций, осуществляемых управлением за границей, такие, как борьба с повстанческим движением, психологическая война, полувоенные, внешние и другие операции.

Борьба с повстанческим движением. В течение всего 1970 года наша резидентура в Таиланде активно проводила операции против повстанцев. В этой деятельности, так же как в своих разведывательных донесениях, ЦРУ игнорировало основную причину успеха коммунистов — существование в сельских местностях массовых политических организаций крестьян. Никто не имел ни малейшего понятия, что представляют собой коммунистические организации в деревнях.

Одна из главных причин неэффективности нашей работы в Таиланде состояла в том, что никто из руководителей резидентуры не имел необходимого опыта и знаний. В качестве примера сошлюсь на одно из состоявшихся в начале 1971 года совещаний, на котором я присутствовал. С тайландской стороны в нем участвовали руководитель крупнейшей противоповстанческой организации (назовем его условно генералом Чамнонгом) и несколько других офицеров. Совещание было созвано для того, чтобы заместитель главы резидентуры разъяснил генералу Чам-

нонгу, как руководимая им организация обязана бороться с повстанческим движением.

Поскольку на совещании должен был выступить сам заместитель главы резидентуры, Чамнонг, естественно, ожидал услышать нечто важное. Однако докладчик, человек сравнительно недавно работавший в Юго-Восточной Азии, не смог предложить своим слушателям ничего, кроме длинного и нудного перечисления всех тех программ и операций, которые обычно рекомендуются в качестве средств борьбы с повстанцами. При этом он особо подчеркивал, что отряды генерала Чамнонга должны прежде всего сделать невозможными какие-либо связи между коммунистическими повстанцами и жителями деревень. Для наглядности заместитель главы резидентуры начертил на листе бумаги треугольник, обозначавший деревню, а вокруг него круг как графическое изображение операции по «нарушению коммуникаций». Я, как и другие ветераны, отлично знал, что в каждой провинции генерал Чамнонг имел только одного опытного офицера, который конечно же основное свое внимание уделял административному центру. У него не было никакой возможности выезжать в отдаленные населенные пункты, чтобы организовать на месте предлагаемые нами противоповстанческие операции.

Поскольку генерал Чамнонг был из тех людей, которые не лезут в карман за словом, он не остался в долгу перед своим американским коллегой и ответил ему такой же банальной тирадой на тему борьбы с повстанцами. В течение почти целого часа между ними шел весьма странный обмен репликами, который, по признанию самого генерала, оставил его в состоянии недоумения и тревоги. Чамнонг не мог уяснить, что происходит: то ли заместитель главы резидентуры чем-то недоволен, то ли за его общими фразами скрывается такое, чего он, Чамнонг, просто не понимает. К счастью, тайский генерал не догадался, что американский разведчик говорил без всякой задней мысли, что он действительно считал: тактика борьбы с повстанцами должна быть именно такой, какой он ее охарактеризовал в своем выступлении.

Операции, осуществляемые в рамках психологической войны. Судя по выступлениям печати, неумелые, неловкие действия резидентуры ЦРУ в Таиланде нередко заканчивались скандалом. Согласно сообщениям американской и тайландской печати, в конце 1973 года сотрудники резидентуры направили премьер-министру Таиланда сфа-

брикованное ими письмо, с которым некоторые из руководителей компартии Северо-Восточного Таиланда якобы обратились к лидеру страны. В основе всей этой затеи лежало желание подтолкнуть таиландское правительство на более активные выступления против коммунистической партии. Для этого они хотели убедить премьер-министра, что среди коммунистических руководителей начались разногласия по вопросу о том, чему отдать предпочтение — вооруженной борьбе или мирной революции. Письмо содержало оскорбительное для таиландского правительства предложение о прекращении огня в обмен на предоставление местной автономии расположенным на границе с Лаосом «освобожденным районам». Позднее в печать просочилось сообщение, что письмо было направлено в Бангкок сотрудником ЦРУ, работавшим в провинции Сакорн Накорн.

Получив такое предложение, премьер-министр пришел в ярость. Выступив в печати, он публично отверг демарш компартии, свидетельствовавший, по его словам, о самонадеянности и высокомерии коммунистов.

Осложнения начались, когда у одного из газетчиков возникли какие-то подозрения и он попытался проследить маршрут злополучного письма. Сделать это оказалось на удивление легко, так как отправлявший его человек, видимо, решил, что письмо, адресованное премьер-министру, посылать обычной почтой нельзя, и зарегистрировал обратный адрес. Как писала пресса, это было «отделение Центрального разведывательного управления» в Сакорн Накорне.

Когда эта афера была разоблачена, в таиландской печати появилась целая серия статей с выражением негодования по поводу вмешательства ЦРУ во внутренние дела Таиланда. В конечном счете неловкие действия резидентуры сделали то, что не могла сделать за много лет вся коммунистическая пропаганда. Характерные для Таиланда проамериканские настроения сменились резко антиамериканскими.

Как назло, вскоре после этого провала сотрудник американской разведки попытался завербовать в одном из кафе Бангкока таиландца, который тут же сообщил о сделанном ему предложении. Разразился скандал, и американо-таиландские отношения ухудшились до уровня, на котором они еще никогда не были. А вслед за этим главный агент Сэма, который упоминался выше и которого считали членом ЦК таиландской компартии, органи-

затормозившейся фракции, выступавшей за мирный путь построения социализма, опубликовал книгу, разоблачающую деятельность ЦРУ в Таиланде.

Наиболее чувствительные удары по репутации ЦРУ связаны с разоблачением его агентов, действовавших под различными прикрытиями. В свое время поднялся невообразимый шум, когда бывший сотрудник управления Филип Эйджи, считавшийся чуть ли не главным врагом ЦРУ, издал ряд книг, в которых назвал поименно известных ему зарубежных агентов управления. Однако ЦРУ зачастую само способствует их разоблачению. Например, однажды глава резидентуры решил организовать у себя в доме прием, пригласив на него всех без исключения сотрудников. Начальник одного из отделов попросил освободить его подчиненных от участия в этом мероприятии, поскольку их принадлежность к ЦРУ тщательно скрывалась. Он опасался, что местная полиция, которую попросили регулировать движение и парковку в районе дома главы резидентуры, зафиксирует номера автомашин всех прибывших. Казалось, ему удалось убедить начальство в своей правоте. Но, к его досаде, глава резидентуры распорядился устроить два приема: один для менее, а другой для более засекреченных сотрудников. Если общий прием не позволял выявить хотя бы наиболее тайных сотрудников ЦРУ, то теперь их, будто нарочно, выделили в отдельную группу.

Полувоенные операции. В начале 50-х годов ЦРУ оказывало поддержку организованным по его инициативе отрядам полицейской воздушной разведки, осуществлявшей типично полувоенные операции. В своем меморандуме о нестандартных способах ведения войны генерал Эдвард Лэнсдейл писал в 1961 году следующее: «В задачу полицейской воздушной разведки входило проведение секретных операций. 99 сотрудников этой организации тайно были внедрены в сепаратистское движение племени мяо (хмонг) в Лаосе... Численность созданных при поддержке ЦРУ отрядов полицейской воздушной разведки быстро увеличилась с 300 до 550 человек. В настоящее время среди партизанских отрядов мяо насчитывается 13 подразделений, укомплектованных бойцами полицейской воздушной разведки»¹.

С годами «тайная война» переросла в большой пожар, в настоящую войну с применением артиллерии, авиации

¹ The Pentagon Papers. Bantam Books, Inc., Toronto, 1971, p. 133.

и крупных воинских формирований. За всем этим стояло ЦРУ.

Так же как во Вьетнаме, ЦРУ не признавало того факта, что коммунистическое движение Патет-Лао носит подлинно народный характер. С помощью полицейской воздушной разведки и племени мяо ЦРУ создало лояльную по отношению к Соединенным Штатам и зависящую от него армию. Однако в 1975 году эта армия, не имевшая никакой поддержки у населения, была разгромлена превосходящими силами Патет-Лао. Что же касается племени мяо, то оно из-за своего сотрудничества с американцами теперь обречено на вымирание. Вся его молодежь была уничтожена в ходе военных действий. Остатки племени влачат жалкое существование в лагерях для беженцев в Таиланде. Никакого будущего у них нет.

Другая закончившаяся плачевно операция ЦРУ была связана с насчитывающей 4,5 тысячи человек полицией пограничного патрулирования Таиланда. Согласно цитированному выше меморандуму генерала Лэнсдейла задача полиции пограничного патрулирования состояла в том, чтобы «вести борьбу с иностранными партизанскими отрядами, избравшими Таиланд убежищем. Речь идет о действовавших в Восточном Таиланде отрядах так называемого движения Вьетмин и расположившихся вдоль границы с Малайзией на юге страны китайских коммунистах»¹.

Однако такого рода объяснения не имеют ничего общего с реальной действительностью, поскольку движение Вьетмин распалось еще в середине 50-х годов, но даже до того его отряды никогда не заходили ни в восточные, ни в какие другие районы Таиланда. Точно так же китайские коммунисты не проникали на территорию Таиланда или в пограничные с Малайзией провинции.

Как пишет в своем меморандуме Лэнсдейл, функции полиции пограничного патрулирования постепенно изменялись и в конечном счете «помимо выполнения обычных полицейских задач в ее обязанности стали входить борьба с инфильтрацией противника и его подрывной деятельностью в мирное время, а в случае войны — партизанские действия на захваченной противником территории и оказание поддержки регулярной таиландской армии»².

Ясно, что, принимая решение о поддержке полиции пограничного патрулирования, ЦРУ исходило из совер-

¹ The Pentagon Papers, p. 134.

² Там же, с. 133.

шенно неправильной оценки обстановки. Впрочем, такого рода ошибки были для него типичными. Однако культивирующееся требование о соблюдении строжайшей секретности всегда позволяет бюрократам от разведки уходить от ответственности за совершаемые ими ошибки.

Внешние операции. Цель этих операций состоит в сборе информации о «третьих странах». Сбором таких разведывательных данных занимался специальный отдел тайландской резидентуры.

Резидентура ЦРУ в Таиланде относится к числу самых крупных. Одно из направлений ее деятельности — вербовка и заброска агентуры в «третьи страны». Оперативные сотрудники придерживаются при этом концепции, которая абсолютно бесплодна. Работа по подбору, вербовке, подготовке и направлению за рубеж агентуры является нелегким делом и занимает массу времени. Что же касается результативности этой работы, то она ничтожна. В поступающих от агентов донесениях содержатся сведения о положении в родной деревне, об урожае риса, о настроениях ее жителей, о том, что агент видел по дороге в эту деревню. Если сравнить значение всей этой информации с затратами сил и средств, становится очевидно, что овчинка выделки не стоит.

Оценка политической обстановки. Резидентура в Таиланде чаще, чем какое-либо другое зарубежное отделение ЦРУ, готовила отчеты с оценкой политической обстановки в стране. При этом всегда существовала возможность и, я бы сказал, соблазн подтасовать имеющиеся факты. Мне лично неоднократно приходилось наблюдать, как сотрудники брали какую-нибудь пикантную новость, добавляли к предыдущим сообщениям несколько дополнительных штрихов, а затем с помощью известной доли воображения и нахальства превращали все это в разведывательное донесение.

Чаще всего злоупотребления такого рода встречались при составлении донесений о политических переворотах в стране. Надо сказать, что для политической жизни Таиланда вообще были характерны происходившие там каждые два года перевороты. Если к этому добавить заговоры, рожденные фантазией американской разведки, то неудивительно, что в тайландской резидентуре, как и во многих других зарубежных отделениях ЦРУ, выработался своего рода цикл, в соответствии с которым донесения о готовящихся переворотах стали направляться в штаб-квартиру управления с определенно выраженной регуляр-

ностью. В них, как правило, фигурировала какая-либо группировка, которая вначале планировала переворот, потом несколько раз переносила сроки его осуществления, а в конечном счете просто исчезала из поля зрения.

Каждая стадия такого несостоявшегося переворота порождала целую серию разведывательных донесений. Как правило, никаких переворотов так и не происходило, и через некоторое время начинался новый цикл «заговоров» той же самой или какой-либо другой группировки. Нередко создавался своего рода симбиоз между сотрудником резидентуры и его агентом, который, зная, какого рода информацию от него ждут, просто ее выдумывал, чтобы угодить своему хозяину. Однако бывало и так, что агентурные сведения о готовящемся свержении правительства оказывались точными. Это нередко заставляло американскую разведку врасплох на середине цикла вообразаемых переворотов. Тогда после прихода к власти нового правительства в центр шла новая серия донесений о контрпереворотах. На основе такого метода сбора разведывательных данных ответственные за оценку политической обстановки сотрудники, используя собственную фантазию, сочиняли большинство разведывательных донесений.

Иногда стремление своевременно сообщить о готовящемся заговоре приводило к абсурду. Так, Джон Стокуэлл в книге «В поисках врагов»¹ вспоминает о том, как начинал свою карьеру оперативного сотрудника. Во время его первой заграничной командировки ему было поручено завербовать человека, которому был дан псевдоним Кристон-1 (Н-1). Поскольку этот человек влачил жалкое существование, Стокуэллу легко удалось сделать его своим осведомителем.

«Вы уверены, что не готовится очередной переворот? — спросил Стокуэлл своего агента. — А чем тогда занимается сейчас ваш племянник, сын покойного президента?»

Н-1 переговорил со своим родственником и выяснил, что тот конечно же недоволен существующим режимом. В разведывательном донесении это недовольство было раздуто сверх всякой меры и выглядело как свидетельство зреющего заговора. Штаб-квартира осталась очень довольна своим сотрудником и разрешила выплатить агенту дополнительное вознаграждение. Никто не обра-

¹ См.: Stockwell I. In Search of Enemies. W. W. Norton and Company, Inc., N.Y., 1978.

тил при этом внимания на то, что участники якобы готовящегося переворота были совершенно незрелыми молодыми людьми. Правительство вскоре раскрыло «заговор», и агент Н-1 был вынужден провести семь лет в тюрьме. Сам Стокуэлл тоже был еще совсем молодым, начинающим сотрудником и искренне верил в то, что делает доброе дело, занимаясь сбором информации. Ему и в голову не приходило, что он докладывал о заговоре, который фактически сам же и выдумал.

История со Стокуэллом вовсе не исключение. Нечто похожее в различных вариантах неоднократно происходило в других районах мира, поскольку повсюду ЦРУ на основе высосанных из пальца данных готовило в большом количестве такого рода разведывательные донесения, которые должны были понравиться президенту и его помощникам по национальной безопасности.

К этому времени я уже полностью отдавал себе отчет о характере деятельности ЦРУ за рубежом. Меня приводили в бешенство все эти «разведывательные» операции, рождаемые фантазией его сотрудников. Это мучило меня, и только сознание, что я должен высидеть в Таиланде положенный срок, чтобы иметь право на пенсию, заставило смириться с моим положением. Временами я вспоминал свои молодые годы, когда играл в футбольной команде «Нотр-Дам». Тогда я стремился сделать все, на что был способен. В каждой игре выкладывался до конца, испытывал огромное удовлетворение от своего старания и достигнутой в результате победы. Но в том, чем я занимался теперь, победить было невозможно, потому что, как только я пытался довести дело до победного конца, на моем пути вставали многочисленные бюрократические рогатки и мне не оставалось ничего другого, как примириться с этим.

Я все еще считал, что мы должны остановить рост влияния Компартии Таиланда и что для этого надо прежде всего реально оценить ее силы. Конечно, признание масштабов коммунистического движения в Таиланде и его характера такими, какими они были в действительности, повлекло бы за собой такое же признание в отношении подобных движений в Лаосе, во Вьетнаме и в Камбодже. Я понимал, что, если мы посмотрим правде в глаза, нам не останется ничего другого, как немедленно вывести свои войска из Юго-Восточной Азии или же уничтожить ее народы с помощью атомной бомбы. Я считал, что, уж коль скоро мы тратим миллионы долларов

на вооружение тайландской армии, необходимо по крайней мере давать верные сведения о повстанцах, с которыми эта армия должна вести борьбу. Однако по опыту, полученному мной во Вьетнаме и во время первой командировки в Таиланд, я знал, что добиваться этого бесполезно, и потому решил не тратить впустую нервы и оставаться безучастным наблюдателем.

Уже в самом начале моего второго срока работы в Таиланде я встречал тайцев, с которыми работал во время первой командировки. Один из наших сотрудников попросил меня съездить во внутренние районы, чтобы помочь ему наладить отношения с его тайландскими коллегами, и прежде всего с полковником полиции Чэт Чаем. Приехав в город Удорн на северо-востоке страны, я попал на большой прием, устроенный группой тайских офицеров полиции в честь американцев. Прием проходил в расположенном на крыше местного отеля саду под обычную для таких случаев, то есть плохую, музыку, исполняемую маленьким оркестром. Полковник, казалось, обрадовался нашей встрече, и вскоре мы втроем уселись в укромном уголке, где можно было спокойно поговорить. За прошедшие годы полковник сильно изменился. Когда-то он мог напряженно работать в течение многих часов подряд, ни на что не отвлекаясь. Теперь его отношение к делу стало совершенно другим. Как сказал мне мой американский коллега, Чэт Чай завел любовницу и тратил массу времени на развлечения. Это подтвердил и сам полковник.

— Когда-то полиция занималась сбором сведений о коммунистах,—сказал мне Чэт Чай.— Сейчас эти функции переданы другим. Что бы коммунисты ни предприняли, я или кто-то из моих людей должны явиться на место происшествия и зарегистрировать его. И это все. На этом наша миссия заканчивается. Проблемами, как таковыми, поручено заниматься другим. Поэтому меня теперь ничего не волнует.

Став циником, Чэт Чай расстался с привычкой хихикать по поводу и без повода, приобрел характерную для тайцев способность уклоняться от исполнения своих служебных обязанностей и любовь к разглагольствованию. Те «другие», которых имел в виду полковник, были всемогущие в условиях Таиланда военные. Именно они взяли на себя ответственность за ведение разведки и борьбу с повстанцами.

— А чем заняты вы? — спросил меня Чэт Чай. —

Не собираетесь снова начать такое же исследование, какое мы провели с вами когда-то?

— Ну его к черту! Я пытался ставить этот вопрос перед руководством штаб-квартиры и потом еще раз во Вьетнаме, но никого это не интересует. Поэтому я делаю то, что мне приказывают, и ни во что не лезу. Просто стараюсь как-то убить время. Вот начал опять изучать тайский язык. И знаешь, это помогает отгонять дурные мысли.

Наши дружеские беседы продолжались часами. Мой коллега по ЦРУ не извлек никакой пользы из моего визита и, наверное, жалел, что пригласил меня. Как и я, полковник Чэт Чай прекрасно понимал бесполезность каких-либо усилий. Мы с грустью распрощались.

Однажды ко мне приехал бывший член нашей команды исследователей лейтенант Сомбун. Поскольку в целях сохранения секретности нам не разрешалось приглашать иностранных граждан в наши рабочие помещения, я повел своего старого друга в кафетерий. Оказалось, Сомбун не утратил прежнего энтузиазма и не отказался от попыток что-то предпринять.

— Я работаю теперь в южных районах страны, — рассказывал он мне, — где повстанческое движение приняло большие масштабы. Все время стараюсь доказать необходимость основательно разобраться в причинах этого явления, но никто не хочет меня слушать. В прошлый раз наша с вами работа дала такие прекрасные результаты! Непонятно, почему ее не продолжают. Я говорил с вашими коллегами, но они и знать не хотят о нашем исследовании. А каковы ваши планы? Вы не собираетесь возобновить сбор разведывательных данных по нашему методу?

Когда-то лейтенант Сомбун был полон энергии, его переполняли идеи и планы. Теперь я видел глубоко обеспокоенного создавшимся положением человека. Я ничем не мог ему помочь. В своей работе, направленной против повстанческого движения, тайцы полагались на советы американских специалистов. Поскольку мы отказались от исследований как метода сбора разведывательных данных, прекратила их и тайландская сторона.

— Я ничего не могу сделать для вас, — посетовал я. — Моего влияния для этого недостаточно.

По отразившейся на лице лейтенанта растерянности я понял, что он разгадал мои переживания. При других обстоятельствах мы просидели бы с ним не один час,

обсуждая и разрабатывая планы. Сейчас же нам нечего было сказать друг другу. Через полчаса мы расстались.

Была еще одна тягостная встреча. Однажды, сидя в кафетерии за чашкой кофе, я увидел Джимми Мо, того самого образцового конкистадора, с которым никто из нас, курсантов ЦРУ, не мог сравниться. Джимми стоял на тротуаре возле кафетерия. Когда-то он был воплощением энергии. Теперь он выглядел жалким, потерпевшим поражение человеком. Мне казалось, я понимал, в чем дело. Джимми Мо рано или поздно обязательно должен был почувствовать себя Иудой, который, как бык на скотобойне, ведет своих последователей на уничтожение. В самом деле, лаосское племя хмонг, которое в течение многих лет Джимми втравливал в войну с Патриотическим фронтом Лаоса, было на грани вымирания. (Я невольно представил, что подумают о себе лет через десять те сотрудники ЦРУ, которые сейчас толкают индейское племя мискито на борьбу с никарагуанским правительством.) Война в Лаосе привела почти к полному уничтожению всех молодых мужчин племени хмонг, что поставило это племя на грань исчезновения.

Джимми Мо выглядел настолько подавленным и сломленным, что я поборол естественное желание подойти и поприветствовать его. Джимми почувствовал, что на него кто-то смотрит. Он оглянулся, и по его взгляду я понял, что он узнал меня. Но тотчас же его лицо приняло печальное выражение. Мы смотрели друг на друга, и каждый из нас прочитал в глазах другого множество невысказанных мыслей. Было бесполезно пытаться возобновить нашу дружбу. Я встал и направился к выходу. Джимми Мо молча отвернулся.

Накануне рождества 1971 года Норма, Дэн и я захотели съездить на пляжи Хуахин. Перед тем как выйти из дому, мы решили позвонить Скотту. Когда наконец нас соединили, я в шутку спросил сына:

— Послушай, а почему бы тебе не вернуться к нам?

— О, если бы это только было возможно... — вздохнул Скотт.

Это было так неожиданно, что я спросил, действительно ли он этого хочет.

— Да, — произнес Скотт. — В жизни все оказалось совсем не так, как я думал. Я хотел бы попробовать все сначала.

— Великолепно! — обрадовался я. — Подожди не-

сколько дней. Как только мы вернемся с моря, я сразу займусь этим делом.

Мы пожелали Скотту счастливого рождества и в радостном настроении поехали в Хуахин, предвкушая скорое возвращение нашего старшего сына.

Две недели спустя мы встречали его в аэропорту. Он явно изменился. Хорошо одетый, аккуратно причесанный, Скотт был в прекрасном настроении. Уже через несколько месяцев он стал получать в школе хорошие оценки. Потом познакомился с девушкой, отец которой служил в американском посольстве в Бангладеш. Скотт и Лиза стали большими друзьями, а окончив университет, поженились. Только тогда старший сын признался, что наш разговор в машине в день его отъезда из Таиланда помог ему радикально изменить свои взгляды.

Вскоре после приезда в Таиланд я почувствовал боль в позвоночнике и бедре. С течением времени мое самочувствие стало ухудшаться. По рекомендации врачей я в течение года ежедневно занимался лечебной физкультурой, чтобы укрепить мышцы живота и таким образом ослабить нагрузку на позвоночник. Однако боль не проходила. Иногда она была настолько невыносимой, что я не мог выстоять вечер на приеме. С меня градом катился пот, и мне стоило невероятных усилий не упасть в обморок. В таких случаях я либо садился, либо срочно уезжал.

Врачи американского госпиталя и больницы адвентистов седьмого дня в один голос утверждали, что у меня заболевание позвоночного диска и мне могут помочь только физические упражнения. Дело дошло до того, что из-за нестерпимой боли я перестал спать. По утрам я долго лежал на спине, соображая, как бы одеться, чтобы не вызвать своими движениями боли.

Было объявлено, что скоро предстоят повышения в должности. Вопреки гарантиям, которые дали мне в Сайгоне Шакли и его заместитель, я не получил повышения. И тогда я взорвался. Сыграли свою роль и непрекращающаяся боль, и общее психическое состояние. Короче говоря, я написал длинное, гневное письмо с рассказом обо всем, что со мной случилось. Я припомнил и историю с моим предложением о методах сбора разведывательных данных, и провалы, вызванные отказом трезво оценивать складывающуюся обстановку, и нарушение данных мне обязательств. Одним словом, я дал волю гневу, разочарованию и отчаянию. Свое послание я адресовал главе

резидентуры. Вскоре тот вызвал меня и предложил изложить все мои жалобы приезжающему в страну генералу Гордону Стюарту. Перед тем как уйти в отставку, этот высокопоставленный бюрократ в соответствии с традицией совершал турне по свету. Чтобы как-то оправдать казенные расходы, он попутно знакомился с состоянием дел в лежавших на его пути странах. При этом он, конечно, никак не предполагал, что ему придется заниматься серьезными проблемами вроде тех, которые я ставил в своем письме.

Два дня спустя, после того как я направил генералу копию своего послания, меня срочно разыскала в кафетерии секретарша и объявила, что генерал требует меня к себе. Я поднялся в выделенный визитеру кабинет. Оторвавшись от лежавшего перед ним письма, Стюарт сердито посмотрел на меня и сказал:

— Закройте дверь! Садитесь!

Далее разговор продолжался в еще более суровом тоне.

— Я прочел ваше письмо и, посоветовавшись с вашим начальством, решил назначить вам испытательный срок, во время которого будет определена ваша пригодность к службе в ЦРУ.

Привыкший ко всяким неприятностям за долгие годы работы в ЦРУ, я спокойно отреагировал на тираду генерала и спросил:

— Разве я в чем-нибудь нарушил принятую процедуру обращения к руководству? Какие у вас основания подвергать меня испытанию?

Гордон Стюарт долго молчал, но все же вынужден был признать, что я действовал в соответствии с правилами.

— Все равно вы должны быть подвергнуты испытательному сроку. А завтра в десять ноль-ноль глава резидентуры приглашает вас на беседу.

На следующее утро я был в кабинете начальника, высокого красивого мужчины лет пятидесяти пяти. Говорили, что всеми делами заправляет его секретарша. У него был расстроенный вид, и я чувствовал, что он нервничает. Позже я догадался, в чем дело. В кабинете, по-видимому, находилось записывающее устройство, и мой начальник надеялся, что я по неосторожности скажу что-нибудь лишнее.

Посадив меня напротив, он начал неуверенно изла-

гать свою точку зрения по затронутым мной вопросам, незаметно поглядывая на скрытый микрофон.

— В работе некоторых сотрудников ЦРУ, — сказал мне наконец глава резидентуры, — наступает иногда такой момент, когда они не в состоянии оставаться членами нашего коллектива. Кажется, именно это с вами и произошло. Поэтому я назначаю вам трехмесячный испытательный срок, в течение которого буду внимательно следить за вашим поведением.

Он не объяснил, что со мной случится, если я не выдержу испытания. Впрочем, меня это не особенно беспокоило. Глава резидентуры был безвольным человеком, и я знал, что он никогда не посмеет меня уволить. Оказалось, я был прав. Впоследствии выяснилось, что никто в штаб-квартире даже не узнал, что мне дали испытательный срок. Глава резидентуры, а вернее, его секретарша телеграфировала в Лэнгли о том, что я обращался просто за советом.

Между тем боль в спине настолько усилилась, что врачи американского госпиталя посоветовали мне прекратить упражнения, а через некоторое время снова им показаться. И вот наступил день, когда я не смог встать с постели. С трудом, прямо в пижаме, я на карачках спустился вниз и улегся на заднем сиденье машины. Норма сама отвезла меня в больницу.

После серии новых исследований американский врач установил, что у меня сломан диск позвоночника. Он предложил мне сделать вместе с тайским хирургом, личным врачом короля, операцию по удалению диска. Но Норма потребовала, чтобы меня оперировали в Соединенных Штатах.

Перелет в Вашингтон сохранился в моей памяти как какой-то сплошной кошмар. Бангкокские врачи дали мне на дорогу большую дозу обезболивающего лекарства и посоветовали для более эффективного действия принимать его со спиртными напитками. (Современная медицина считает такое сочетание чуть ли не смертельным.) Ко времени промежуточной посадки в Гонолулу от всех этих таблеток и порций «martini» я был здорово на взводе. Чтобы пройти таможенный досмотр, всем пассажирам пришлось выйти из самолета. Идти нормально я не мог. Меня все время заваливало куда-то вправо, и я безбожно толкал всех, кто имел несчастье оказаться рядом.

Инспектор таможни, молодая женщина, чересчур до-

бросовестно старалась исполнять свои обязанности. Норма сразу сообразила, что ее назойливость таит опасность, и, пока инспектор перебирала наш багаж, попробовала потихоньку оттеснить меня подальше. Но не тут-то было — я не подчинился. Очередной вопрос инспектора привел меня в бешенство. Между нами завязался яростный спор. Норма пыталась увести меня — и безуспешно. Появился начальник таможни. По-видимому, его предупредили, что в самолете находится больной сотрудник ЦРУ. Во всяком случае, он сам занялся оформлением нашего багажа, и через минуту все было окончено.

В Далласском аэропорту в Вашингтоне нас встречали дочь Джин и ее муж Джо. Они сразу отвезли меня в Джорджтаунскую больницу. Там мне ввели в позвоночник красящее вещество, и сразу стало ясно, что диск, который бангкокские врачи собирались удалить, в полном порядке. Сломанным оказался совершенно другой диск. Меня немедленно оперировали. К счастью, все обошлось благополучно.

Глава 13. СВЕТ В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ

После операции и нескольких месяцев лечения я явился за назначением в отделение кадров Восточноазиатского отдела, носившего ранее название Дальневосточного. Принимавший меня кадровик (назовем его Блэки) имел внешность типичного политика. Человек мощного телосложения, циник, «шутливо» назвавший резидентуру в Сайгоне восточным Диснейлендом¹, он старательно держал нос по ветру, ориентируясь в своих решениях на мнение руководства. В присланной из Таиланда телефонограмме ему рекомендовали успокоить меня.

— Что у вас там приключилось? — спросил меня Блэки.

Я коротко ввел его в курс дела, добавив, что подробно все изложил в письме, представленном мной отделу кадров нашего отделения в Таиланде. Блэки заверил меня, что попросит Бангкок прислать экземпляр этого письма.

¹ Диснейленд — увеселительный парк в Калифорнии, названный в честь его создателя, известного американского режиссера-мультипликатора Уолта Диснея.

— В заполненной вами анкете вы указали, что хотели бы перейти из оперативного управления в информационное, — сказал Блэки. — Я направил им ваше личное дело, но вы их не интересуете. Так что мне придется подыскать вам место здесь, у нас.

Однако, как только Блэки получил из Бангкока копию моего письма, его отношение ко мне сразу изменилось, поскольку в письме я обвинял Шакли, который должен был стать руководителем отдела, то есть начальником Блэки, в преднамеренно неправильной интерпретации фактов. Сознательно игнорируя все остальные поднятые в моем письме проблемы, он все свел к вопросу о повышении.

— Кто сказал, что вам положено повышение? Сейчас это невозможно.

Блэки пустил слух, что я вечно чем-то недоволен, и вложил в мое личное дело документы, оценивающие меня весьма критически. Естественно, после этого все начальники Восточноазиатского отдела отказались взять меня. В конце концов я получил временное назначение в архивный сектор. Это второстепенное по своей значимости подразделение размещалось в подвале. Работавшие в нем пожилые дамы были заняты тем, что переключивали с места на место пожелтевшие от времени досье. Разумеется, сделано это было специально, чтобы унижить меня. Кроме меня в эту, как мы ее называли между собой, «Сибирь ЦРУ» был сослан еще один отверженный. Между нами было мало общего, если не считать того, что мы оба оказались в плачевном положении. Но одно то, что рядом с тобой кто-то поносит на чем свет стоит Центральное разведывательное управление, действовало ободряюще.

Находясь в «ссылке», я опять написал письмо, на этот раз на имя Колби, который к этому времени стал директором-распорядителем контрольно-ревизионной службы ЦРУ. В нем я указал на те грубые ошибки, которые совершает наша резидентура во Вьетнаме, сославшись при этом на ряд книг и исследований, подтверждающих мою точку зрения относительно структуры коммунистического движения. К письму я приложил копию своих предложений, с которыми ранее обращался в комитет, присуждающий награды за особо выдающиеся достижения в работе и ценные рекомендации. Я не надеялся получить какой-либо ответ. И действительно, никакого

ответа не последовало, а уже через несколько дней я забыл о своем письме. Но Колби о нем не забыл.

Как оказалось, назначенный директором ЦРУ Джеймс Шлезингер должен был в ближайшее время разослать по всем отделам циркулярный меморандум, в котором сотрудникам управления предлагалось высказать свои замечания относительно недостатков в деятельности Центрального разведывательного управления, а также сообщить о незаконных действиях, совершаемых его службами. Накануне предполагаемого появления меморандума меня вдруг, к моему удивлению, послали в длительную заграничную командировку в Таиланд. Когда я вернулся и узнал о том, что у меня была законная возможность обратиться к руководству управления со своими предложениями, срок подачи материалов истек. Было совершенно очевидно, что меня просто-напросто на время убрали из Лэнгли.

В конце концов меня назначили референтом (представителем) Восточноазиатского отдела при отделении по делам международного коммунизма. В те годы это было второстепенное подразделение, входившее в состав оперативного управления и занимавшееся вопросами контрразведки. Новые сотрудники потребовались там потому, что в связи с приходом Джеймса Шлезингера в управлении начались массовые увольнения. Это было не то назначение, которое позволяло заново делать карьеру. Но никакого другого выхода из сложившегося положения я не видел. Мне пришлось остаться в ЦРУ, потому что я нуждался в деньгах. Кроме того, я знал, что скоро смогу уйти в отставку и получить приличную пенсию.

Как референту Восточноазиатского отдела мне было просто нечем заняться. От безделья я не переставал копаться в собственных переживаниях. Все меня раздражало. Я позволял себе открыто смеяться над руководителями ЦРУ, говорил, что за их громкой риторикой скрывается непонимание обстановки. Коллеги по работе не узнавали меня.

Целых четыре года провел я в отделении по делам международного коммунизма, и все это время мне казалось, что я нахожусь на последних, самых худших кругах Дантова ада. Но никто не мог помешать мне наблюдать и изучать все, что происходило вокруг. В конечном счете я многое узнал о коммунизме, о ЦРУ, часто размышлял о пережитом.

Мое единственное занятие состояло в том, чтобы го-

готовить обзоры по материалам, поступавшим от служб ЦРУ, госдепартамента, министерства обороны, из газет и коммунистических изданий. Из разведывательных донесений о политической обстановке в различных странах мира мы выбирали наиболее достойные внимания сообщения и на их основе готовили краткие сводки, с которыми знакомились все остальные сотрудники. К нам поступали выходящие на английском языке коммунистические газеты и журналы, а также подготавливаемый ежедневно ЮСА бюллетень, содержащий запись передач коммунистических радиостанций. Кроме того, мы работали с вырезками из крупнейших газет мира и такими американскими изданиями, как «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс».

Я сразу обратил внимание, что разведывательные донесения ЦРУ и сообщения газет часто совпадали. Иногда та или иная новость появлялась в газете даже раньше. Нередко газеты и ЦРУ сообщали об одном и том же событии одновременно. То же самое можно было сказать о достоверности информации и ее полноте. Особую тревогу вызывало у меня то обстоятельство, что зачастую газетная статья и разведывательные донесения оказывались совершенно идентичными. Мой четырехлетний опыт работы с поступающими из различных источников материалами привел меня к выводу, что вся информационная деятельность ЦРУ сводится к тому, чтобы снабжать правительственные органы такими сведениями, которые служили бы оправданием осуществляемых управлением тайных операций. Изучая политическую обстановку страны пребывания, сотрудники ЦРУ нередко действовали как обычные репортеры или дипломаты, не имея в то же время ни профессиональной квалификации первых, ни широких официальных контактов вторых. Больше всего меня беспокоило, что, превратившись в правительственное агентство новостей, ЦРУ все меньше внимания уделяло сбору разведывательных данных и их анализу.

Сотни сотрудничавших с ЦРУ людей работали на разных должностях в средствах массовой информации. Они служили тем самым каналом, посредством которого ЦРУ распространяло пропагандистские материалы в расчете воздействовать на формирование мирового общественного мнения. При этом, к сожалению, не существовало никакого фильтра, который препятствовал бы засорению этой дезинформацией информационных досек самого ЦРУ. В отделении по делам международного коммуниз-

ма нам очень часто приходилось работать с пропагандистскими материалами и я сплошь и рядом сталкивался с тем, что штаб-квартира управления направляет в свои резидентуры на местах инструкции, основанные на данных, содержащихся в статьях, появление которых в местной печати было спровоцировано агентами Центрального разведывательного управления. Временами мне удавалось отличить подлинную корреспонденцию от инспирированной, но чаще всего сделать это было невозможно. И поэтому в мои досье нередко попадали сфабрикованные управлением материалы, которые я, не зная об их происхождении, использовал в своей работе.

Примером такого рода операций по дезинформации могут служить передачи расположенной на Тайване мощной радиостанции ЦРУ, которая в разгар «культурной революции» в Китае вела вещание таким образом, что оно выглядело как вещание какой-нибудь материковой радиостанции. Из передаваемых сообщений следовало, что революция вышла из-под контроля и дело идет к полному развалу. Специальная служба зарубежного вещания ЦРУ записывала все эти передачи и включала их в обзоры программ, передаваемых коммунистическими радиостанциями. При этом другие подразделения управления принимали такого рода информацию за подлинные разведывательные данные.

Другая классическая операция по дезинформации была осуществлена Центральным разведывательным управлением в феврале 1965 года. Чтобы доказать, что Вьетконг получает военную помощь извне, была организована провокация с транспортом оружия, якобы направлявшимся из Северного Вьетнама к южновьетнамским партизанам. После инсценированной перестрелки судно с грузом оружия было «захвачено» и в качестве «доказательства» продемонстрировано американским журналистам и членам международной контрольной комиссии. Госдепартамент тут же поместил сообщение об этом «инциденте» в «Белую книгу». Сразу после ее выхода президент Джонсон направил во Вьетнам морских пехотинцев. Американское командование, по-видимому, поверив в сфабрикованную ЦРУ «утку», организовало патрулирование берегов Южного Вьетнама, чтобы пресечь другие возможные попытки перебросить оружие с Севера на Юг.

Это было опасное хождение по кругу. Дезинформация ЦРУ, воспринимаемая как объективная реальность,

попадала в досье американских правительственных органов и самого управления. Государственные служащие, которые не знали истинного характера поступивших к ним сведений, воспринимали их как подлинные. Очень часто службы ЦРУ сами были не в состоянии отличить свои собственные пропагандистские подделки от реальных фактов. Именно это явилось одной из причин катастрофы во Вьетнаме. Сегодня такой же круговорот дезинформации мы наблюдаем в связи с событиями в Сальвадоре. В начале 1981 года госдепартамент издал очередную «Белую книгу», составленную на основе «обнаруженных» в Сальвадоре документов, доказывающих, что ведущие борьбу с правительственной тиранией партизаны получают помощь извне. Американские политические деятели, средства массовой информации, само управление, судя по всему, поверили в подлинность этих документов.

В соответствии с этим строилась и вся американская политика в отношении Сальвадора, формировалось общественное мнение. К счастью, некоторые политические деятели и представители печати на этот раз не были такими доверчивыми, как во время войны во Вьетнаме. Очень скоро в ряде изданий, включая «Уолл-стрит джорнэл», было опубликовано сообщение, в котором сальвадорские «документы» разоблачались как обыкновенная фальшивка. Хотя я не могу доказать этого, но мне кажется, во всей этой истории замешано ЦРУ.

За все двадцать лет работы в Центральном разведывательном управлении я ни разу не сделал попытки познакомиться с коммунистической идеологией по первоисточникам. Вместо этого я полностью полагался на американскую печать, ту информацию о коммунистическом движении, которая содержалась в материалах управления. Никакой другой правды его сотрудники никогда не знали. Ограниченный срок двухгодичных зарубежных командировок, стремление полагаться исключительно на «доверительную» информацию из источников американской разведки, общая атмосфера яростного антикоммунизма — все это способствовало выработке извращенного, предвзятого представления о том, что представляют собой теория и практика коммунизма.

С первых дней моей работы в отделении по делам международного коммунизма мне пришлось иметь дело с одним из сотрудников оперативного управления, занимавшимся операциями, которые ЦРУ незаконно осуществ-

вляло внутри самих Соединенных Штатов. Назову его условно Джоном. Это был дружелюбный, словоохотливый и энергичный человек лет пятидесяти. В его функции входили вербовка, подготовка и обучение агентов из числа студентов американских университетов, которых затем внедряли в студенческие организации левого толка. Такого рода деятельность получила название «операций соблазна». Суть их состояла в том, что, завоевав у себя дома, в Штатах, репутацию «левых», эти молодые люди направлялись затем за границу с заданием войти в доверие зарубежных компартий и постараться проникнуть в них. Таким образом, эти люди являлись своего рода приманкой. Однако этим их функции не ограничивались. Участвуя в движении американских «левых», они должны были не только зарабатывать соответствующее реноме, но и собирать информацию об этих организациях, то есть заниматься тем, что американские законы категорически запрещают.

Джону, который, как и я, работал в Восточноазиатском отделе, почему-то очень хотелось поделиться со мной своими взглядами на советско-китайский конфликт. Он периодически приглашал меня к себе и начинал излагать свои фантастические теории. Это был настолько приятный человек, что трудно было отказаться выслушать его. Оказалось, Джон знает о советском и китайском коммунизме больше, чем кто бы то ни было в управлении, и к тому же прекрасно владеет коммунистической терминологией. Используя основные положения статьи Мао Цзэдуна «О противоречиях», Джон пытался убедить меня в том, что китайские и советские руководители заключили якобы секретное соглашение, в соответствии с которым они разыгрывают перед всем остальным миром спектакль раскола, чтобы усыпить бдительность людей и покорить другие народы.

Мне правилось дразнить Джона. Например, я спрашивал его:

— Если действительно существует советско-китайский заговор, для чего же они воюют друг против друга на границе?

— Все об этом спрашивают, — без тени смущения ответил Джон. — Дело в том, что главное для них — обмануть мир, а пограничные стычки — это так, для отвода глаз. Что с того, что погибнет несколько солдат, если это поможет убедить общественность, будто между

СССР и Китае действительно существует раскол? Подумаешь, какая потеря!

Энергии и энтузиазма в этом человеке было явно больше, чем здравого смысла. Однако надо признать, что все его теории были не более сумасшедшими, чем те, которыми руководствовалось ЦРУ в отношении Вьетнама.

Несмотря на все заскоки Джона, беседы с ним открыли мне глаза на различные стороны коммунистического учения. Для иллюстрации основных положений коммунистического учения и исторических условий, которые его породили, он широко использовал произведения марксистов, и прежде всего Мао Цзэдуна. Полученные от Джона сведения помогали мне лучше понять содержание коммунистических газет, журналов и радиопередач. Постепенно накапливая факты и преодолевая предубеждения, я научился смотреть на происходящие события глазами коммунистов. К моему удивлению, оказалось, что они по-своему правы. Особенно наглядным примером их правоты были, конечно, трагические события во Вьетнаме. Впервые я получил возможность ознакомиться с историей вьетнамской войны. Впервые я осознал, что ЦРУ совместно с армией и другими правительственными службами США в течение двадцати одного года непрерывно пытаются лишить коммунистов их законного права руководить страной, подавляющее большинство населения которой оказывает им поддержку.

Предпринятое мной в 1967 году исследование обстановки в Северном Таиланде показало, что имеется ряд аспектов деятельности коммунистов в Азии, существование которых ЦРУ просто игнорирует. Однако управление не только сознательно закрывало глаза на действительность. Мне, например, стало ясно, что в отношении Вьетнама оно выработало собственную программу действий, напоминающую те, которыми руководствовалось «министерство правды» в известном романе Оруэлла «1984». В отличие же от персонажей Оруэлла ЦРУ не только игнорирует в своих национальных разведывательных оценках, считающихся вершиной разведывательного мастерства, реальность сегодняшнего дня, но и пытается заново переписать историю совершившихся событий. Кроме того, широко используя тайные операции, оно старается повлиять на будущее.

Я не сразу пришел к пониманию того, что Центральное разведывательное управление занимается обманом.

Для этого потребовались годы, чтобы накопить факты, изучить документы, лично участвовать в операциях. Однако окончательное просветление было актом мгновенным.

Однажды мне попала статья Сама Адамса «Освещение войны во Вьетнаме. Жонглирование цифрами, или стремление ЦРУ скрыть свои собственные разведданные», опубликованная в майском номере журнала «Харпер». В статье излагалась история захваченного у вьетконговцев важного документа, из которого явствовало, что Вьетконг контролирует территорию с населением шесть миллионов человек. Автор рассказывал, что, хотя он направил этот и ряд других документов руководству ЦРУ, никакой реакции не последовало.

Адамс занимался в управлении аналитической работой. В его обязанности входила оценка численности коммунистических вооруженных формирований, действовавших в Южном Вьетнаме. По его словам, он вел бесконечную и в то же время безуспешную борьбу с руководством ЦРУ, постоянно занижавшим численность повстанцев на Юге страны. Тридцать раз ему грозили увольнением, пока в конце концов разгневанный Адамс сам не подал в отставку.

Статья свидетельствовала, что я не одинок в своих сомнениях, что я не сумасшедший, что есть и другие, кто, как и я, пытается бороться. Еще важнее было то, что Адамс помог разгадать мучившие меня много лет вопросы: почему в 1967 году меня убрали из Таиланда? почему были прекращены начатые мной исследования? почему, наконец, замалчивались полученные в результате этих исследований выводы?

В статье говорилось о тех ожесточенных стычках, которые происходили между высшими эшелонами власти ЦРУ и американской военной разведкой по вопросу численности вооруженных формирований коммунистов, противостоявших нам в Южном Вьетнаме. В сентябре 1967 года, как раз в то время, когда Колби приезжал в Северо-Восточный Таиланд, после бесчисленных столкновений со своим начальством Адамс, единственный из всех сотрудников управления, получил разрешение попытаться убедить военное командование в том, что его данные о численности повстанцев чудовищно занижены. Признание этого факта потребовало бы коренного пересмотра основ всей нашей политики.

В то время как Сэм в Сайгоне и в Вашингтоне в одиночку отстаивал свою точку зрения, не получая никакой поддержки со стороны руководства управления, в штаб-квартире циркулировали составленные на основе моих исследований разведывательные донесения. В них разъяснялось, что вооруженные отряды являются лишь одним из многочисленных элементов революционной коммунистической организации в Азии. Но коль скоро ЦРУ не хотело соглашаться с данными Адамса о численности коммунистических вооруженных формирований, оно тем более не могло поддержать выводы, содержащиеся в моих докладных записках, потому что это означало бы признание того, что наш противник в действительности намного сильнее, чем это предполагалось.

Таким образом, загадка оказалась разгаданной. Мои разведывательные донесения прибыли в Лэнгли как раз в тот момент, когда битва по поводу оценок численности вооруженных сил Вьетконга достигла своего апогея. Авторы этих оценок утверждали то, что творцы американской политики во Вьетнаме категорически отказывались признавать, — что война во Вьетнаме давно проиграна. Руководителям ЦРУ необходимо было сделать так, чтобы содержащиеся в представленных мной документах факты остались неизвестными, потому что они опровергали их собственные взгляды на положение в Индокитае. Они не могли позволить, чтобы я или кто-то другой еще раз направили в штаб-квартиру информацию такого рода.

Чтобы выполнять обязанности, возложенные на меня в отделении по делам международного коммунизма, мне вполне хватало одного часа в день. После многих лет напряженной многочасовой работы такое затишье казалось мне очень странным. Бывшие друзья по отделу меня избегали, как, впрочем, и я их. Часто, сидя в своем кабинете и глядя на молчащий телефон, я размышлял о том, смогу ли вынести такое к себе отношение еще целых четыре года, оставшиеся до пенсии.

Со временем я понял, что мое положение дает мне великолепную возможность подготовить такие материалы о коммунизме в Азии, каких никто в ЦРУ до меня не готовил. Прежде всего я решил посмотреть по каталогу, какие работы были изданы ЦРУ по проблемам революционного движения в азиатских странах. Оказалось, что таковых нет. Тогда я начал составлять список имеющихся книг и исследований по данной проблеме. Несколько месяцев спустя я направил начальнику Восточ-

ноазиатского отдела Шакли записку с просьбой санкционировать продолжение моего исследования. Никакого ответа не последовало. Понимая, что Шакли никогда не согласится поддержать предложенную мной тему, и преисполненный желанием продолжать ее разработку, я добился перевода в штат отделения по делам международного коммунизма. Мой непосредственный начальник Джейк благожелательно относился к моим исследованиям и одобрял мое стремление довести их до конца.

Очень скоро мне стало понятно, что авторы всех имевшихся в библиотеке ЦРУ книг и трудов исходят из совершенно неверного представления о природе повстанческого движения, разделяют свойственный военно-разведывательному комплексу ошибочный подход к проблемам борьбы с этим движением. Выяснилось также, что ЦРУ не располагает такими авторитетными источниками, как работы французских авторов о вьетнамской революции, изданные госдепартаментом донесения американских дипломатов о положении в Китае в 40-х годах, сочинения американских ученых и журналистов, подготовленные на основе оригинальных китайских материалов и, как это ни странно, трудов Мао Цзэдуна, Хо Ши Мина, Линь Бяо и генерала Нгуен Зиана. Не случайно слушатели различных курсов по борьбе с партизанским движением не имели ни малейшего представления об этих источниках. Ведь в них опровергалось все то, чему учили их инструкторы.

Читая указанные первоисточники, нетрудно было понять, что американцам следовало вести войну совершенно другого типа, такую войну, которую им вести не хотелось. Вот почему игнорировались высказывания противника о своих собственных силах. 700 сотрудников ЦРУ получали большую зарплату за то, что занимались сбором данных о природе и силе движения вьетконговцев, и никто из них не догадался прочесть труды коммунистических лидеров, в которых четко и ясно изложено все, что им хотелось бы знать. Если бы за двадцать с лишним лет, в течение которых США вмешивались в дела Вьетнама, был сделан хотя бы один серьезный анализ сложившегося положения с использованием сочинений руководителей компартии, этого было бы достаточно, чтобы разоблачить абсолютную беспомощность американских разведывательных органов, предсказать неизбежность нашего поражения в Индокитае.

Однако склонность ЦРУ прятать по-страусиному го-

лову в песок проявлялась не только в том, что оно игнорировало эти лежащие на поверхности источники, с которыми по собственной инициативе знакомились тысячи американцев. ЦРУ не обращало ни малейшего внимания и на программы радиостанций коммунистического Вьетнама, хотя специальное вспомогательное подразделение — служба зарубежного вещания — ежедневно записывало, переводило на английский язык и распространяло в виде специальных бюллетеней содержание этих передач. Многие программы включали подробные инструкции коммунистических лидеров, предназначенные для различных организаций, ведущих борьбу за освобождение Вьетнама. Тем не менее ЦРУ делало вид, будто этих организаций, в рядах которых насчитывалось несколько миллионов членов, вовсе не существует.

Не желая видеть то, что творится у него под носом, ЦРУ проявляло невероятную близорукость. В 50—60-е годы Китай организовал у себя подготовку революционеров, выходцев из стран «третьего мира». Возвращаясь на родину, эти люди зачастую попадали в поле зрения американской разведки, которой иногда удавалось выкрасть их записи и другие учебные материалы. Довольные своим успехом, оперативные работники срочно слали их в штаб-квартиру, чтобы с ними могли ознакомиться другие сотрудники управления. Попадая в китайский сектор, эти материалы вызывали изумление «знатоков». «Как?! — восклицали они. — Неужели китайцы такие дураки, что учат своих братьев-революционеров тому же, что они вещают на весь мир?» Действительно, целый учебный курс, хотя и с некоторыми поправками, был основан на широко разрекламированном памфлете Линь Бяо «Да здравствует победа народной войны!». Когда же текст лекций этого курса оказался в китайском секторе, там немедленно поставили на него штамп «ознакомление с данным материалом в других подразделениях нецелесообразно». Созданное фантазией Оруэлла «министерство правды» приобрело своего двойника в реальной жизни.

После того как я освоил терминологию вьетнамских коммунистов и изучил историю их движения, стало очевиднее, что в своих разведывательных донесениях ЦРУ игнорирует некоторые основные его элементы. В начале 1974 года я составил на имя начальника Восточноазиатского отдела еще одну докладную записку, в которой обращаю внимание на то, что сообщаемые нами данные

о коммунистическом движении не только во Вьетнаме, но и на Филиппинах, в Таиланде, Малайзии, Лаосе, Камбодже и Сингапуре страдают неточностями. Как обычно, Шапли не удосужился даже ответить. Несколько месяцев спустя я направил другую записку с просьбой разрешить мне обратиться к кому-нибудь из руководства управления. И снова ответом было молчание.

В ноябре 1974 года ко мне попали два разведывательных донесения, в которых говорилось, что правительство Южного Вьетнама находится на грани падения. Оба документа были подготовлены провинциальным отделением резидентуры. Обычно все донесения с мест (кроме подлежащих немедленной рассылке) поступают в Лэнгли через резидентуру в Сайгоне, которая дает разрешение на его отправку в штаб-квартиру. На этот раз, чтобы избежать цензуры главы резидентуры, два смелых сотрудника направили разведывательное донесение прямо в Лэнгли. Я с изумлением читал попавшие ко мне копии этих документов. Содержавшиеся в них выводы полностью опровергали все те оценки положения в стране, которые слала в штаб-квартиру резидентура. В первом донесении приводились данные о южновьетнамских военных и гражданских служащих, которые либо сбежали к вьетконговцам, либо дезертировали. Оказалось, что за год армия и правительственный аппарат потеряли одну треть своего кадрового состава. Во втором донесении сообщалось, что в одной из южновьетнамских провинций местные власти контролируют лишь административный центр. Вся же остальная территория находится под властью коммунистов.

Узнав о характере разведывательных донесений своих подчиненных, глава резидентуры Том Полгар дал в штаб-квартиру управления срочную телеграмму с похожей на категорический приказ рекомендацией воздержаться от их рассылки по другим подразделениям ЦРУ. Позднее мне довелось ознакомиться с телеграммами, в которых глава резидентуры устроил настоящий разнос авторам донесений. Они обвинялись в том, что отправили не проработанный как следует документ, составленный на основе ненадежных и неполных данных, что в нем содержится мрачная, искажающая действительное положение дел картина. В той же телеграмме Полгар дал указания о новом порядке составления такого рода документов, при котором появление в будущем подобного рода донесений было бы невозможно. Так, например, он по-

требовал, чтобы оперативный работник управления лично выезжал в каждый район, который, как он считал, попал под коммунистический контроль, чтобы на месте проверить, соответствует ли его оценка действительному положению дел. Разумеется, если бы наши сотрудники попытались выполнить это требование, они немедленно были бы убиты или взяты в плен.

Конечно, здравый смысл требовал, чтобы я немедленно пошел с этими донесениями и гневной телеграммой Полгара к Шакли и заставил его признать реальное положение дел во Вьетнаме. Но я не стал этого делать. Мой начальник, безусловно, ознакомился с этими документами. Он прекрасно знал, что происходит в стране, и тем не менее молчаливо принял сторону главы резидентуры. Однако я все же предпринял попытку привлечь внимание руководства к этой истории. В отчет о проделанной работе за 1974 год я включил свою собственную оценку сил южновьетнамских коммунистических организаций и северовьетнамских вооруженных сил, а также указал, что частный вывод о положении в одной из южновьетнамских провинций с полным правом можно распространить на положение в стране в целом. Из моего отчета следовало, что южновьетнамскому правительству грозит скорый крах. С такого рода документами, как этот, знакомятся начальник оперативного управления и шеф Восточноазиатского отдела. Как обычно, никакой реакции не последовало.

Прошло всего несколько месяцев, и в апреле 1975 года режим Тхиеу рухнул. К этому времени я был уже в США и, сидя дома, наблюдал по телевизору жуткие кадры эвакуации с помощью вертолета людей из напоминающего крепость американского посольства. А ведь этой катастрофы могло бы не произойти. С первых дней нашего присутствия во Вьетнаме, то есть с 1954 года, до апреля 1975 года было очевидно, что в стране нет ни русских, ни китайских солдат, что победу одерживают сами вьетнамцы. В гневе смотрел я на телеэкран, потому что знал: как только США немного оправятся от этого поражения, они начнут какую-нибудь новую авантюру, в которую нас опять втянет ЦРУ с его извращающими реальное положение дел разведывательными донесениями и направленными на дезинформацию общественности тайными операциями.

В 70-х годах назначенная палатой представителей комиссия Пайка и сенатский комитет Черча провели серию

расследований незаконной деятельности ЦРУ. Последовал ряд разоблачений, наибольшее число которых падает на 1975 год. Итоговый доклад комиссии Пайка был засекречен и в целом остался неизвестен американской общественности. Однако в результате утечки информации некоторые его разделы были опубликованы в журнале «Виладж войс» 16 февраля 1976 года. В них рассматривалась эффективность деятельности ЦРУ в период шести крупнейших международных кризисов. Оказалось, что во время каждого из них управление либо предоставляло руководителям страны неточные сведения, либо вообще оставляло их без какой-либо информации. В частности, указывалось, что ЦРУ не сумело предугадать крупнейшее наступление Вьетконга, развернувшееся по всему Южному Вьетнаму в 1968 году, в канун новогоднего праздника Тэт.

В докладе комиссии Пайка говорилось также о просчетах ЦРУ во время революции в Португалии в 1974 году и военного конфликта между Грецией и Турцией из-за Кипра в июле того же года. Указывалось, наконец, что управление не располагало данными о произведенном Индией в 1974 году взрыве ядерного устройства.

В исчерпывающем расследовании комитета Черча содержался вывод о том, что Центральное разведывательное управление занято скорее выполнением заданий президента с помощью тайных операций, чем сбором разведывательных данных и их анализом. В заключительном докладе говорилось, что ЦРУ тайно финансировало издание книг и что всего за рассматриваемый период при его помощи вышло около одной тысячи работ, причем четыре пятых из них на иностранных языках. Согласно материалам комитета управление имеет собственные агентства новостей, агенты ЦРУ работают в крупнейших органах печати. Указывалось, наконец, что ЦРУ незаконно проталкивало подготовленные его подразделениями материалы в американскую печать. Нередко в этих публикациях давалась ложная информация о происходящих событиях, чтобы оправдать те цели, которые преследовало управление в ходе осуществляемых им тайных операций.

В период расследования в печати появились фотографии директора ЦРУ Уильяма Колби, который демонстрировал пистолет, стреляющий отравленными пулями, а также сообщения о том, что управление не выполнило приказ об уничтожении средств биологической войны, о

практике незаконного вскрытия писем американских граждан, о предпринимавшихся в течение ряда лет попытках свергнуть правительство Альенде. Стали известны омерзительные подробности истории с наркотическими средствами, которые проститутки по наущению сотрудников управления подсовывали своим клиентам, чтобы заснять их поведение в состоянии наркотического опьянения. Огласка этих и многих других фактов создала ЦРУ зловещую репутацию.

Никогда еще моральный дух сотрудников управления не падал так низко. Как ни странно, мало кого волновали сами незаконные действия, как таковые. Больше всего моих коллег огорчало то, что эти действия стали известны общественности. Никого из них не мучили угрызания совести. Они считали, что если бы американцы знали то, что известно им, работникам ЦРУ, то поняли бы и поддержали политику ЦРУ.

Вывод комитета Черча о том, что Центральное разведывательное управление занимается не столько сбором разведывательной информации, сколько выполнением по заданию президента тайных подрывных операций, подтвердил мои худшие предположения о характере этой организации. Фактически слово «разведывательное» в ее названии служит лишь прикрытием основного занятия управления — выполнения тайных операций. Что же касается представляемых им разведывательных данных, то они, как ни дико это звучит, служат главным образом целям дезинформации. Все это заставило меня по-новому, более широко взглянуть на мой личный опыт работы в Юго-Восточной Азии. Я понял, что ЦРУ оказалось неспособным правильно оценить не только ход революций в Азии, но и всех других событий, к которым оно было причастно.

Чтобы проверить правильность своих выводов, я начал следить за внутривнутриполитическими процессами в Латинской Америке, на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке. Везде ЦРУ активно и по одному и тому же шаблону занималось дезинформацией. Повсюду его разведывательные донесения преследовали цель оправдать осуществление тайных операций. Это окончательно убедило меня в том, что управление не является и никогда не являлось разведывательным ведомством. Будучи созданным сразу вслед за Организацией Объединенных Наций, оно было призвано заменить прежнюю «дипломатию канонерок», ведение которой при наличии влия-

тельной международной организации оказалось невозможным. То, что когда-то армия США, их военно-морской флот и подразделения морской пехоты делали в открытую, теперь тайно выполняло ЦРУ. Мне стало ясно, что Центральное разведывательное управление на самом деле является Центральным управлением тайных операций.

Однажды после рождественских каникул я зашел в куполообразный холл и вдруг увидел на доске объявлений приказ заместителя начальника оперативного управления Уильяма Уэлса, в котором говорилось, что в связи с сокращением кадров каждый оперативный сотрудник, прослуживший в общей сложности двадцать пять лет, в том числе не менее пяти лет за рубежом, может досрочно уйти в отставку. Сорвав объявление, я с противительным воплем «Я могу уйти!» бросился в кабинет и тут же позвонил Норме. Затем я отправился к начальнику отделения по делам международного коммунизма Джейку и, опасаясь, что он не слышал моих радостных криков, сообщил ему о своем решении. Джейк предложил мне подумать день или два, но я категорически заявил, что в этом нет никакой необходимости.

Несколько недель спустя меня известили о том, что по рекомендации Джейка я награжден медалью за безупречную работу в ЦРУ. Я согласился принять награду по трем причинам: во-первых, мне хотелось, чтобы мои дети гордились своим отцом; во-вторых, я не хотел ставить в неловкое положение Джейка; в-третьих, я решил, что награда придаст дополнительный вес тем моим критическим замечаниям, с которыми мне, возможно, придется выступить. Если бы не это, я бы с удовольствием швырнул медаль под ноги моим начальникам.

На церемонию вручения пришли жена, четверо детей, зять и внук. Меня глубоко тронуло их присутствие. За плечами у меня остались двадцать пять лет иллюзий. Последнее десятилетие я прожил с чувством гнева, горечи, сомнений, недоверия и отвращения, в постоянной борьбе с самим собой и другими. В том, что я вышел из этого испытания не свихнувшись, была большая заслуга моих родных и близких, всегда оказывавших мне своевременную поддержку и доверие.

Церемония награждения состоялась на седьмом этаже, в кабинете, расположенном рядом с апартаментами директора ЦРУ. Вручавший медаль Уильям Уэлс прочел

вслух приказ, и я с удивлением услышал, что награжден и за отличную работу в Малайзии, стране, в которой я никогда не был. Как почти во всем, за что берется ЦРУ, оно и здесь допустило ошибку. И на этот раз представленные им данные оказались неточными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ни сегодня, ни в прошлом Центральное разведывательное управление никогда не было разведывательным. Оно является организацией, осуществляющей тайные операции по заданию помощников президента по иностранным делам. Управление занимается тем, что свергает иностранные правительства или, наоборот, оказывает им поддержку, одновременно фабрикуя разведывательные донесения, оправдывающие эти действия. Даже в таких жизненно важных сферах, как советская ядерная мощь, оно поставляет лишь такую информацию, которая оправдывала бы политику президента. Одна из главных целей тайных операций — дезинформация, и ее жертвой становится прежде всего сам американский народ.

В заключительном докладе комитета Черча указывалось, что к числу важнейших функций ЦРУ относится распространение антикоммунизма. Появление любого политического движения, участники которого требуют социально-экономического равенства, управление приписывает козням коммунистов. Такого рода пропаганда нужна для того, чтобы подготовить американское и мировое общественное мнение к следующему шагу — уничтожению этого движения. Всякое равенство — враг для ЦРУ, и оно делает все, чтобы равенство не восторжествовало.

Самая крупная и продолжительная операция Центрального разведывательного управления по дезинформации относится к периоду войны в Индокитае. С 1954 по 1975 год, пока нас не вышвырнули из Вьетнама, управление постоянно лгало американскому народу о событиях в этой несчастной стране. Оно организовало «переброску оружия» с Севера на Юг, периодически фабриковало фальшивые документы, обмануло всех относительно истинного характера инцидента в Тонкинском заливе, постоянно лгало о структуре и целях южновьетнамского коммунистического движения. Даже сегодня историки и бывшие сотрудники ЦРУ

выступают с теми же пропагандистскими клише, которые использовались во время войны, когда с их помощью пытались завоевать поддержку американской общественности нашей политики во Вьетнаме. Так, например, 22 апреля 1981 года газета «Вашингтон пост» опубликовала статью бывшего директора управления Уильяма Колби. Несмотря на все те разоблачения деятельности ЦРУ, которые содержались в опубликованных ранее документах Пентагона, Колби без тени смущения называет войну во Вьетнаме жестом альтруизма со стороны США, которые якобы пришли на помощь вьетнамскому народу. У него хватило наглости представить действия американской разведки в Индокитае в 1968—1972 годах, то есть в период, когда там активно действовали отряды убийц из ЦРУ, как образец для подражания и использования в Сальвадоре.

Темное изменилось в Лэнгли с тех пор, как я ушел оттуда. Управление придерживается прежнего курса, использует те же приемы. Об этом свидетельствуют, в частности, те «доказательства», которые оно сфабриковало для «Белой книги», рассказывающей о событиях в Сальвадоре. Все было сделано точно так же, как в 1961 и 1965 годах во Вьетнаме. Или возьмите, к примеру, Иран, где поддерживавшее шаха ЦРУ отказывалось от каких-либо контактов с оппозиционными группами. Все еще мелькают объявления о наборе бывших военнослужащих, из которых комплектуются полувоенные подразделения. А посмотрите, что делается в Никарагуа, где вооружают индейское племя мискито, чтобы попытаться с его помощью свергнуть никарагуанское правительство. Ведь это тот же самый вариант использования национального меньшинства, которое потом спишут со счетов за ненужностью. Именно это произошло в свое время с племенем хмонг в Лаосе.

На наших глазах ЦРУ пытается заново переписать историю, подвергнув ее цензуре. Мне пришлось столкнуться с этим лично, поскольку ЦРУ запретило публиковать некоторые положения моей статьи, рассказывающей об одной из самых успешных его операций — свержении в 1965 году индонезийского президента Сукарно. При Рейгане действия управления приняли настолько возмутительный характер, что даже комиссия по делам разведки палаты представителей выразила протест против ставших известными планов свержения лидера Ливии полковника Каддафи.

До тех пор пока ЦРУ будет заниматься такого рода операциями, оно не захочет, да и не сможет делать то, что обязано делать в соответствии со своим уставом: собирать разведывательную информацию. Это значит, что американское правительство осталось без одной из своих важнейших служб. Самое сильное, а потому и самое опасное государство мира вынуждено опираться на ложные данные, которыми снабжает его ЦРУ. У нас просто нет другого выхода, так как настоящей разведки мы не имеем. При современном оружии, применение которого станет днем страшного суда, такое положение нетерпимо.

Опасность принимает все более угрожающие размеры. Администрация Рейгана предприняла меры по усилению позиций ЦРУ. В директиве № 12333 от 4 декабря 1981 года, озаглавленной «Разведывательная деятельность Соединенных Штатов», президент дал управлению право проводить незаконные операции на территории самих США. Директива № 12356 «Об информации, касающейся вопросов национальной безопасности» ограничивает доступ общественности к документам правительства, создавая тем самым для ЦРУ более благоприятные условия, чтобы скрывать свои деяния. Президент хотел сделать так, чтобы управлению не надо было бояться разоблачений, чтобы оно могло спокойно заниматься распространением дезинформации, не опасаясь ничьей критики, чтобы американцы ничего не знали о том, как оно свергает законные правительства. Разумеется, такого рода деятельность ведется вовсе не в интересах большинства американского народа. Когда, например, где-нибудь за рубежом ЦРУ, помогая местному лидеру, организует какое-либо производство, американские рабочие теряют рабочие места. Выгоду из этого извлекают только богатые слои населения. Вот почему я считаю, что президент Рейган является представителем зажиточных американцев, а его исполнительный орган — Центральное разведывательное управление действует в интересах богатей.

Даже теперь, после явных провалов на Кубе, во Вьетнаме, на Ближнем Востоке и в других районах мира, басня о том, что ЦРУ занимается сбором разведывательных данных, все еще живет. Если бы вдруг управление захотело сказать правду о своей политике в развивающихся странах, оно должно было бы признать, что навязывает другим народам враждебные ему правитель-

ства, вооружает армии этих правительств, помогает им создать мощную полицию, для того чтобы они могли подавлять свои непокорные народы. Ему пришлось бы признать, что пришедшие при помощи ЦРУ к власти лидеры представляют интересы ничтожной части населения, что эта кучка убийц мучает и грабит свой собственный народ, делает все, чтобы сохранить свои привилегии. Такова правда, и чтобы скрыть ее, Центральное разведывательное управление пускает в ход версию, будто недовольные своим положением люди являются советскими, кубинскими или вьетнамскими лакеями, сражающимися не за себя, а за своих хозяев. Поскольку факты свидетельствуют об обратном и такая пропаганда никого и ни в чем не может убедить, ЦРУ подстраивает поимку судов с оружием, фабрикует фальшивые документы, ведет лживую радиопропаганду — одним словом, оно пытается подлинную реальность подменить выдуманной, в которую потом само начинает верить.

Чтобы создать высокоэффективную разведывательную службу, надо прежде всего распустить Центральное разведывательное управление. Я считаю, что по множеству причин ЦРУ в том виде, в каком оно существует, не может выполнять разведывательные функции. Главное препятствие для этого состоит в том, что президент и Совет национальной безопасности все время стремятся использовать управление не для сбора разведывательной информации, а в качестве орудия тайных операций. До тех пор пока от него требуют главным образом подрывной деятельности, оно не может быть поставщиком надежной и точной информации. Поскольку ЦРУ всегда было и остается ведомством тайных операций, вся его практическая деятельность приспособлена к тому, чтобы осуществлять именно такого рода операции. В то же время его работа по сбору чисто разведывательных данных направлена на пропагандистское обеспечение тайных операций.

Многие трудности, с которыми сталкивается управление, связаны с принятыми в нем принципами отбора кадров. В соответствии с этими принципами на работу в ЦРУ приглашаются люди, личные качества которых делают их пригодными прежде всего для участия в тайных операциях, но никак не для чисто разведывательной работы. Принятые в управлении методы работы также направлены в первую очередь на то, чтобы облегчить проведение тайных операций. В то же время согрудни-

кám зачастую мешают добиваться получения достоверных разведывательных данных. Пока все эти факторы будут действовать так же, как они действуют сейчас, ЦРУ не сможет выполнять свои разведывательные функции.

Необходимо освободить Центральное разведывательное управление от обязанностей, связанных с осуществлением тайных операций, и поручить их какому-либо другому правительственному органу. Конечно, было бы лучше вообще отказаться от тайных операций, но, учитывая современное международное положение, это нереально. Однако в случае создавшегося чрезвычайного положения особые тайные операции могла бы проводить специальная организация, укомплектованная профессионально подготовленными людьми. Это позволило бы избежать просчетов, допускаемых в настоящее время ЦРУ.

Если администрация решит, что ей нужна подлинно разведывательная служба, она легко может ее иметь. Но для этого недостаточно выделить тайные операции в самостоятельный вид деятельности, отделив их от сбора разведывательных данных. Чисто разведывательная работа только тогда будет успешной, когда выполняющие ее специалисты избавятся от какого-либо давления, связанного с политическими соображениями руководства. Совершенствованию американской разведки способствовало бы создание особого совета, осуществляющего контроль за требованиями, предъявляемыми к работникам системы и конечным результатам их деятельности. В качестве его членов следовало бы пригласить способных, честных, гибко мыслящих специалистов, гарантировав им либо пожизненные, либо долгосрочные назначения в совет. В его состав было бы целесообразно включить лучших выпускников высших учебных заведений, готовящих специалистов по общественным наукам, предварительно предоставив им возможность ознакомиться хотя бы в течение года с практической разведывательной работой. Такой совет мог бы заниматься анализом поступающей информации. Однако надежными его выводы будут только в том случае, если он ни от кого не будет зависеть в своих суждениях. Вероятно, наивно ожидать, что администрация позволит какому-нибудь из своих органов пользоваться такой самостоятельностью. Но если бы это случилось, хорошо подготовленные в профессиональном отношении специалисты, имеющие доступ к информации из всех источников, работая под надзором

«верховного суда» разведки, могли бы обеспечить правительство безукоризненно точными разведывательными данными. Не так уж трудно создать подлинно разведывательную организацию. Главная трудность состоит в том, что администрация должна захотеть иметь такую организацию, и эта трудность, наверное, непреодолима.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	11
Глава 1. Давай! Пошел! Вперед!	16
Глава 2. Япония и Филиппины, или наивные американцы за рубежом	34
Глава 3. Вашингтон. Жизнь среди папок с досье	52
Глава 4. Человек ЦРУ в Китае	63
Глава 5. Жизнь в Джангли	72
Глава 6. Северный Таиланд. Как мы спасали горные племена	85
Глава 7. Штаб-квартира ЦРУ. Как одурачивают конгресс США	103
Глава 8. В поисках красных	110
Глава 9. Штаб-квартира ЦРУ. Привидения в коридорах	143
Глава 10. ЦРУ во Вьетнаме. Как искажают действительность	152
Глава 11. Возвращение домой	193
Глава 12. Таиланд: взлеты и падения	195
Глава 13. Свет в конце туннеля	213
Заключение	230

Макгихи Р.

М15 **Смерть и ложь. 25 лет в ЦРУ: Очерк/Пер. с англ.**
А. В. Денисова. — М.: Воениздат, 1985. — 236 с.

55 к.

Автор книги — бывший сотрудник Центрального разведывательного управления США — рассказывает о подрывной деятельности главного американского шпионского ведомства в странах Юго-Восточной Азии.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

М 080400000—220 11-85
068(02)-85

ББК 66.4(08)

327.215

Редактор *Е. М. Соминский*
Редактор (литературный) *Г. В. Казнина*
Художник *А. И. Сухорук*
Художественный редактор *Е. В. Поляков*
Технический редактор *М. П. Зудина*
Корректор *Е. Г. Семеляк*

ИБ № 2523

Сдано в набор 15.04.85. Подписано в печать 25.06.85. Г-82163.
Формат 84X108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. об. нов. Печать высокая.
Печ. л. 7 1/2. Усл. печ. л. 12,6. Усл. кр. отт. 13,02. Уч.-изд. л. 13,62.
Тираж 65 000 экз. Изд. № 10/395. Зак. 800. Цена 55 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата,
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.

ВЫЙДУТ В СВЕТ В 1986 ГОДУ

КАРАУ Г. ДВОЙНАЯ ИГРА: Роман/Пер. с нем. — 23 л. — В пер.: 2 р. 60 к.

Роман писателя из Германской Демократической Республики представляет собой остросюжетный политический детектив. Автор в художественной форме разоблачает происки империалистических секретных служб против первого социалистического государства на немецкой земле.

Книга написана живым, образным языком и предназначена для массового читателя.

ТОБИНО М. ПОДПОЛЬЩИКИ: Роман/Пер. с итал. — 25 л. — В пер.: 2 р. 80 к.

В книге известного итальянского писателя в яркой художественной форме рассказывается о борьбе прогрессивных патриотических сил Италии против немецких и итальянских фашистов в годы второй мировой войны.

Через призму своего повествования автор с теплотой и симпатией показывает руководящую роль коммунистов, их стойкость и готовность к самопожертвованию. Вместе с тем в романе разоблачается звериное лицо фашистов, ввергших Италию в военную катастрофу.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ФЕЛЬДЕШ М. НОВЫЕ СЫНОВЬЯ: Роман и повести/Пер. с венг. — 28 л. — В пер.: 3 р. 10 к.

В книгу крупного венгерского прозаика вошел роман «Новые сыновья» и две повести: «Террор» и «Испания, любовь моя...».

Роман посвящен борьбе венгерских трудящихся за установление Венгерской советской республики в 1919 году и международным связям русского и венгерского народов.

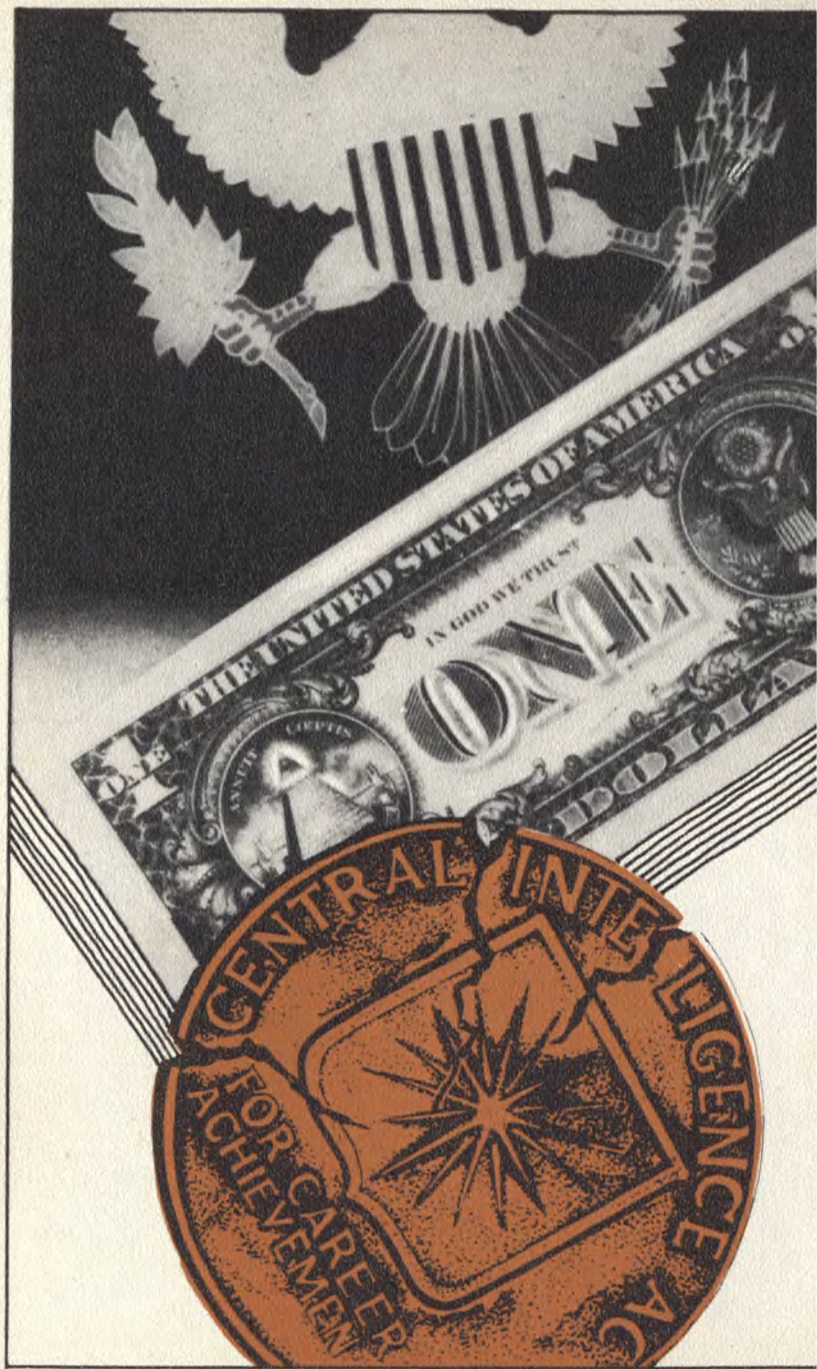
В повести «Террор» рассказывается о разгуле реакции в Венгрии в хортистский период и преследовании коммунистов.

В повести «Испания, любовь моя...» воссоздается картина борьбы испанского народа и интернационалистов многих стран, спешивших к нему на помощь, за создание республики в 1936 году.

Книга рассчитана на массового читателя.

К ЧИТАТЕЛЯМ!

**Просим Ваши отзывы о книге
присылать по адресу:
Воениздат 103160, Москва, К-160.**

55 К.

DEADLY DECEITS

My 25 Years in the CIA

